ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

7. 2012

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Министерство Чеченской Республики по национальной политике, печати и информации.

Адрес: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
27 марта 2009 г.
Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00025

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов Муса Магомедович

Редколлегия:
Л. Абдулаев
М. Бексултанов
Л. Довлеткиреева
Р. Межиева
М. Музаев
С. Мусаев
Р. Талхигова
А. Шайхиев

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45
E-mail:vaynah_az1@bk.ru
http://www.vaynah.at.ua

Журнал выходит один раз в месяц.

Журнал набран на компьютерной базе ГУ «Литературно-художественный журнал «Вайнах».
Отпечатано в ГУП«ИПК «Грозненский рабочий»
364021 ЧР, г. Грозный, ул. Интернациональная, 12/35
Подписано в печать 2.07.12
В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.
Тираж – 2500 экз.
Цена договорная
Заказ № ___

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЭЗИЯ
Валид ДОКАЕВ. *Песнь осени. Золотой император* Стихи.....2
Насрудин ЯРЫЧЕВ. *Восток*. Стихи.....12
Майрбек ЛУЛУЕВ. *Сердечная зарисовка*. Стихи.....18

ПРОЗА
Халим БУРЧАЕВ. *Абитуриент Йага*. Дийцар.....4
Шаран ДАШАЕВ. *Подарок. Летите, ласточки*. Рассказы.....14
Аслан ШАТАЕВ. *Голос за стенкой и блуждающие башни.* Рассказ.....21
Сулиман МУСАЕВ. *Доьхна де.* Дийцар.....36

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ
Милена ТЕДЕЕВА. *Бабушка*. Стихи.....34

ДЕБЮТ
Сайдик ЗАЙТЕМИРОВ. *Нана*. Стихи.....39
Мансур ГЕЛАГАЕВ. *Сиреневый запах единственной любви.* Рассказ.....40

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. *Плохо умирать наощупь*.....59

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ
Горная тропа к дому солнца. Имран ИСМАИЛОВ беседует с Таузом ИССОМ.....73

ЧЕЧЕНСКИЙ ЯЗЫК
Юсуп АМАЕВ. *Чеченский язык: краткие тезисы о происхождении и значении*.....84

И В ШУТКУ, И ВСЕРЬЕЗ
Ахмет ДЕНИСУЛТАНОВ. *Харизма инсталляций*. Афоризмы.....91

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
Малика ГОРТИКОВА. *Старинное оружие – в дар музею*.....56
Лидия МАХМУДОВА. *Переполох в театре «Серло»*.....93

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ
Малика ДЫШНИЕВА. *Новая книга о культуре чеченцев*.....95

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ
Сацита ИСРАИЛОВА. *Одержимые красотой*.....95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Поэзия

Валид Докаев

Песнь осени. Золотой император

Город оделся в желтые доспехи.

Старый император
Вернулся победителем
И осыпал город
Милостью.

Его приближенные бросают
Под ноги беднякам
Медь и золото царства грез.

И разодетая толпа,
Овеянная нежной грустью,
Топчет желтые монеты.

Старый император вернулся,
И мятежный город,
Целое лето
Вывешивавший
Зеленые и белые знамена,
Сдался на милость победителя.

Он надеется,
Что хотя бы на этот раз
Осень-император
Не обложит город
Непосильным налогом
Белых лепестков-снежинок.

Тюльпан твоей любви
Открыл навстречу бутон…

Золото Императора
Топчут немилосердно
Глухие,
Немые,
Слепые…

И скоро кончится казна…

К зиме

Все спряталось,
Забилось в щель,
И белка схоронилась в ель.

Я не предам тебя, – до встречи.
А помнишь, как ты мне на плечи
Бросала щепки свысока.
Я это не забыл пока.
Но я твое гнездо не выдам
Ни словом, ни плечом, ни видом.

Исчез последний караван
Безмолвных муравьев под елью.
Лишь мой скворец (он вечно пьян)
Тревожит сердце нежной трелью.

***

Порой мне кажется,
что надо умереть,
Чтоб небо улыбнулось вам в ответ.
Мне просто больно
видеть вас во тьме,
Когда у вас в груди пылает свет…

Упали в розы капельки с небес

Упали в розы капельки с небес.
И вот явилось чудо из чудес:
Вся синева легла на лепестки…
Упало счастье так в глаза твои!..

Все наши птицы улетели в небо

Все реже птицы прилетают в небо,
Покинутое ими до весны.
Я так глядел, что сердце
вдруг ослепло
От грохота небесной тишины.

Но что слова?!. Что мне
твои сомненья?!
На сердце не осталось больше гнезд.
Все наши птицы улетели в небо
И ищут что-то средь высоких звезд.

Ты не поймешь, какою нежной болью
Захвачены все города мои.
И птицы, очарованы тобою,
Падут к ногам твоим, как лепестки…

Ангел птиц

Тишина воскликнула… я знаю,
Ты кричала эхом всех сердец.
Долгим нежным взглядом провожаю
Обруч солнца – символ двух колец.

Убегаю от твоих ресниц!
Не маши мне сизыми крылами,
Словно ангел всех небесных птиц,
Ищущих приют за облаками…

Сложу журавликом листочек

Сложу журавликом листочек, –
Исписан кровью и слезой.
Но кто поймет, что этот росчерк
Мне стоил вечности с тобой?!.

Потревоженный улей солнца

Луна смотрит в мое окно
Камерой ночного вИдения.

Ей лучами ласкать дано
Глаза цвета неба,
Поразительно синего.

А утром
Потревоженный улей солнца
Выкрасит землю золотом
И незаметно росой прольется
На границе тепла и холода…

Повисла на моих плечах

Мой дом – холодный дождь весны.
Мой мир – таинственные сны.

Я слушаю ногами землю…
Она как будто снова дремлет.

Луна в хрустальных зеркалах
Повисла на моих плечах.

Смерть – от пращи, но разве камень злобен?!

Смерть – от пращи,
но разве камень злобен?!
Могиле хладной темный ум подобен.
Летящий камень – умысел злодея.
Лишь человек, смеясь,
убить способен!

Глиняная любовь

Кто создал нас, Тот знает, для чего.
А мы, увы, не знаем ничего.
Все, чем мы видим, создано из глины.
Любовь из глины! –
Вот где волшебство!!!

Я тайно выпил из твоей улыбки

Мудрец сказал мне, чтобы я не пил:
Опасно пить тому, кто полюбил.
Я тайно выпил из твоей улыбки
И безвозвратно сердце погубил!

Я знаю, как погибнут небеса

Мрачнел рассвет…
Иль я не вижу света?
Тускнело небо… или сердца нет?
Оно от боли пало безответно.
Оно боится слышать твой ответ.

Я знаю, как погибнут небеса:
Когда не станет глубины признанья,
Когда не будут извергать глаза
Живительного счастья ликованье…

Проза

Бурчаев Хьалим

Абитуриент Йага

Дийцар

Гуттар а, цхьа хIума дIадолош, чекхдаьллий-даланзий, и охьатосуш амал йолчу Йагина цIеххьана дагадеара университете деша ваха. Уггар хьалха и хьаьжира хIун, муьлха корматаллаш Iамайо дешаран лаккхарчу заведенехь. Эххар а цуьнан ойла къоман декъе, нохчийн мотт а, литература а Iаморна тIехь сецира. Цкъа-делахь, цунна шена ма-хеттара, ненан мотт дика хууш вара Йага, шолгIа-делахь, ша нохчийн меттан говзанча ву моьттуш, кураваьлла лелачу Мушуна, цунначул цхьа цуьрриг а ледара и хууш ша а воций хаийта а лаьара.

Ша дагалаьцнарг къайлехь латто сацамбинера цо, цкъа хьалха ша Босбикех дагаваьллачул тIаьхьа. Босбикас йоккхаерца тIеийцира цIийнден хаам.

– ДагадогIий хьуна, – бохура цо, – вайшиъ Аштаркхне бIарийн тIамарш йохка дахана долуш, цхьана цигонийн зудчо хьуна пал тесна? ХIан?.. Ой, дера догIу хир ду-кха, иза тIе хIунда еана ца хууш, дов а ма даькхира ас цуьнца… Цо хьоьга, «золотой мой» олуш а хезна, цунах лата чукхоссаелла со а ма яра хьуна чIогIа хаза-м! Iовдал со!..

Йагин шуьйрачу юьхь тIера шуьйра мара, иза велакъежча гуттар а санна, кхин тIе а шорбелла, дIасабаьржира, дагадогIу бохучу суьртехь корта теIабора цо.

– …ХIаъ, хIаъ, хIинца дагадеа хьуна. И-м хьуна палтаса тIееана хиллера, ткъа суна, Iовдална, хьоьга безам бахана, боккъал а хьо везавелла, цо и боху моьттинера-кх, – ши куьг вовшах а тухуш елаелира зуда. – Иштта олуш ма хилла цара божаршка а, зударшка а, хьаьстина-Iехийна, пал а тесна, ахча даккха. И иштта дуй суна хIетахь ма ца хаьара, цул тIаьхьа кхийтир-кха, – юха а елаелира зуда. – ХIетахь цигахь, Аштаркхнехь, ша хьуна палтосуш, оцу цигоно ма элира, хьох, хьан шовзткъа шо кхаьчча, нах дагабийла тIе а оьхуш, чIогIа хьекъал долуш стаг хир ву. Дагадеан хьуна хIинца? – майрачунна тIейогIаелира Босбика.

– Ой, вайн Делора, элир-кха! Хьажахьа, хьажахьа, Кампет, суна ма дицделлера-кх и хIума. Вайн Делора ю хьо хIуманан иэс чIогIа долуш зуда, – хастийра Йагас Босбика.

– Уьш, и цигонийн зударий, пал чIогIа нийса тосуш бу, ма олу. Со-м цкъа а ца тешнера цу хабарех, цкъа царах цхьамма, ахь кестта малар дуьтур ду а аьлла, цуьнан и «кестта» итт шарал тIехдаьллачул тIаьхьа дуьйна. Хьанна хаьа, стаг, хьуна тесна пал нийса хила а ма мега. ГIуо хьо, гIуо деша. Хьо, хIун, кхин Хьаппил, Шовхалал Iовдал ву? Я и Мушу бохучу муьстаргал кхетамна тIаьхьависина? – ша шега хаттар хIоттийна, юха ша жоп а делира Босбикас: – Ца висина, вайн Делора-кх, мелла а хилла а, хьекъална цул лакхара ву-кх хьо. Хьоьга, цаьрга санна, ша воцург ву ца моттийтало. Шайна хуург а, цахуург а хаьа моттуьйтуш, лела-кх уьш. ГIуо хьо деша, – къобалбира Босбикас Йагин харжам.

Оьшуш долу кехаташ университете дIадала деза хан тIекхечира. ТIаккха ийшира Йагина накъост. Шен кхаа доттагIчух гIараваларх ларлуш волчу Йагас Митаре йийцира шен къайле. Митар Йагица цхьана классехь дешна вара, хIорш ишколехь болуш. БархI класс чекхъяьккхинчул тIаьхьа иза гIалара корматаллин училище дIавеллера цуьнан дас, цо кхин ишколехь деша а ца тигна. Цигахь цхьана шарахь гергга деша а кхиира. Деша аьлча а, гIалахула

кхерсташ лийлир-кха, и бахьанехь цIа а хьажийнера. Цунна гIала дика евзара, ша вина-кхиъна Бийтар-эвла санна.

Іуьйрре новкъаваьлла, гIала ваханчу цу шимма кехаташ университете чуделира, тIаккха сарралц, Митарна дукхадезаш долу йий муьйлуш а лелла, цIа веара и шиъ. Митара дош делира, Йагас дагалаьцнарг кхочушхилла даллалц, цуьнан къайле нахала ца яккха. Бакъду, нах-м ІадІийр бара, Йагин доттагІаша – Хьаппис а, Шовхала а, Мушус а – догъэтІор дар-кха, хІокхунах цхьа беламе хІума даккха гІерташ. Царна кара а ма до, дерг-доцург вовшахтухий а.

Хьалхарниг нохчийн меттан а, литературин а экзамен яра. Ша и дІаяла воьдуш а шеца Митар вигира Йагас, гІалахь ша тилаваларна кхоьруш.

Ненан мотт буьйцучохь шена цхьа цуьрриг а халонаш нислур ю аьлла, хеташ вацара Йага. ХІунда аьлча нохчийн маттахь арадолу газет доьшура цо, юкъакара шега и кхаьчча. Цу тІера культурин а, литературин а агІонаш тІехь хІокхо дика мах хадош статьяш нислора цкъацкъа. Масала, нохчийн къам мичара схьадаьлла, историн къайленаш, дешнаш кхолладалар дуьйцурш, безамах стихотворенеш, забаре дийцарш а. Политикин а, экономикин а декъехь йолу материалаш еша сингаттаме хетара, кхин еша хІума ца хилча, царна тІе ша хьежарх а.

Йагин берийн хеннара бераш ду ала мегар дара, кхуза деша богІурш. Фамили а, цІе а яьккхина, цаьрца чувигира Йага. Шайн-шайн рогІехь экзамен схьаоьцучу кабинет чу кхойкхура деша баьхкинчаьрга. Эххар Йагин цІе а яьккхира.

Йага чоьхьаваьлча, цунна гира абитуриенташна дуьхьал ерзийначу стоьла хьалха хиъна Іан кхо стаг. Уьш, хІокхуьнан хеннара белахь, кхин баккхий хир бацара. Цаьрга маршалла муьлхачу маттахь хатта деза ца хаьара Йагина. Жимма соцунгІа хиллачул тІаьхьа:

– Ассалам Іалайкум, кІентий! – салам делира цо.

Хевшина Іашберш цхьабосса, леррина кхуьнга хьаьвсина:

– ВаІалайкум салам! – олуш, хьалагІевттира. Йагас, тІе а вахана, куьг дІакховдийра уггар хьалха царах шена воккхаха хетавеллачуьнга. Зоьртала, буто дегІ а долуш, горга, шуьйра юьхь йолуш волчу вукхо, борз-морзахо санна, чІогІа Іовдуш, схьалецира Йагин куьг. ЦІарула цІен юьхь-бос богуш, юккъера дегІара волчу шолгІачо схьакховдийна куьг мела, кІеда дара. Йагас къовллуш схьалецира и. КхоалгІаниг вуткъа, лекха, даккхий куьзганаш долуш вара. Цунна хьалхха стоьла тІехь лаьттара нохчийн холхазан куй а. Йагас схьакховдийна куьг ондда схьа а лаьцна:

– Хьайн билет схьа а эций, дІога охьахаа, – шолгІа стол гайтира цо.

Ша охьахиъначул тІаьхьа шена кхаьчначу билетан хаттарш дийшира Йагас. Литературин декъехь иштта хаттар дара: «Нохчийн исбаьхьаллин литературин юьхь йолийна яздархой. Церан кхолларалле дацца дийца». ШолгІаниг нохчийн маттах дара: «Къамелан дакъош. Царах хІораннах а доцца дийца».

Хьалхарчу хаттаре а хьоьжуш, ойланаш йора Йагас: «ХІан, дика ду. «Исбаьхьаллин литература» бохучух кхета со. ТІаккха – «юьхь йолийнарш»… ХІа-а-а…кхийти…дуьххьарлера яздархой…Деллахьа, муьлш хир бара-те уьш?...ЭхІей-т, маржа яІ-кх, шен хеннахь, ишколехь волуш цадешар…байттамал яІ-кх!..Дага ца догІу…Собар, собар, Йага, – ша-шен дог-ойла айба гІертара иза, – сих ма ло…Дагадаийта…Собар…, собар…АхІа-а…Мила вара иза-а?..ХІаъ, ву, дера ву, Шоьнара а волуш…Дуькъа цкъоцкъамаш дерг…Телевизор чухула а гойту сих-сиха…Ву, билггал иза ву…Суна цкъа гІалара Ялхой-Махка йоьдучу автобус тІехь вогІуш а гир-кха иза…Цуьнан цІе муха яра-а?.. ДагайогІий, ткъа… ХІан, иза-м вара, вуьш муьлш бара-те?..Ой, сайн доттагІ Устарханов Іалви ма вицвелла суна-м… Билггал, царах ву-кх иза а. Ца хуьлийла данне а дац… ЧІогІа кІорггера кхетам болуш, ас массарал чІогІа лоруш яздархо ма

ву иза. ХІан-хІа, Іалви цаьрца ца хуьлийла данне а дац... Собар, Йага, собар… Сих ма ло… ойлае. ХІа-а-а… СаьІид…Бадуев а ву…, ца хуьлийла а дац… Цхьа жима йоІ Маржан гІу чу йожийтинарг… Сан бабас, ас шена и дийцар дешча, ма хаза элир-кха: «Дера йожуьйтур яцар-кха цара и йоІ гІу чу, нагахь иза шайн йоІ хиллехь. Цхьанхьара, да-нана доцу бераш дІаоьцучуьра ялийна хилла хир ю. Ца хиллехь, ший а маьхьарца тІехьодур дара, шаьшшиъ боккъал а цуьнан да-нана хиллехь»…ХІан, и дуьтур ду вай…ШолгІаниг къамелан дакъош ду. Ишколехь уьш тхайга хьехийча санна ма хета суна-м… Хьехна хир ду дера-кх, муха ца хуьлу… ЭхІ, – дохковелира Йага, – къайллах, айса лелошдерг хІун ду а ца хоуьйтуш, Мушуга цхьацца х1ума хатта дезаш ма хиллера. И-м дІадаьллера хІинца…Къамелан дакъош…, дакъош… Ой, шех дакъош дича, къамелах кхетар а ма вац?! ХІун дийр дара-а?..» – букарваханчуьра хьала а таьІна, шайна дуьхьал хевшина Іачаьрга – экзамен схьаоьцучаьрга – хьежа хІоьттира Йага.

«Вараев ОвхІан» аьлла тІехь яздина а долуш, стоммачу кехатан аса яра бутолекхачунна хьалха лаьтташ. Схьаоьций, куьзганаш мера тІе дохуш, юха уьш шена хьалхха стоьла тІе охьадохкуш Іара иза.

«ХІара мила вара-а?.. – аьлла, цхьана йоццачу юкъана ойла а йина, иза вевзира Йагина. – ХІаъ, дера ву-кх иза-м нохчийн фольклор тІехь болх беш верг. Амма цуьнан цІе иштта ма ца йоккху телевизор чохь цуьнца къамелаш дечара… ХІа-а-а, дагадеа: – Ширвани… Я иштта яцара-те и?.. – жимма шеконехь Іийна, – хІаъ, Ширвани ву моьтту суна, – аьлла, цу тІехь ойла сецира Йагин.

ШолгІаниг – юьхь тІехь цІен бос богург – кехат тІе цхьацца хІуманаш яздеш Іара, сих-сиха хьала а таьІаш, юха, цхьаъ дагадеанчуха, сихха шен йоза а деш. Султанов Эмин иза хилар хиира Йагина, цунна хьалха дІахІоттийна йоза дешча.

КхоалгІаниг, вуткъа – лекханиг, ша хиъна Іаччохь хьажар цхьана метте а доьгІна Іара. Лекха шуьйрачу цуьнан хьаьж тІехь, цкъа гуллуш, юха дІасадаьржаш долчу хебарша гойтура иза цхьана хІуманан кІорггера ойланаш еш хилар. Нашхоев Турко иза хилар дуьйцура цунна хьалха лаьттачу хаамо.

Абитуриенташ, шайн рагІ кхаьч-кхаьчнарг, тІевоьдуш, жоьпаш луш, ца луш, арабуьйлуш, эххар а Йага бен ца висира чохь. Массарал а тІаьхьа чувеанарг вара хІара, хІокхуьнан фамили «Э» элпана тІера дІайолалуш хиларна.

– Хьо жоп дала кийча вуй, Эскарханов? – хаьттира Йаге ОвхІан цІе йолчо, Йагин экзаменан кехат тІе а хьаьжна.

– Ас хІокху кехат тІе цхьа къолам а ца Іоьттина, вуьшта, суна хуург, ас хІокху т1е охьадиллича а, ца диллича, сан коьрта чохь долуш ду-кх. Мегар делахь, барта дІадуьйцур дара ас, – элира Йагас.

– Ой, муха ца мега?! Мегар ду дера-кх, суна-м, бакъдерг аьлча, иштта жоьпаш луш болчаьрга хаттарш луш дикахо хета. Кехат тІера дІадеша-м берана а хуур ду, барта жоьпаш лучун хаарш ма-дарра гуш ма хуьлу. Схьавола, схьавола, охьахаа тхуна дуьххьал, – аьлла, тІекхайкхира ОвхІана Йага.

Ша волччохь дика толуш охьахиъна Йага, шега хаттар даларе ладоьгІуш сецира.

– ХІинца, схьадийцал хьалхара хаттарх лаций. Муха дара и? – хаьттира ОвхІана.

– Нохчийн исбаьхьаллин литературин юьхь йолийнарш… Царах доцца дийца…, – дІадолийра Йагас.

– ТІаккха?

– Муха-тІаккха? – ца кхийтира Йага.

— Дийцал, тІаккха, юьхь йолийначех.

Йагас, шен хьаьж тІехь дуккха хебарш гулдина, гІеххьа ойла а йина, къамел дІадолийра:

– А-а-аъ, мила вара иза?.. Іаьзим… ХІан-хІа, Іузайр… Мичара хьуна – Іузайр. Іузайра-м Чери-махкахь Іаш ма вуй…Эцца, Шоьнахь, туьканахь волчун кІант… А-а-а… хІаъ, Жабраилан кІант… Уой, Дала ма ваккха хьо дакъаза, мила вара хьо-о?.., – тІаьхьа ца кхуьура Йага ша вуьйцучун цІарна.

Экзамен схьаоьцурш вовшашка хьаьвсира, Эмина белш саттийра, ткъа Турко хІинца шен хьажар Йагина тІедоьгІна Іара. ОвхІан, Йагин ойланаш цхьана нийсачу хорша ерззалц са ца тохалуш, ша Іачу гІантахь дІасахьийзара.

– Накъост, хьо хІун ала гІерта мукъа, дийцахьа. Экзамен яй хІара-м. Стенна юьйцу ахь Шоьна, Чери-Мохк, цигара туьканаш а?! – шого-о элира Эмина.

– Муха – стенна юьйцу? Сан бехк буй, ткъа, Шоьнара яздархочун цІе дага ца еъча? Меттан буьххьехь-м ю и, шайтІано шен болх бу-кх дІахьош, суна новкъарло еш.

– ХІинца шайтІа а дуьйцу, – бур-бур дира Эмина. – ХІан, шайтІа а, ярташ а, ша дерриге а дийци ахь, яздархойх лаьцна маца дийца дагахь ву хьо? – оьгІазъэха волавелира иза.

– Собар, собарде, Эмин, сих ма ло. ТІаьхьакхиийтал ахь иза ша ала хьийзочунна. Муьлхачу юьртара ву, бохура ахь, и яздархо?

– Ван-м Шоьнара вара иза, – бехкалавахана, корта а оллийна Іачу Йагас, доккха са а доккхуш, шен коьртах мІараш хьаькхира. – Цуьнан да-м вевзара суна, ша дика стаг а ву. Сайн кисанахь ахча доцуш суо цуьнан туькана нисвелча, схьадохьур ахь, олий, суна хьаштхилла хІума ца луш дІа ма ца вахийтина со а, со санна берш а оцу Джабраила. Ткъа цуьнан кІант… гар бен, кхин къамелехь – гІуллакхехь цуьнца соьца хилла стаг-м вац и… Вуьшта, оццул дикачу ден кІант вуон хуьлийла-м дац… Шен дел цхьа пІелг тоьлла я цхьа пІелг оьшуш хуьлу дика кІант, олуш ма-хиллара…, – хІинца ойланийн къаххашна юкъавахана воллура воьхна Йага.

– Накъост, и хІун татин гота ю ахь текхош ерг? – юха а са ца тохаделира Султановга. – Айхьа жоп тахана лур долуш делахь, лелий валахьа. Тхан йиш ма яц, хьоьга ладоьгІуш, хІокху чохь пхи-ялх сахьт хан яккха.

– Гота-а?.. ХІун гота? – цецвелира Йага. – Со-м вац гота юьйцуш. И ахьа юьйцу гота…Татин гота элирий ахь?.. Иштта гота суна юьйцу хезна а ма яц…

– Ца хезна? Дика ду, ас дуьйцур ду хьуна и бохург хІун ду. Иштачу алърх фразеологизм олу, шен маьІнах дІа ма-аллара кхеташ доцуш, вовшахкхетта дешнаш ду-кх уьш. Дагестанехь бехаш болчу жуьгтех таташ олу. Вайна махаъара, уьш, жуьгтий, шайн цхьана Іалашоне кхачархьама, муьлххачу а некъах пайдаоьцуш а бу. Маттана а бу сов говза. Хабарца корта хьовзабой, шайн гІуллакх кхочушдечу нахах лаьцна олуш ду-кх, «цхьа татин гота текхийра цо», олий.

– Хьажахьа, хьажахьа, – хазахетта, корта хьовзийра Йагас. – Делан дуьхьа, ма хьекъалш долуш нах ду-кх шу – Іилманчаш. ХІинца, леррина цуьнан ойла а йина, цунна тІаьхьакхиъна-кх шу…

Амма иза юха а юкъахваькхира Нашхоевс:

– Гой хьуна, юха а изза гота такхо волавели хьо…

– ЭхІ, вола а ма вели, бехк ма биллалахь. ХІинца хІун дийца ас? – хаьттира Йагас.

– Ахь тхуна дийцина хІумма а ма дац, хІинца ца дийцахь, – Эмина аьлча, «вахь-хьа-хьа-хьа» аьлла, велавелира ОвхІан, ткъа Турко велакъежира.

Йага юха а воьхна гича, ОвхІана хаьттира:

– Собарделаш цкъа, вайн тележурналист а, поэт а волу Къедин Іадлан-м вац те хІокхо вуьйцург? Суна схьахетарехь, шоно а ву-кх иза.

– Вот-вот, Іадлан ву хьуна! – хазахийтира Йагина. – Шу тІаьхьа-м кхии ас дийца хьийзочунна. ВаллахІ. Делора, шу – Іилманчаш – даккхий хьекъалш

шайн кортош чохь долуш…, – олуш воллучу цуьнан хабар юха а хадийра Эмина.

– Іадлан, олуш ма-хиллара, нохчийн яздархойн шолгІачу тІулгІенера яздархойх ву. Юьхьйолийначех муха хуьлу тІаккха иза?

– Муха ца хуьлу, тхан Нохчмахкахь уггар баккхийчу яздархойх иза хилча? – бохура Йагас. – ХІа-а, собарделахь, Айдамиров Абузар а ма ву цул мелла а воккха хир волуш. Иза-м вац-те ахь хоьттург?

– Ас хьоьга иза я важа ца хоьтту. Аса хьоьга нохчийн литературин юьхь йолорхойх хьайна хуург дийца боху. Бакъду, суна хетарехь, царах дийца хІума долуш вац-кх хьо. ОвхІан, тоьар яц-те хІокхо хІинццалц текхийна и «гота»? – хаьттира Эмина.

ХІинццалц царшиннан къамела юкъа ца эккхаш, халла велар сецош Іаш волу ОвхІан юха:

– Ва-хьа-хьа-хьа! – аьлла, вела Іанавахара. – Сих ма лохьа, Эмин, хІокху къонахчо-м сан чІогІа самукъа ма даьккхи. Цхьажимма дийцийта вай кхуьнга. Йага, дика ойла а яй, нохчийн дуьххьарлера яздархойх волчу цхьаннан мукъа а цІе яккха хьажал, сих а ца луш.

Йага ойлаеш дукха вах а ца велира:

– Бадуев СаьІид, шен цхьана дийцар тІехь, жима йоІ гІу чу йожийтинарг. Цхьана къонахчо шен зуда а бердах яхийтина хилла бохуш, дуьйцу цо кхечу дийцар тІехь.

– ХІинца бакълуьйш ву, – резахилира ОвхІан. – Дика ду. ХІан, кхин цхьа а вагІац хьуна дага оцу вай буьйцучу яздархойх?

– ВогІу, – жоп делира Йагас. – Суна билггал хаьа-кх царна юкъахь Устарханов Іалви а хир вуй.

– Хьуна мичара хаьа, Алик, аьлча а, Іалви царна юкъахь хир вуй? – юкъаиккхира Эмин. – Иза-м хир ма вац, хьол жима вацахь, кхин воккха а.

– Ой, жима, къона хиларх хьекъал ца хуьлу, ткъа? «Дукха ваьхначуьнга ма хатта, дукха гинчуьнга хатта», – олуш, кица ду-кх. Дера ву сан доттагІ дика кІант, – хастийра Йагас Іалви. – Ерриг Къилбаседехь а, Сочехь а, Кавказехь а цІеяххана вевзаш волуш. Цуьнан стихаш а ма ю, баккхийчеран санна, хьекъалх юьззина. Масала:

– Ма мотта, со хьекъалх тилла,
Коьрта тІехь сан хиларх кІац.
Сан безам хьан даг тІехь Іилла
Лууш бу. Кхин хьал эшац.

Со воллу безаман иллехь
Дагийта хьан къона дог –
Ма ела со къоьжа хиларх,
Ма детта сан дагах диг…

– Тоьур ду. Собарде. КхидІа еша эшац. Ас а дукха ладегІна цуьнан къамелашка а, стихашка а, еша а ешна. Ас иза вуон поэт ву, ца боху. Ас, Устарханов Іалви нохчийн литературин юьхь йолийначех вац, боху, – куьг ластийра Эмина. – Сан цхьа а хаттар дац хІокхуьнга дала, – кІадвалар, кІордор хезара цуьнан озехь.

Массо а цхьабосса дІатийра. Нашхоев Турко корах ара бІаьргбетта вуьйлира. Эмин шен кехаташ папки чу дохкуш воллура. Ткъа ОвхІан, церга балда лоьцуш, дІа а, схьа а хьаьвзира:

– Ва-хьа-хьа-хьа! – къажоьхуш, вела х1оьттира. – Ва устаз, Делан дуьхьа, ма самукъане стаг ву-кх хьо, ван-м ткъа…

– Ву дера-кх, чIогIа самукъане, – бур-бур а деш, цхьа кехаташ листа вуьйлира Эмин. – Тоийта вай, – дийхира цо шен шина накъосте.

– ХIан-хIа, жимма сатохахьа, Эмин. Нохчийн маттах хаттарш де вай хIокхуьнга. Кхи-кхи-кхиъ, – велавелира ОвхIан.

Турко схьавирзира. ХIинццалц цхьа бендацарехь хилла цуьнан юьхь хаъал самаелира. Г1антан букъах д1атевжаш, стоьла т1е п1елгаш а детташ:

– ХIун хаттар ду хьуна кхаьчнарг?.. Къамелан дакъошший? ХIета, схьадийцал царах лаций, – аьлла, самойира цо.

Йагас доккха садаькхира, масийттаза бIаьргаш тоьхна, шен кIесаркIаг кIамбира. Еза, йоккха ойла яран билгало – боккха шад хIоьттира цуьнан хьаьж тIе.

– А-а-аъ!.., – дахдира цо. – ХIара…, муха эр дара и… Вуьшта, къамелах дакъош дича, цунах муха кхетар ву-у?..Къамел декъча…ХIа-а-а, – дагадеара цунна, – тIаккха, къамел декъча, предложени ма хуьлу цунах-м. Хуьлий? – хаьттира цо ОвхIане.

Схьагарехь, ОвхIанан амал а, къамел а тайнера Йагина. Иза мелла а шегахьа ву аьлла, хетаделлера цунна.

– Иштта-м, ахь ма-боххура, къамел декъча-м, цунах дешнаш а, дешнийн цхьаьнакхетарш а ма къастало, – элира Туркос…

– Ой, дера далур ду, тIаккха-м цу къамелах хIуъу а, – тIетайра Йага. – Иза-м кхеташ ма дай. Вуьшта…, – олуш, юха а ойлане велира иза.

– Эрна хабарш а, хаттарш а дитий, йогIу оценка а йиллий, паргIатвита вай хIара, вай-ваьш а, – элира Эмина.

Йага кIелдIашхула дIахьаьжира цуьнга. Резавацара иза Эминна. Шена йогIуш йолу оценка муьлха ю а хаьара цунна. Цундела, цунах кIелхьарвалархьама, цхьа гечо лаха дезара.

– Къамелан дакъош дицделла суна, дага ца догIу. Ткъех шо гергга хан ма ю ас ишкол чекхъяьккхина а. Дицло хан ма ю и. Вуьшта, ас тIаьххьарчу шерашкахь дукха ойланашйо нохчийн маттан дешнаш схьадовларан. Цунах дуккха статьяш а ешна «Ленинан некъ» газет тIехь. Ас даггара къобалдеш ду нохчийн мотт Адам-пайхамаран а, ИбраьхIим-пайхамаран а, Нухь-пайхамаран а мотт бу бохург. Цу тIе а, кхечу къаьмнаша вайн маттера дешнаш лечкъийна меттигаш дукха гучуевлла суна, шуна а евлла хир ю уьш суначул алсам гучу, хIунда аьлча шу Iилманчаш ма ду…, – дIашарвелла воьду Йага юкъахваьккхира юха а Эмина:

– Ва-а-а, накъост, мила вара хьо-о?.. Йага! И хабарш кIорда а дина, хьехмерах чекхдевлла Iаш ду-кх тхо, хIинца ахь уьш ца дийцича а, – аьлла.

– Дика ду. ХIета, алал ахь, хьан цIе муха кхоллаелла? – цунна тIевирзира Йага.

– Сан цIей? Iаьрбийн маттахь «тешаменг» боху маьIна ду-кх сан цIеран, – вукхо аьлча, Йага гIадвахана велавелира.

– Дац, дац хьуна иштта. Вуьшта, церан, Iаьрбийн маттахь-м хир ду «тешаменг» бохург. Ткъа нохчийн маттахь «Iамийна, Iемина» бохучу дешнийн орам ца го хьуна оцу дашехь?.. Вот, вот, ойлае ахь. Ткъа сан цIе Индера хIиндоша лачкъийна ю. Йага нохчийн маттахь цIе ю, ткъа хIиндойн йогаш ма буй дуьненна а бевзаш. Царал хьалха нохчийн йогаш хилла хиларна тоьшалла дац, ткъа, сан иштта цIе хилар? – хаттардеш сацавелира Йага.

– Дика ду, – юкъаиккхира ОвхIан, – сан цIе мичара яьлла аьлла хета хьуна?

– Ой, хIинццалц схьа цуьнан кхин ойла а ца еш, даьккхина ахьа и хьайн элдара дегI? – забар а йина, иза а «кхетийра» Йагас: – Афганистан олуш пачхьалкх юкх, хIинццалц тIом а бар-кха цигахь. Нохчаша цигахь бехаш болчех овхIанаш я овгIанаш олу. И пачхьалкх йиллинарш, билггал, нохчий хилла, цигара

бахархоша и дицдинехь а, вайн маттахь ларделла и дош. Иштта кхетавеза-кх хьан цIарах. ДIадолийнначуьра хIокху Туркон цIе муха кхолаелла а дуьйцу ас а шуна. Мичахь бу цуьнан орам? – хаьттира Йагас, юха ша жоп а делира: – Цуьнан орам «тур» бу. Ткъа «ко» бохург «къо» санна кхето деза, нохчийн «къонах» бохучу дешан хьалхара дакъа санна. Тур лело къонах бохучу маьIнехь кхета вай цунах. Хууш ма дай, цара, туркоша, деха гома тарраш лелош хилла хилар. Шеко яц, уьш а нохчех схьабевлла хиларан. Ткъа хьан фамилих дерг аьлча а, хууш ма дай, нохчаша анашах «наша» олуш хилар. КIомалх йоккхуш ю-кх и Дала хьарамйинчех цхьаъйолу хIума. Бусалба-дин тIеэцале хьалха нохчаша лелош хилла хир ю и. Бакъду, хIинца а ю цхьацца ярташкахь вайн Нохчийчохь и юьйш-ерзош, цунах шайн рицкъа дина Iаш. Нашхоев фамили «нашхо» бохучу дашах кхоллаелла. Ткъа «нашхо» боху дош «анаша» дашах схьадаьлла, – дIахаийтира царна Йагас.

Дуьхьал хиъна Iаш волу кхуьй а Йага дийцина валлалц цунна тIевогIавелла Iийра, тIаккха, вовшашка а хьаьвсина, бийлабелира.

– ВаллахIи, Делора, ву хьо оцу хIуманийн дика ойла йина стаг, – элира ОвхIана. – Хьажахьа, хьажахьа, церан дуьхе а кхиъна-кх хьо.., – велавелира иза…

– Кхиъна дера-кх, – бохура цуьнан дешнаша дог-ойла айинчу Йагас. – Масала, хIинцца хьалхо цхьана словарь тIехь, аьлча а, дошам тIехь, суна хиира «стюардесса» боху дош вайн, нохчийн а хилар: «кема-аьзни». ТIаккха ас, «аьзни» бохучу дашах пайда а оьцуш, кхин а дешнаш кхоьллира: уборщица – нуй-горгам-аьзни, проводница – цIерпошт-аьзни, официантка – ресторан-аьзни, дрессировщица – акхаройн-аьзни, цветочница – зезаг-аьзни…

– Тоийтахьа,-дийхира Эмина, – ма кула йина ахь оцу аьзнишца. ХIинццалц схьа гота текхий ахь, хIинца аьзни юьйцу…

– Ва-хьа-хьа-хьа, – юха а велахIоьттира ОвхIан, – Эмин, Турко, «кхоъ» диллий, дIавахийта вай хIара. Хьовсур вай хIокхо важа экзаменаш дIа муха ло. Бакъдерг аьлча, сан-м дикка садекъадели хIокхуьнга ладоьгIуш.

– Ва ОвхIан, «кхоъ» муха дуьллу, хIокхо цхьанна а хаттарна жоп делла а ца хилча? – бохура Эмина.

– Муха, жоп ца делира? Бадуев СаьIидан цIе нийса ца яьккхира ас? – дагадаийтира Йагас.

– Яьккхира, ца хууш, ларамаза, – элира Эмина.

– Цхьа хIума дича бакъахьара хетара суна, – элира Туркос. – Къамелан цхьана декъах хаттий вай хIокхуьнга.

– Дика ду, хоттур ду-кх, – тIетайра Эмин. – ХIан, Йага, дика ладогIалахь. Ас уггар а аттачех цхьаъ хоттур хьоьга, цунна ахь жоп лахь, оха «кхоъ» а дуьллур ду-кх хьуна. Реза дуй шу? – шен накъосташка дIахьаьжира иза.

Вукхушимма, шаьш резахилар гойтуш, кортош таIийра.

– ХIета, Йага, цIерметдешнаш девзий хьуна. Довзахь, масална масех цIерметдош даладел.

Дукха тIех цецваларна, ши бIаьрг хье тIе белира Йагин:

– ХIу-у-н? – ша волччохь хьала а айавелла, юха охьахиира иза. – Ахь хIун элира?

– ЦIерметдешнаш хоьттура ас-м. Уьш хаьий хьуна? – юха а шен хаттар карладаьккхира Эмина.

Йагин юьхь цIийелира, бIаьргаш кхохкийра, гуш дара иза тIех чIогIа оьгIазвахана хилар.

– ХIун цIармат дешнаш хоьтту ахь? Уьш а ду, ткъа, кхузахь Iамош? – деро хаьттира цо.

– Ой, ду дера-кх, уьш доцурш кхин дешнаш а-м, – аьлла, леррина Йаге а

хьаьжна, иза оьгIазвахарх ца кхеташ: – нагахь уьш а хьуна ца хаахь, вайн кхи дIа дийца хIумма а дац, – хадамболлуш элира Эмина.

– Хаьа, дера-кх, суна-м цIармат дешнаш. Мила ву уьш ца хууш, кегийчу берашна а хууш долу, – даредира Йагас. – Бакъду, цхьаболчу наха шайн бераша уьш дийцарх чот-м ца йо. Тхан лулара Iамин кIанта мел таза дуьйцу уьш мохь бетташ, вехначу гIазкхичо санна. Товш-м ца хуьлу уьш хьаъа дийцича а, я беро а, я вокхачо а…

– Хьайна хаахь, масална цхьа-ши цIерметдош даладел,-Йага оцу дашах харцахьа кхеттий хууш, шена юххерчарна къайлах муьшка а йина, велакъежира Эмин.

– Хьайн Делан дуьхьа ма ала соьга ишттаниг. Суна-м бегIийла ма ца хета, – дуьхьалваьллера Йага.

ОвхIан а, Турко а, вовшашка бIаьцаш а еш, вела ца вала, халла садетташ Iаш хиларан тидам ца хуьлура цуьнан.

– Ца хаьа боху ахь? – хоттуш, гIантан букъа тIе тевжира Эмин. – Ца хаахь, хIун дер тIаккха…

– Хаьа, амма суна товш ца хета цу хаттарна жоп далар, – гIийла элира Йагас.– Хьайна товш хетахь, ахь айхьа даладел, хIета, церан масалш.

– Товш хIунда ца хета? Дера далор ду-кха, – велавелира Эмин. – Масала, со…

– ХIаъ, хьо. ТIаккха хIун ду? – хаьттира Йагас.

– Гой хьуна, ахь нийса боху: хьо. Кхин а ду-кх уьш. Масала, хьан…

– Сан дена я нанна, сан озабезам болчу кхечунна цIармат дош ма алалахь, – цIеххьана хьалаиккхира Йага. – хIун ю аш кхузахь лелошъерш?

– Ой, ахь хIун до? – цецваьлла сурт хIоттийра Эмин, – Масалш далош вац вайша? Со-м ма вац хьан нахана хIума ала гIерташ. Хьажал хьо, масала, хьуна…

– ХIинца суна ала воллура хьо? Схьа багах далийтал, хьо къонах велахь, цхьаъ оьзда доцу, цIармат дош. Аса, вайн везачу Делора…, – тIех дарвеллачу Йаге тIаккха ша дендерг дIаала ца делира.

Хьала а иккхина, неIарехьа дIаволавелира иза, вукхара, цкъа собарде бохуш, дехарш дешшехь. НеIарехь саца а сецна:

– ЭхI, дIадовла, – куьг тесира цо царна тIе. – Суна-м, дера, моьттура, хIара университет а хилча, кхузахь хьоьхуш Iилманчаш а хилча, хIара баккъала а Iилма Iамош меттиг ю. Ткъа кхузахь-м цIармат, эвхьаза хIуманаш а хьоьхуш хилла. ВогIур вацар-кха со кхин цкъа а кхуза аьттехьа а. ХIан, марша Iойла!..

Каде хьала а иккхина, тIехьаьдда, Йагин пхьаьрс а лаьцна, иза юхаозийра ОвхIана. Дуйнаш кхуьйлуш, дехарш деш, Йага охьа а хаийна:

– Йага, цIерметдош а, цIармат дош а шен-шен маьIнаш долуш дешнаш ма ду. Оьрсийн «местоимение» бохург дай цIерметдош-м. Оха хьайца жимма забарш ярна къинтIеравалалахь, – дехар дира цо.

Эмин а, Турко а велира бехказа. ТIаккха кхийтира Йага шен галваларх. ХIинца ша хIун ала деза ца хууш Iара иза.

– ХIа-хIа, Йага, – вела а велла, элира Эмина, – хIинца хIун аьлла хета хьуна? Оха, «кхоъ» диллина, дIавохуьйту хьо. ХIокхул тIаьхьа йолу экзаменаш дIаяларна цхьаъ дер ахь.

– Ца оьшу, – корта ластийра Йагас, – Со вогIур вац важа экзаменаш дIаяла. ХIинца сан доьшуш лела хан а ма яц, шовзткъа шаре г1оьртинчу ас хIокхул тIаьхьа хIун Iилма Iамор дара? Марша Iойла, кIентий, – церан Iодика йира цо.

Поэзия

Насрудин Ярычев

Восток

За гранью сна... Который час
не спится.
Мерцает пепел утомленных свеч.
Вздыхает ночь. В огне
блуждают птицы,
И бдит луна, созревшая истечь.

По кронам пальм сквозит
соленый ветер.
Немое эхо совершает бег!
И гребни волн играют, словно дети,
Кромсая пеной разоренный брег.

Томится тень, ложась в объятья круга.
Пропитан воздух гнетом и тоской...
И плоть скулит, задетая недугом
(Ей так давно неведом был покой!).

Усталый взгляд сомкнулся с облаками.
Настырство давит хрупкое стекло,
И в небе звезды падают кусками.
Сиянье искр рассветом замело.

Вновь солнца луч восстал из океана.
Безмолвным криком веет тишина.
Врачует утро немощные раны.
Опять свобода мной обретена!

Легла роса на травы ненароком –
Их каждый стебель терпелив и зрел.
Душа влекома таинством Востока,
И тщетно ищет для себя удел.

***

И ропщет мыслящий тростник.
Федор Тютчев

Легли уставшие слова
На жердь раскинутой недели.
И мыслью мнется голова
Во чреве юного апреля.

Утих наивный детский смех.
Напуган двор вчерашним свистом.
Отцом посаженный орех
Покрыт росою серебристой.

Дорогу сором замело.
Играет ветер краем сука.
И небо бьется, как крыло,
Суля несносную разлуку.

Луч солнца поглотил свинец,
Густеют пористые тучи.
Повис над далью бубенец,
Что мягким шепотом измучен.

На сердце пресная тоска.
Повсюду веет запах прели.
Как нимб, мерцают облака,
И льются отзвуки капели.

Пугливо таинство тени.
И нем молебен еженощный…
Мерцают жертвенно огни
И падают во чрево рощи.

***

Горит свеча во мраке еженощном.
Вспотели окна. Петли гложат дверь.
Опали тенью в безответном прошлом
Печаль утрат и горький вкус потерь...

Крошится дух
над таинством распятий.
К чему теперь соленый вкус дождя!
Уходят в даль поруганные рати,
На вечный мир врачующе глядя.

Ликует жар телесных испытаний.
Скрипит оскал!
Почти созрел рассвет!
И жаждут сна надломленные грани,
Отвергнув струи, что рождают свет.

Пал солнца луч
(неужто тоже грешен?!),
Воспрянул зов молебнов в пустоте.
Хворает мысль. И разум безутешен.
Какая блажь – ютиться в нищете!

Слова перед уходом

...Оставь ее отжившим
и нежившим...
Николай Некрасов

Свинцовой тучей проплывают дни.
Сменяет дождь простуженная вьюга.
Запретный шаг! – Ищу себя в тени,
Где прячет суть наученный испугом.

В окно глядит врачующий рассвет,
Меня как будто осуждает взором.
Я так боюсь сказать кому-то «Нет!»,
Закрыть глаза, ослепнув от позора...

Седеет волос, зревший у виска,
И солнца луч который год не греет.
И, кажется, что смерть совсем близка.
Я не готов! Хотя кажусь смелее.

И пусть судьбой не суждено дорог
(Все, что прошел, я называл тропою!)
Я так устал (точнее изнемог!).
Болит душа и безмятежно ноет.

Темно в окне. На ключ закрыта дверь,
И тяжкий быт судьбой переиначен...
Я так привык к отчаянью потерь,
Что больше не уверую в удачу.

Сошла улыбка с мнимого лица,
И бдят глаза над немощью распятий.
Я ухожу! Видны черты конца,
Который кто-то назовет утратой...

Остынь!

Quasi una fantasia[1].

Август дышит расколотым зноем.
Солнце жадно роняет лучи.
Воздух, словно дитя, беспокоен.
В постном небе летают грачи.

Тонут ветви в зеленой оправе.
Тают росы, прохладой дыша.
Бьются оземь созревшие травы,
И забвенно блуждает душа.

Рвутся жаром распятые струи.
Блекнет радуг хрустальная синь.
Бдят стволы, ни о чем негодуя,
И согбенно склонилась полынь.

День устало снисходит к закату.
Все объяла сонливая тишь.
Дышат сумерки запахом мяты,
С водной гладью играет камыш.

Ночь настала. Безропотна дрема.
Режет взгляд черноокая мгла.
И надежда предсмертной истомой
На одре исполинском легла.

***

Роняет ночь свой недужный просвет.
Вселенский бунт! Неумолимы грозы!
Разбросанной душе спасенья нет.
Все смолкло вдруг
под натиском угрозы.

Чуть слышен вздох незрелого дождя.
Кромсает ноздри прелый запах пыли.
Стекают капли, по стеклу скользя,
И морщатся, от гнева обессилев.

[1] Почти одна фантазия (лат.)

Проза

Шаран Дашаев

Подарок

Миниатюра

Если моего закадычного друга Руслана далеко за полночь поднять с постели и предложить сыграть партию в шахматы, то на сборы ему потребуется ровным счетом одна минута и он готов будет сидеть за этой доской без отдыха, еды и сна сутки напролет, отложив в сторону даже крайне неотложные дела.

Обычно разговорчивый и общительный за этим занятием, он может казаться агнцом или, как еще говорят, ниже травы, тише воды. Правда, если кто решится приставать к нему в такие минуты с разными там приколами, считай, что он очень рискует напороться на… весьма резкое, крутое и совсем не литературное словцо. Так что со стороны лучше держаться от него подальше и как можно тише. Но это, так сказать, преамбула. А во всем остальном?.. Он будет очень сдержан, даже если проиграет несколько партий подряд, сосредоточен со свойственной его профессии бухгалтерской привычке. Не то что его частый визави и родственник Сайд-Али. Тот каждую выигранную партию будет сопровождать гомерическим смехом и прочими выкрутасами. Привычка такая. А привычка, известное дело, имеет силу.

Но есть одно обстоятельство, которое никак не может не вызвать у моего друга не только раздражение, но и настоящее бешенство – это бестактность и неуважение к человеку вообще. От кого бы оное ни исходило и в какой бы форме ни проявилось. Вот тут действительно лучше оказаться от него как можно подальше. И не важно, есть тут твоя вина или нет тут никакой твоей вины.

Именно в такой момент я и подвернулся под его горячую руку и голову 1-го января. Сами понимаете, в самый светлый праздник. Решил нанести визит вежливости, поздравить друга. Чин по чину, в духе его характера. Оказалось, что он с тем же намерением навестил нашего общего друга и только что возвратился от него. Что дальше было, мне трудно объяснить, потому что вынужден был срочным образом ретироваться. А что успел разобрать, так это…

– Ты посмотри, ладно, если б из нынешних недорослей… Взрослый человек! Где же совесть? – кипел негодованием мой друг, расхаживая длинными шагами по широкому двору собственного дома, где его только что высадил таксист.

Его «кипение» могло затянуться, что еще хуже, обрушиться на меня, и потому шаг за шагом я начал отступать к воротам. А он прямо в глаза мне продолжал, ничуть не сбавляя «темпа»:

– Видишь ли, решил я повидаться, а заодно и поздравить с праздником нашего друга Ваху, что живет на той стороне Мартанки. Вызвал такси. Не успел я толком собраться, как раздался сигнал. За рулем сидел совсем еще юноша. Он мигом доставил меня на место по указанному адресу. Прощаясь, я протянул ему сотенную бумажку без всякого расчета получить сдачу. Когда молодой человек понял, что я собираюсь уходить, он окликнул меня:

– Возьмите сдачу, – в протянутой через стекло руке он держал пятидесятирублевую купюру.

Я еще раз, теперь уже от всей души, поблагодарил юношу. Его поступок послужил для меня приятным подарком, которым я поспешил поделиться с хозяевами.

Побыв некоторое время в гостях, я собрался домой. Опять вызвали такси. На

этот раз меня должен был доставить взрослый человек, в годах. Когда я садился в машину, согласно горскому обычаю, хозяин расплатился с водителем тут же, на месте. Возвратились тем же маршрутом. Но тут взыграл мой чеченский характер, не удержался, полез в карман брюк, достал новую сторублевку, хотя в переднем кармане рубашки лежали те пятьдесят рублей сдачи – ровно столько, сколько полагается для внутригородской оплаты этой услуги. Водила преспокойно взял банкноту, бросил в бардачок и рванул с места «галопом» так, что только и видели за углом. Хоть бы поблагодарил – гад!..

– А что ты хочешь, – бросил я, – если щедрость твоя оказалась в избытке?

Этой реплики хватило, чтобы мой друг ополчился на меня, будто моя во всех земных грехах вина. Что было делать, если я попался под его горячку. Пришлось «делать ноги». Хотя я от него такой «подарок» получаю не первый раз. Привык, знаете ли...

Перевод с чеченского автора.

Летите, ласточки

Рассказ

Раньше мы жили в небольшом старом доме, с примыкающим к нему таким же ветхим навесом. Но, насколько мне помнится, ласточки ни разу не лепили там свои гнезда: прилетали, бывало, и улетали бог весть куда. Скорее всего – в более подходящие места и, естественно, более надежные. Это я потом понял: под нашим навесом не было перекрытия, и в любом месте там свободно могла появиться кошка. А ласточки, ох, как не любят соседство кошек.

В народе существует поверье, что эти вестники весны приносят с собой благо, и потому отношение к ним людей особое: трепетное и нежное. И, конечно же, нам всем, всей семье, очень хотелось, чтобы они не покидали нас. Мы даже своего любимого кота Ваську уступили дальним родственникам, хотя вины его здесь не было никакой. Это был зверь самый безобидный и никакой агрессии к другим живым существам не проявлял, за исключением мышей, конечно. А еще кот Васька был очень воспитан: ничего не трогал помимо того, что ему подавали прямо с рук.

Некоторое время мы жалели о допущенной опрометчивости – с таким же «успехом» по закуткам нашего двора гуляли и соседские кошки.

...Поселились эти пернатые у нас впервые прошлой весной под кровлей нового дома, где мы, люди и птицы, можно сказать, одновременно справили новоселье. Мы – в большом доме, они – в наскоро отстроенном своем, маленьком.

Место выбрали на самом верхнем углу, прямо напротив окна моей комнаты, откуда я мог подолгу наблюдать за ними, не мешая их кропотливой работе. Некоторое время я и мои домочадцы старались обходить их стороной, чтобы ненароком не вспугнуть. Но вскоре стало ясно, что они нас совсем не боятся, ведут себя как старые знакомые или как члены одной семьи. На самом деле так оно и было. Даже когда я выхожу из своей комнаты, сажусь на ступеньки рядом с тем местом, где они лепят свое гнездо, они не обращают на меня никакого внимания и занимаются усердно своим трудом. Мне бы, конечно, хотелось, чтобы они хоть чуточку удовлетворили мое любопытство своей голосистой трелью, как они это делают на рассвете, возвещая миру о наступлении

очередного дня. Нет, сейчас им действительно некогда развлекать меня. Им, как и людям, надо спешно строить собственное жилье. Это только ночью они могут позволить себе отдых на привычном месте, на лестничной перекладине, что стоит тут же рядом, на расстоянии вытянутой руки. Только в это время суток я могу налюбоваться ими вдоволь и вести тихую беседу. Они слушают меня и, кажется, все понимают.

Не в силах оторваться, я подолгу завороженно наблюдаю за поведением ласточек. Они лепят гнездо прямо над моей головой, где я обычно сажусь за столик с книжкой или за кружкой чая, так что у меня бывает такая возможность в любой час, в любое время суток.

Поражаюсь трудолюбию этих маленьких комочков, мелькающих перед глазами, только и поспевай за ними. И откуда они достают мокрую глину вперемешку с соломинками в нынешнюю засушливую пору? Наверное, с речных пойм.

Иногда мне кажется, что они настолько охвачены инерцией своего полета, что теряют друг друга, возвращаются в одиночку. Если самка, быстро справившись со своим делом, тут же улетает обратно, то самец, как правило, на какое-то время усаживается на телефонном кабеле, протянутом с улицы в нашу кухню, и оглашает двор и всю улицу своим, только понятным ему птичьим голосом, зовя подружку. Но это продолжается недолго. Ласточки вообще существа непоседливые. Проходят какие-то минуты, и они опять подлетают вместе, и, пока одна занимается лепкой, другая выжидает, прилепившись рядышком к стене.

Потом она пропадает надолго высиживать яйца, он – терпеливо ждет в одиночестве, на той же лестничной перекладине. Ему нет места в том домике. Разве только на самом краешке. Там протекает чудодейственный процесс рождения новой жизни.

Однажды лестницу убрали. Соседи попросили. На несколько дней ремонт затеяли. В ту ночь бедняга долго выбирал себе местечко где-то рядышком, пока ему не удалось как-то зацепиться за голую кирпичную стену.

Мне захотелось помочь отцу семейства каким-то образом, утром сажаю в стену пару гвоздей и жду вечера. Велика сила привычки: маленькая птичка игнорирует мои услуги и по-прежнему долго и упорно трепещет крылышками, пока не нащупает под коготками опору на голой стене между кирпичной кладкой.

Но это не останавливает меня, я придумываю новый способ: приделываю на эти гвозди фанерную дощечку. С вечера этот комочек по привычке еще долго барахтается по стене, а уже ночью, к своему величайшему удовлетворению, обнаруживаю, что птичка удобно умостилась на новом, просторном месте.

И вот, наконец, появился первый выводок – пять клювастых и писклявых головок. Вначале они сидели в своем гнездышке тихо, незаметно, не выказывая себя ничем, пока взрослые слетают за пищей. А у последних намного прибавилось и хлопот, и забот: шутка ли, прокормить пять ненасытных ртов. От раннего рассвета и до поздних сумерек эти существа не знали покоя и отдыха. С появлением потомства и самке пришлось уступить гнездышко и подыскать себе новое место для ночлежки. Не знаю, в силу какого инстинкта, но она точь-в-точь повторила действия самца: несколько ночей провела, провисая на стене в неудобной совсем позе и все никак не хотела устроиться на удобном месте, где самец уже чувствовал себя вольготно и привычно. Что он только ни делал, чтобы усадить свою половинку рядышком: то перебегал короткими шажками с одного конца дощечки на другой, уступая ей место, то щебетал какую-то непонятную речь, то зависал рядом с ней в той же неудобной позе, срывался,

возвращался обратно, проделывал другие замысловатые трюки. И так по многу раз, пока не добился своего.

Весь световой день мои постояльцы заняты заботой о потомстве, прямо скажем, ненасытном. А те день за днем проявляют все больше и больше нетерпимости, высовывая головки с широко раскрытыми клювами, без конца требуя пищу. Это и понятно: птенцам надо расти и набираться сил. Иногда мне кажется, что какой-нибудь из них вот-вот выпадет из гнездышка. Но, говорят, что они предусмотрительно крепко связаны друг с другом.

И вот, наконец, один из них выпорхнул прямо на моих глазах. «Сейчас больно ударится об землю, разобьется!» – решил я, в растерянности не зная, что тут можно предпринять.

К счастью, мои опасения оказались напрасными. Этот маленький комочек покружил прямо над моей головой, уткнулся раз-другой в стену, но удержался на еще неокрепших коротких крылышках и благополучно возвратился в гнездышко.

С этого дня и начался процесс переселения в самостоятельную и вольную жизнь. Видели, как трясется заботливая мать над ребенком, который пробует первые шаги? Конечно, видели. И все мы прошли через это. Нечто подобное происходило и с птенцами. На какой-то момент взрослые перестали кормить уже оперившихся птенцов, все так же подлетали, но, когда те по привычке, с разинутыми ртами, все разом подавались вперед, разворачивались и кружили по двору, увлекая их за собой.

Первым выпорхнул из гнездышка тот, который уже раз опробовал свои силы. За ним – второй, третий, четвертый... Только один, по всей вероятности самый слабый, никак не решается оторваться от насиженного места. Взрослые особи какое-то время через раз продолжают его подкармливать, не прекращая своим парением попыток вызволить его из гнездышка. Несколько раз, как мне показалось, птенец даже получил трепку за непослушание. Ласточка набросилась на него, растопырив крылья, так что с него полетели мелкие пуховые перышки. Птенец после этого долго не показывался, но, видно, инстинкт самосохранения взял верх. Он снова, как ни в чем не бывало, пристроился на краешек гнезда и заверещал тонким, голодным писком.

Так прошло еще несколько суток. Я уже решил было, что дело это безнадежное, как ранним утром обнаружил на той дощечке, которую я соорудил, все семейство в полном составе: один, два, три... семь. Две взрослые особи, которых выдают хвосты – они длиннее – и пять маленьких, их нетрудно распознать по коротким, но уже распускающимся при полете веером коротким хвостикам.

Потом все чаще к ним начали присоединяться другие – целые стайки. Я с грустью начинаю понимать, что приходит пора расставаться. Им предстоит долгий перелет в жаркие края. Мне же остается с тоской напутствовать их:

– Летите, ласточки, летите. Расправьте крылья свои! И... непременно возвращайтесь по весне!

Поэзия

Майрбек Лулуев

Сердечная зарисовка

В весенний день цветешь,
как райский сад,
Благоуханна ты, души цветок.
Как никому, тебе я очень рад.
Сердечный кружит голову мне ток.

А в летний срок сильнее все поток
Душевной страсти –
чувственный настрой.
Плоды созрели – им настал уж срок,
И я хожу, как будто сам не свой…

Осенних дней
без края многоцветье…
Я переполнен этой красотой!..
Схожу с ума, но за себя в ответе.
Мечты полны тобой, одной тобой!..

И зимний хлад
не остудит то чувство…
Горю душой я – пламенный пиит!..
Судьбы подарок –
чувственное буйство.
Готов всегда тебя боготворить!..

Радужность рассвета

Душа к душе всегда стремится.
Так это, значит, неспроста.
Как же иначе сердцу биться,
Чтоб счастью литься лет до ста?..

Ах, моя жизненная сила,
Как твою меру угадать,
Чтобы с пути меня не сбило,
Чтобы мне – божья благодать!

Судьба возможна ль без изъяна?
Дано ли это мне понять?!
К тому ответу рвусь я рьяно,
Чтобы его когда б достать…

А жизнь, как радужность рассвета,
Когда все яблони в цвету…
Сорвусь в бездонность света эту.
Умру, как стриж я, налету…

Судьба моя

Беги ты хоть в ноги четыре
Или летай под облака,
С судьбой моей я в бренном мире
Никак не в силах совладеть.

Судьба моя, ты мне от Бога.
Ты мне как милое дитя.
Узнать бы, где к тебе дорога…
В надеждах дни летят, летят…

Вернее веры в святость нету.
Мне эта вера – в сердце стук…
Я, сладко тая, кану в лету…
Ужели замкнутый то круг?!.

Ведь жил же, годы бед не зная…
И вот теперь – у ног твоих.
Смогу ль попасть я в лоно рая?!.
Надеюсь… Жду… Я нем и тих…

Божий мир

Весь Божий мир
в одном лишь вздохе,
А вздох дороже всяких благ.
Коль мир – не мне, не буду охать –
Пусть сам себе я буду враг!

Без меры блага мне – пустое,
Когда в груди без сердца стук.

Что было мне святей святого,
То стало мукою из мук…

Я сам не свой… Иду куда-то.
И что-то будет впереди…
Хотелось... чтобы смерти дата –
Как раз... с ума чтоб не сойти.

Солнце живет в коммунизме

Солнце с рождения
живет в коммунизме,
Нет ему разности в том:
Черный ли, белый ты, в Риме,
Хорезме –
Всех оно греет теплом!

Если бы каждый, живущий на свете,
Смог бы тем солнышком стать!
Были б теплом
мы друг друга согреты,
Бога была б благодать!..

Хорошо быть дураком

Хорошо быть дураком –
Милая забава.
Быть же умным – в горле ком
Иль в еде – отрава.
Хорошо быть дураком –
Жизнь его – награда.
Умный в жизнь… – не тем бочком…
Все ему – преграда…
Умный, топай в дураки,
Будешь ты в почете.
Пальцы сжаты в кулаки,
Кукиши на взлете…
С глаз – долой, из сердца – вон…
Все это – пустое.
Перешли мы Рубикон –
Дело непростое…
Будешь умницей теперь,
Умному на зависть.
В царство глупых – настежь дверь.
Будем дурость славить –
Будет нам хвала и честь
И дурная слава!..
Умным негде встать и сесть –
Заслужили, право…

Сон и явь

Чтоб могло мое счастье родиться,
Много ль в жизни прожить
нужно лет?
А ведь жизнь пролетит, словно птица,
Не оставив в дорогу мне мет…

Сон и явь вместе к лучшему были б.
По любви б их
к согласью склонить…
Их связать, точно вместе забыли:
Так тонка и нежна эта нить.

Я, как сон, что за явью несется,
А она – не то «Да!», не то «Нет!»,
То ли плачет, а то ли смеется…
Как пролить бы на счастье мне свет!

Душа – океан

Душа – океан, что без края и края.
Слова – это айсберг души на плаву.
Белеет вдали только
часть нам седьмая
От истины слов, что видна наяву.

***

Моя потерянная радость,
Ищу тебя, хоть нет следа…
Души приятная усталость –
Моя смертельная беда…

***

Чужим умом умней не станешь,
То ясно даже дураку.
Так пусть нас мысли наши сами,
Хоть глупо учат, но уму.

***

Дыханье жизни смотрит в завтра.
Я с тем дыханьем заодно…
Ах, эта глупая затравка –
Надежда, что есть в бездне дно!..

Мечты

Облака на выпасе бредут,
Медленно друг друга обгоняя.
Ветер-стражник бьет в бока им кнут,
Форму содержания меняя…

В голове мечты несутся так…
Мы без них и чахнем, и скучаем.
Время их отслеживает шаг,
Чтобы бес не спутал их случаем…

Верю в вас, надеюсь, что не зря…
Вы ж, мечты – небесная награда.
Вы – души заветная заря,
Только вы – спасение от ада!

Парус души

Я всю выплакал душу:
Быть несчастным устал.
Снова музыку слышу,
Что еще не писал!

Свежесть в мысли мне дует,
Парус счастья раскрыт…
Сердце бьется, ликует:
«Путь мне к воле открыт!»

И лечу, словно птица…
Никаких нет преград.
Волей вволю напиться –
Лучше всяких наград!

Моей сестре

Когда бы в жизни не было вины,
Тогда бы в мире не было прощенья.
С судьбой моей знаком не со спины:
Свои я вижу ясно прегрешенья…

Сестра моя, виновен пред тобой:
В твой трудный час
меня носило где-то.
Ты – человек мне близкий и родной.
Душа моя твоим теплом согрета.

Все беды, хвори, что идут к тебе,
Ко мне свернут
пусть как-то ненароком.
И буду рад я Боговой судьбе,
Что так избавлен от вины порока!

И свет в груди. И мысли в облаках.
Качусь я в вечность,
не спеша, накатом.
И рад себе. И мне неведом страх.
Любуюсь тихо заревом заката!

Мое мне сердце не изменит

Мое мне сердце не изменит,
Оно же шепчет: «Это – та…
Над миром власть ее бессменна,
Она – земная красота!

Любуйся ею днем и ночью,
Идти за ней не уставай!» –
Так сердце мне мое пророчит…
Судьбу мне эту, Боже, дай!

Мои глаза чтоб так глядели
И сердце билось без измен…
Тогда, уверен, в самом деле
Я вечен, мне не страшен тлен!..

Я думы мыслей в ночь посею

Я думы мыслей в ночь посею,
Они же звездный мир зажгут.
Те думы звездные поспеют,
И я пойму: они не лгут!

В них будет правда золотая.
Ее сумею оценить...
Моя, пусть даже пропадаю,
Не рвется с Богом жизни нить!

Проза

Аслан Шатаев

Голос за стенкой и блуждающие башни

Рассказ

1

Голос за стенкой принадлежал мужчине средних лет. В нем слышались грустные интонации. Магомед не испугался, когда услышал его. Скорее, удивился. Дети это не могли быть. А жена – тем более. Стены в этом доме были хотя и тонкие, но голос соседей так четко нельзя услышать.

– Кто ты? – спросил он его.

– Это не важно, – со вздохом ответил Голос.

– А зачем пришел ко мне?

– Я тут все время был.

– Тогда почему заговорил только сейчас?

– Потому что до сих пор ты меня не слышал.

Магомед посмотрел на часы. Они показывали 3.33. Присел на кровати. Протер глаза. Осмотрелся.

– Ты еще здесь?

– Да.

– Тебе что, больше нечем заняться? – спросил он его.

– Нет.

– Как тебя называть-то?

– Называй, как хочешь.

Магомед встал и начал искать обладателя голоса (или его источник). За кроватью было темно, поэтому он включил телефон и посветил.

– Что ты делаешь? – спросил Голос.

– Пытаюсь тебя найти.

– Не получится, – Голос опять вздохнул.

Магомед пошел на кухню, что была за стенкой. Включил свет.

Никого.

Он подошел к стене и шепнул:

– Эй! Ты слышишь?

Ответа не последовало.

«Я что, с ума схожу?» – подумал он.

Магомед прижался ухом к стене.

– Эй! – позвал он громче. – Голос!

– Ты почему не спишь?

Магомед вздрогнул и повернулся.

У дверного проема стояла сонная жена в ночной рубашке.

– Черт! – выругался он. – Ты меня испугала! Иди ложись! Мне не спится!

– Ты с кем разговаривал?

– С кем-с кем! По телефону болтал!

– С каких пор стена стала телефоном?

Магомед от злости покраснел.

– Иди спать я сказал!

Та недовольно фыркнула, повернулась и исчезла.

Магомед еще раз позвал Голос и, не дождавшись ответа, выключил свет и пошел в свою спальную комнату.

– Где ты был? – услышал он Голос.

Магомед выругался.

– Я так скоро заикой стану! – процедил он. – Тебя искал!
– Я же сказал – не получится.
– Почему?
– Потому что я не могу отсюда выйти.
– Почему же?
– Долгая история.
Магомед лег в постель.
– Скажи хоть, что я не схожу с ума, – сказал он.
– Не сходишь.
– Угу. Утешил.
После недолгого молчания он спросил:
– А где ты находишься?
– За стенкой.
– Я был за стенкой. Тебя там нет.
– Ты не был за МОЕЙ стенкой.
– Это еще что за ТВОЯ стенка?
– Это стенка между твоим и моим миром. И я застрял между мирами.
Магомед вздохнул и сказал самому себе:
– Нет, я точно схожу с ума.
– Ты мне не веришь?
– Я не верю СЕБЕ.
– А хочешь, я покажу тебе свой мир?
– Ну, показывай.
– Только ты должен сделать кое-что.
– Что?
– Под навесом за домом лежат два сапога. Они принадлежали человеку, который недавно умер. Принесешь их – и я тебе скажу, что делать дальше.
– Это еще зачем?
– Ты хочешь увидеть мой мир?
– А что мне это даст?
– Мне надо выбраться из заточения. Если ты мне поможешь – я в долгу не останусь.
– Как ты вообще туда попал?
– Меня сюда запекли Темные.
– Это еще кто такие?
– Тебе лучше не знать.
– Почему сапоги умершего?
– Они являются хорошим проводником. Ты сможешь попасть в мой мир, а оттуда извлечь меня. Так ты мне поможешь?
Он задумался, почесал затылок. Вся его жизнь была сплошная скукота и череда разочарований. Ему нужны были хоть какие-то перемены, чтобы не сойти с ума.
– Да какого черта! Хорошо. Я сделаю это. Только завтра.
– Идет. Ты принесешь их сюда, и я скажу тебе, что делать дальше.

2

Руслан не стал ждать конца рабочего дня и отправился к своему старшему брату. Звонок Ларисы встревожил его не на шутку. Он был его единственным братом, кто бы мог с ним поговорить. Матери с отцом уже не было. Трудно, конечно, с ним будет говорить. Его старший брат всегда отличался буйным характером. А читать ему мораль – это вообще тяжелая ноша. Но делать нечего. Кому-то надо с ним поговорить.
Брата дома не оказалось. Лариса была одна.
– А где дети? – спросил Руслан.

– Адам в школе, а Ильяс с детьми на улице играет. Пойдем на кухню. Я как раз пирожки испекла.

Руслан не отказался. В обед он даже не успел покушать. Как только речь зашла о пирожках, у него в животе заурчало. Притом Лариса хорошо готовила.

– Ну, рассказывай, – произнес Руслан, прикончив первый пирожок, и смачно облизывая пальцы, – что мой брат на этот раз выкинул?

Лариса выдержала паузу, как бы думая, с чего начать, и заговорила:

– Вчера ночью он встал и с кем-то разговаривал. Я думала, что по телефону. Но он потом пошел на кухню и стал звать кого-то за стеной. Я пошла на кухню, спрашиваю: «Почему ты не спишь?». А он как накричит на меня: «Не твое дело! Иди спать!». Я-то легла. А он продолжал с кем-то разговаривать.

– Может, он с собой разговаривал? Я тоже так иногда делаю.

– Это только начало. Сегодня он знаешь что сделал? Притащил откуда-то с улицы старую потрепанную сумку. Я спросила: «Что это?». Он говорит: «Сапоги». Я спрашиваю: «Откуда они?». «Не твое дело! – кричит. – Убирайся!». Закрылся в своей комнате и полчаса с кем-то опять говорил. Пыталась подслушать, но ничего не разобрала. Он говорил шепотом, будто знал, что я могу его подслушать. Вряд ли он говорил по телефону. У него со вчерашнего дня на мобильном денег нет. Потом выскочил из своей комнаты как угорелый со своей сумкой и говорит мне: «Если кто-нибудь придет и спросит про сапоги, скажи, что ничего не знаешь». И вышел куда-то, прихватив с собой кухонный нож.

– Он был пьян? – спросил Руслан, не отрываясь от поедания пирожков.

– Вчера – да. Но сегодня ни капли в рот не брал.

– И что же ты думаешь?

– Я думаю, у него началась белая горячка.

– Да?

– А что это еще может быть? Я его вообще редко вижу трезвым. Раньше он не пил.

– Раньше и войны не было. При нашей жизни по крайней мере.

– Вот ты же не начал пить, когда война началась, хотя живешь один. А у него жена и двое детей.

Руслан поймал себя на мысли, что защищает брата. Каким бы тот ни был, он всегда заступался за брата. Даже когда виноват бывал Магомед.

Наконец он перестал уплетать пирожки и заверил Ларису:

– Ладно. Я поговорю с ним.

3

Темные, как их называл Голос, следили за ним. Они были не совсем темные. Больше напоминали призраков. Или тени. Если тени могут бродить самостоятельно, то это именно они. Первого Магомед увидел боковым зрением в толпе. Он бы, наверное, его и не заметил, если бы не габариты этого существа. Оно было огромным. И это пугало больше всего. Контуров Темного он не успел разглядеть, поскольку двигалось существо довольно быстро. Человек бы так не смог. Будь он трезв, убежал бы, сломя голову, куда подальше, увидев это зрелище. Ему необходимо было купить бутылку водки, которую он тут же осушил для храбрости. Когда он пьян – с ним лучше не связываться. Ни человеку, ни Темному.

Второго он заметил после того, как покинул рынок. Он прятался за углом многоэтажного дома и следил за ним. Может, это был другой, а может, тот же. Магомед увидел его, обернувшись назад. Темный тут же скрылся.

Как и говорил Голос, они боялись к нему подходить, поскольку у него был нож. Кто бы они ни были, они все же уязвимы. Но стоит только потерять бдительность, и они могут напасть. Нет уж! Пусть только попробуют!

Одно появление Темных говорило о том, что Голос за стенкой реален. И то, что он хочет показать ему свой мир с блуждающими башнями (что бы это ни означало) – тоже может стать реальностью. Надо только продержаться и показать этим Темным, кто тут главный. Голос сказал, что они отстанут от него, если он их хорошенько вспугнет. Лучшее, что он мог придумать, поймать одного и отлупить до полусмерти. После этого они точно к нему больше не приблизятся.

Голос сказал: Магомед может увидеть его мир только в полнолуние. Мир с блуждающими башнями. В полнолуние связь между их мирами бывает очень тесной. Он специально купил перекидной календарь, чтобы узнать, когда оно будет. Обычно там указывается фаза луны. И не ошибся на этот счет. Оно будет 9 мая, то есть через семь дней. Не скоро, конечно, но ради этого можно и потерпеть. Главным образом, ему хотелось узнать, что же это за блуждающие башни.

Третьего он увидел уже почти добравшись до дома. Тот наблюдал за ним из окна третьего этажа. Огромная тень, едва умещающаяся в и без того большой раме. Окно Умара. Это точно не Умар, если только он не накачался и не подрос. Темный был в квартире его соседа. Прямо напротив его квартиры. И поджидал его. Даже не прятался. Словно хотел, чтобы Магомед его видел, и понял, что тот его ждет. Неужели этот Темный его не опасался, как двое других?

Нет. Не надо бояться. Темные только этого и ждут, чтобы он испугался – и тогда он проиграл.

Он поднялся на третий этаж и, заходя в свою квартиру, с опаской посмотрел на дверь напротив. Под дверью в просвете он увидел чью-то тень. Темный стоял за дверью и словно наблюдал за ним. Глазок отсутствовал. Но Магомед каким-то шестым чувством знал, что тот видит его сквозь дверь.

«Главное не бояться», – говорил он себе.

На пороге его встретила жена. Увидев мелькнувшую на кухне тень, Магомед напрягся:

– Кто там?

– Твой брат.

Он расслабился.

Что здесь делает Руслан? Он совсем не вовремя.

Магомед зашел в квартиру, не выпуская из рук сумку, и пошел на кухню. Поздоровался с братом. Он заметил, как Руслан недовольно сморщился, когда он прошел мимо. Видимо, от него несло перегаром.

Когда Лариса оставила их одних, Руслан заговорил:

– Ты опять пил?

– Да ладно тебе, – недовольно махнул Магомед рукой, – в первый раз что ли?

– Лариса говорила, что ты вчера и сегодня с кем-то разговаривал в своей комнате.

– Твое какое дело? – повысил он голос. – Каждый раз, как я говорю по телефону, должен попросить у тебя разрешения?

– А зачем тебе нож понадобился?

– Зачем! Шашлык с Доккой делали! Он меня и попросил, чтоб я нож прихватил!

Это Магомед придумал еще до того, как вернуться в свою квартиру, если вдруг Лариса спросит, зачем он взял с собой нож. Руслан явно не ожидал такого ответа. Тем не менее он не унимался:

– В пакете что, сапоги?

Магомед вскочил со стула и зарычал:

– Ты что, меня допрашивать пришел?!

Руслан оставался невозмутимым.

– Магомед, – сказал он, – я пришел не ругаться с тобой. Лариса за тебя

волнуется. И я тоже. Ты пьешь все чаще. Ты с кем-то разговариваешь в своей комнате, хотя Лариса сказала, что по телефону ты не мог говорить, поскольку на счету твоего телефона со вчерашнего дня нет денег. Уходишь куда-то с кухонным ножом и какими-то сапогами. Скрываешь что-то от Ларисы.

– А из-за чего, собственно, весь шум? Я что, кого-то избил или ограбил? Мне что, нужно отчитываться перед вами обоими за каждый свой шаг?

– Не в этом дело. Ты слишком много пьешь. Лариса и я – ладно, но перед детьми тебе не стыдно?

– Почему мне должно быть перед ними стыдно? Я их бью? Калечу? Ты на семью Мансура посмотри: то жену свою чуть из дробовика не прикончил, то мать его постоянно дерется с соседями. А семья Салмана, твоего дяди? Эти вообще каждый день друг друга калечат.

– Да при чем здесь они? Не надо их с собой сравнивать. Если бы они были убийцами, а ты бы бил своих детей, ты бы тогда сказал: «А что я такого сделал? Мои родственники людей убивают. А я только детей бью». Ты посмотри в кого ты превратился! У тебя уже белая горячка началась!

Терпение Магомеда иссякло. Он встал из-за стола и закричал:

– Убирайся отсюда! Пошел вон! И что бы я тебя больше не видел!

Руслан подчинился. Не сказав ни слова, он повернулся и вышел из кухни. О чем-то пошушукавшись с Ларисой, он ушел.

4

Руслан еще никогда не позволял себе говорить с Магомедом в таком тоне. До сих пор уму-разуму его учил Магомед, как старший брат. Раньше и не было повода говорить с ним на подобную тему, поскольку он не пил. Пить он начал после того, как в начале бомбежек в 1999 году остался дома, а семью отправил в Ингушетию. Дома не было ни жены, ни детей, поэтому у него на ночь оставались все его дружки, ну а в последствии – его собутыльники. Характер у него и раньше был не ахти какой, но он хотя бы был адекватен.

Может быть, Магомед и прогнал его, но он наверняка прислушается к его словам. По крайней мере, Руслан на это надеялся.

***

– Можешь рассказать, как ты оказался за стенкой? – спросил Магомед.

Стояла глубокая ночь. Магомед специально подождал, пока все улягутся спать, чтобы никто не услышал, как он разговаривает с Голосом.

– Конечно, – ответил Голос. – Это было не так давно. Пятьдесят лет назад. Мой отец, властелин Северных Земель, умер. Его обязанности были временно возложены на канцлера. Должен сказать, я никогда ему не доверял. Я не раз заставал его за темными делишками, которые он проворачивал за спиной отца. Один раз видел, как он о чем-то спорил с заточенным в темницу Темным. Когда я говорил об этом отцу, тот злился и не хотел со мной даже разговаривать на эту тему. Он считал, что я это придумываю, чтобы просто избавиться от него. Считал, что я ревную его к отцу. Действительно, отец уделял ему слишком много внимания. Доверял ему во всем, делился с ним самыми сокровенными тайнами, носил его чуть ли не на руках. Я был единственным законным наследником трона Северной Башни, и власть должна была перейти ко мне. Но в один прекрасный день меня схватили Темные и упекли в тюрьму – стену между моим и твоим миром – в самую надежную тюрьму нашего мира. Охраняют тюрьму Темные. Я не сомневаюсь, что это дело рук канцлера. Прошло уже 50 лет. Даже не представляю, что творится сейчас в Северных Землях. Знаю только, что власть находится в руках подлого и лживого канцлера.

– Значит, ты хочешь с моей помощью выбраться из заточения и вернуть свой трон?

– Да. Только ты можешь это сделать. Кроме тебя меня никто не слышит.

– Почему я?

– Я не знаю. Возможно, ты избранный. Сама судьба благоволила мне встретить тебя. Ты станешь моим избавителем. Когда я взойду на трон, я дам тебе столько сокровищ Северной Башни, сколько ты сможешь унести с собой.

– А как я смогу тебя оттуда вызволить?

– Через тебя.

Магомед подумал над его словами и, не поняв смысла, спросил:

– Как это?

– Ключ от моей тюрьмы – это ты. То есть твое тело. Единственное, что от тебя требуется, это дать свое согласие.

– Ты хочешь вселиться в мое тело?

– Я знаю, это звучит дико. Но это только временно. Как только я выберусь из заточения, я вернусь в свой мир и навсегда оставлю твое тело.

– А откуда я знаю, что ты меня не обманешь?

Голос вздохнул.

– Тебе придется мне поверить. Я хотел показать тебе свой мир, чтобы ты поверил моим словам. Другого я ничего не мог придумать, потому что я нахожусь в заточении и мои возможности ограничены.

– Что я должен там увидеть?

– Когда окажешься там – сам поймешь.

– А как быть с Темными?

– За них не волнуйся. Темные боятся людей больше, чем люди их. Как только я взойду на трон, они тебя больше никогда не побеспокоят.

– Кто они вообще такие? Кто ты сам такой?

– В разных народах нас называют по-разному – духи, дьяволы, ангелы, боги, джинны.

5

– Алло? – спросил Руслан в трубку.

– Руслан, – ответила ему жена Магомеда. Голос у нее был заплаканным. – Это опять я. Магомед совсем с ума сошел! Ходит по дому с ножом и на кого-то кричит! Детей напугал!

– В смысле? На кого кричит?

– В том-то и дело, что ни на кого конкретно! Он думает, что в доме еще кто-то есть!

– Он сейчас там?

– Я не знаю, где он! Куда-то ушел. А я с детьми уехала к маме.

– Он кричал на вас?

– Да он нас вообще в упор не видел! Будто с кем-то дрался, размахивал ножом!

– Ладно. Я сейчас же к нему поеду.

Руслан попробовал позвонить Магомеду, но тот не отвечал на звонки. И это беспокоило больше всего. Надо выезжать немедленно. Кто знает, что он натворил? А что может еще натворить?

Прибыв на место, Руслан сразу поднялся на второй этаж, стараясь не попадаться на глаза знакомым, и постучался в дверь квартиры брата, не особо надеясь, что тот окажется дома. Вопреки его ожиданиям, ему открыл Магомед. Выглядел он спокойным. Даже чересчур спокойным. Словно ничего из того, что рассказала Лариса, как он размахивал ножом во все стороны, не было.

Кроме того, Магомед выглядел как-то странно, неестественно. То есть, будто это и не он вовсе. Алкоголь превратил его в пьяницу. Он выглядел пьяным даже

в трезвом состоянии. Но сейчас, смотря на него, можно было принять его за адекватного человека. Может, что-то случилось? Что-то серьезное?

– Магомед, – спросил он, – что с тобой?

– Я не Магомед, – ответил адекватный человек.

– Что?!

Про себя Руслан подумал: «Лучше бы случилось что-нибудь «серьезное».

– Ты опять пьян?

– Нет.

Даже голос у него изменился. Исчезла хрипота.

– Ты вообще как себя чувствуешь? – уже с беспокойством спросил он.

Он опять подметил, как трезво выглядит Магомед. Глаза его были ясные, лицо открытое. Обычно он горбился, а сейчас стоял с прямой осанкой. Ему даже показалось на какой–то момент, что это вообще не его брат, а кто-то очень похожий на него.

– Заходи, – произнес Магомед, отходя в сторону. – Нам надо поговорить.

6

Магомед открыл глаза. Он лежал в своей спальне, в одежде. За окном был виден закат. Уже темнеет. Сколько он пролежал? Что произошло?

– Голос! – позвал он.

Тишина.

– Ты меня слышишь?

– Да, – послышался ответ.

– Ты не знаешь, что произошло?

– Вчера на тебя напали Темные …

– Это я помню. Что было дальше?

– Один из них завладел твоим телом.

– Как? Ты же сказал, что они побоятся ко мне подойти!

– Видно, я недооценил их. Близится полнолуние. Сегодня ты сможешь ступить в наш мир и, наконец, освободить меня. Понимая это, они пытались тебя остановить.

– А что они делали с моим телом?

– Они говорили с твоим братом через тебя. Не знаю, что они ему наговорили, я не слышал. Но ничего хорошего. Они такие же подлые, как сам канцлер. Они могли ввести его в заблуждение, обмануть, в общем, сделать все, чтобы не подпустить тебя ко мне. Надо быть готовым ко всему. Что бы твой брат тебе ни говорил, ты не должен поддаваться или верить его словам. Темные очень хитры.

– Где сейчас Темный? Он не во мне?

– Нет. Добившись своего – он ушел.

– А где моя семья?

– Ты их напугал, когда на тебя напали Темные и ты стал отбиваться от них ножом. Они, кажется, уехали к матери твоей жены.

– О Боже! Я был слишком пьян! Даже не подумал о детях! Что они теперь обо мне думают?

Голос как-то виновато вздохнул и произнес:

– Я не буду тебя уговаривать не отступать на полпути. Лишь напомню, что полнолуние начнется сегодня ночью. Ты можешь отказаться, если считаешь это опасным.

– Отступать? – Магомеда это даже оскорбило. – Если я отступлю, то не буду достойным называться чеченцем. Жены и детей в доме нет, поэтому я никого не подвергаю опасности. Думаю, можно смело продолжать.

***

Магомед думал о тех сокровищах, которыми его наградит Голос, когда он его вызволит из заточения. Интересно, что это за сокровища? Золото? Бриллианты? Алмазы? «Сколько сможешь унести с собой» – это сколько? Если понадобится, он готов был тащить сокровища хоть три дня подряд, пока не доберется до своего мира. Ну и что, если он доберется едва живым, истощенным, голодным и обезвоженным? Зато ему хватит этих сокровищ на всю оставшуюся жизнь. Еще и его внукам достанется. Он по крайней мере надеялся на это.

У жены, естественно, возникнут вопросы, откуда у него все эти сокровища. А он расскажет всю правду. Ей придется ему поверить. Сейчас она и брат считают его сумасшедшим, но придет время, и они будут просить у него прощения за то, что не верили ему. Да это будет и не важно, поскольку он станет, если не самым богатым, то одним из самых богатых людей в Чечне. А может, и в России. Или во всем мире…

7

Позвонил Руслан. По его словам, Магомед бредил, говорил какую–то несуразицу. Вскоре он почувствовал себя сильно уставшим, ему захотелось прилечь, и он уснул. А Руслан уехал, обещав после работы вернуться к брату с ночевкой, проследить, чтобы он опять не взялся за бутылку. За это время он как раз протрезвеет.

– С ним лучше говорить, когда он трезв, – сказал Руслан.

Пока ни приехал Руслан, Лариса попросила старшего сына поехать к отцу проверить, проснулся ли он, и если да, то сразу же сообщить ей об этом, и быстро ехать обратно. Руслан слишком спокойно к этому относится, считала Лариса. Оно и понятно. Он же не живет с ним.

Сын долго не появлялся. На звонки не отвечал. Лариса начала нервничать.

«Что, если Магомед сделал ему что-то плохое?» – думала она.

Она уже собиралась сама поехать. Наконец, сын позвонил.

– Почему ты не брал трубку? – набросилась она на него.

– Я поставил на беззвучный, поэтому не слышал.

– Что там с Магомедом? Он проснулся?

– Да. Давно уже.

– Почему меня не предупредил?

– Я хотел понять, что он задумал.

– А что он делал?

***

Настал тот самый момент, которого Магомед ждал так долго. Он увидит мир Голоса за стенкой.

На улице была видна полная луна.

Магомед вытащил спрятанную водку и за раз осушил всю бутылку. Для храбрости. К тому же так посоветовал Голос. Когда он пьян, Темные его боятся больше всего.

Взяв сумку с сапогами, он вышел из спальни. Голос пожелал ему удачи.

Он услышал, как входная дверь квартиры захлопнулась.

Они здесь. Наблюдают за ним. Боятся подойти близко.

Что ж, больше они его не побеспокоят. В их мире они вообще ничего не смогут ему сделать. Так сказал Голос.

Магомед пошел к двери, натянул те самые сапоги и вышел на лестничную площадку.

Он прислушался.

Наверху послышался шорох.

– Ну, где же вы?! – крикнул он. – Давайте, подходите! Я здесь!

Ни звука.

– Трусы!

Оказавшись у двери подъезда, он закрыл дверь и произнес ключевое заклинание:

– Клаату берада никто!

По словам Голоса, эта формула должна была открыть дверь в другой мир.

Голова его закружилась. Алкоголь начал действовать.

Он открыл дверь.

Мир, который он увидел по ту сторону, был практически тот же. Только выглядел несколько иначе. Те же строения, те же дома. Но все выглядело мертвым. Улица пуста и темна. Ни в одном окне не горит свет. Не слышно машин. Никаких признаков человеческой жизни. Такое впечатление, что люди несколько десятков лет назад покинули этот город.

То ли эта гнетущая пустота так действовала, то ли в этом мире зима была суровее. Холод заставил его съежиться, хотя он и оделся тепло. Особенно замерзли ноги. Их словно проткнули тысячью иголками.

Его внимание привлекло громадное строение впереди. Он увидел ту самую блуждающую башню. По крайней мере он решил, что это именно она. Остальных башен он видеть не мог, так как они находились в разных частях света. Всего их было девять. А это, вероятнее всего, Северная Башня, про которую говорил Голос.

Больше всего впечатляла высота башни. Самое высокое здание на земле, как он знал, не достигало даже километра. А это… Высота его была не меньше десятка километров. Удивительно, как оно держалось навесу. Ведь оно еще было и тонким. В мире Магомеда даже одна десятая такого здания не выдержала бы и в один миг рухнула.

На вид она чем–то напоминала Пизанскую башню. Такая же круглая. Балконы по спирали уходили вверх до самого конца. Интересно, они пользуются лифтами? Если идти пешком по лестнице, придется потратить весь день, чтобы одолеть хотя бы половину. А может, они и не нуждаются ни в лифтах, ни в лестницах?

Приглядевшись, Магомед заметил, что Северная Башня не стоит на месте. Она двигалась. Медленно, но двигалась. Ему стало понятно, почему они назывались блуждающими башнями. Владыке Северных Земель не было необходимости посещать свои земли верхом, на машине, или что там у них еще. На такой высоте он мог видеть все свои земли. Если надо куда-нибудь добраться, владыка направлял курс башни в ту сторону. Через какое-то время он на месте.

Каким образом башня двигалась, Магомед не мог сказать. Во–первых, она была слишком далеко от него, во-вторых, основание башни мешали увидеть дома.

Магомед увидел чью-то темную фигуру, двигающуюся по пустой улице. Кто это мог быть? Человек? Или житель Северных Земель? А может, Темный?

– Эй! – позвал он.

Фигура, заметив его, издала странный звук, что, вероятно, означало испуг, растянулась, изменив свою форму, и очень быстро исчезла в ночи.

«Я для них такое же странное существо в их мире, как они в моем», – подумал он.

***

– И что же он делал на улице? – спросила Лариса.

– Я не знаю. Стоял так и смотрел по сторонам. Потом кого-то позвал, хотя на улице никого не было.

– Почему ты мне сразу не позвонил?

– Я не хотел, чтобы он услышал. Он знал, что за ним кто-то следит. Только не знал, что это я. Я хотел последить за ним, проверить, не сделает ли он какую-нибудь глупость.

– Ну и?

– Больше ничего. Он зашел в дом.

– Ты пошел за ним?

– Нет. Я подождал немного и попробовал открыть дверь ключом. На этот раз он закрыл ее засовом.

– Где он сейчас?

– Дома.

– Хорошо. Возвращайся. Я сейчас же позвоню Руслану и все ему расскажу.

8

Руслану пришлось приехать к Магомеду немедленно. Опять позвонила Лариса. По ее словам, он в стельку пьян и теперь бредит.

Магомед открыл ему не сразу.

– Ты не вовремя! – недовольно изрек он с порога. От него несло перегаром.

– Опять ты пил!

– Давай не будем ругаться. Это в последний раз. Если я тебе расскажу, ты все равно не поверишь.

– А ты попробуй меня убедить.

Руслан посмотрел на него вызывающе.

Магомед задумался и произнес:

– Ладно, входи!

Руслан зашел.

– Это точно ты? Может, со мной опять разговаривает «страж»?

Руслан едва сдерживал себя, чтобы не сорваться.

– Это он тебе так сказал?

– Ладно, Магомед, что происходит? Почему ты пьешь?

– Мне надо было защититься от Темных.

– Это кто такие?

– Это «стражи», те, что заточили в тюрьму Голос.

– Голос? Какой еще голос?

– Он не называл своего имени. Я решил его так назвать.

– И что же сказал тебе этот «голос»? Что ты должен много пить?

– Ты ничего не понимаешь. Я должен выпустить его из заточения, чтобы вернуть ему трон. Я как раз собирался его вызволить, пока не появился ты.

– Ты хоть слушаешь себя? Ты несешь бред! Бред сумасшедшего! Ты пьян!

Магомед некоторое время молчал, смотря в потолок, затем сказал:

– Хочешь, я докажу, что не сошел с ума?

– Хочу.

– Ладно.

Он вышел из гостиной и через какое-то время пришел с сумкой.

– Надень.

Магомед положил сумку на стол.

– Что это?

– Сапоги.

– Зачем я должен их надевать?

– Чтобы ты мог увидеть то, что видел я.

Руслан решил подыграть ему. Он наденет эти проклятые сапоги и сделает то, что скажет Магомед. Когда ничего не произойдет, то есть Руслан не увидит того, чего видел Магомед, он сам поймет, что был не прав и несет чушь.

Руслан открыл сумку, посмотрел в нее и сказал:

– Здесь нет ничего.
– Как нет?
– Сам взгляни.
Магомед так и сделал.
– Ничего не понимаю. Я прекрасно помню, как положил их в сумку.
– Может, их и не было никогда?
– Они были! Я их надевал!
– Минут двадцать назад ты тоже выходил в этих сапогах?
– Да, – как-то настороженно ответил тот. – А ты откуда знаешь?
– Твой сын приходил посмотреть, не натворишь ли ты глупостей, пока я не приеду.
– Он шпионил за мной?
– Он беспокоится за тебя, как и твоя жена, как и я. Что ты делал на улице?
– Я был в другом мире.
– Босиком?
– В каком смысле?
– Твой сын видел, как ты выходил босиком на улицу, и стоял там на голом снегу, рассматривая каких-то невидимок. Ты не был ни в каком другом мире, Магомед. У тебя серьезные проблемы. У тебя белая горячка.
– Нет! Я там был! Не знаю, что видел мой сын, но я там был!
– А где тогда сапоги?
– Я не знаю где! Может, их украли Темные!
– Магомед, хватит уже! Признай, что ты бредишь! Ты хоть помнишь, как сегодня днем говорил со мной?
– Когда с тобой говорили Темные?
– Да! Темные, стражи, не знаю, один черт! У тебя не только галлюцинации, но еще и раздвоение личности началось!
– Они что-то говорили тебе? Что они говорили?
Руслан встал.
– Я так больше не могу. Или мне придется отправлять тебя в психушку, или ты прекращаешь это!
– Просто скажи, что они говорили! Темные очень хитры и могли наговорить, что угодно.
– Сказали, чтобы ты бросил пить!
Магомед не нашел, что сказать. Впервые за все время.

***

Руслан не мог сказать, осознал ли брат свою ошибку. После всего того, что он ему рассказал про его поведение, про то, как он считал себя неким «стражем», Магомед все время молчал, лишь изредка задавая вопросы. На удивление, он был тих, и посему было видно, что он чувствует себя неуверенным. А вот виноватым ли?

9

После всего услышанного от Руслана Магомеду не хотелось заходить в спальню. Но он должен был сам во всем убедиться.
– Почему ты так долго? – спросил Голос.
Магомед молчал.
– Что с тобой?
– Страж не хотел, чтобы я тебя выпустил.
– Ты говорил с братом? Он сказал, о чем говорили Темные?
– Ты и есть Темный. А они – просто стражи.

– Ну вот! Я же говорил, что им нельзя верить! Что они наговорили? Что все наоборот? Что я Темный, а они белые и пушистые?

– Они сказали – ты лжец! Ты использовал меня, чтобы выбраться оттуда и спрятаться от них в моем теле! Ты никакой не наследник престола! Ты хотел свергнуть Властелина и занять его место, за это тебя и упекли туда!

– Скажи мне, разве я тебя не предупреждал, что Темные могут тебя обмануть? Почему ты им так легко поверил?

– Теперь ответь ты. Почему ты выбрал именно меня?

– Я тебе сказал: так решила судьба.

– Ты верующий?

Голос не нашел, что ответить.

– Почему ты молчишь? У тебя есть какая-нибудь вера? Во что ты веришь?

– Я верю лишь в справедливость!

– Ты веришь в ложь! Страж сказал, я должен бросить пить и начать совершать молитву. Разве это не повод им поверить?

Голос молчал.

– Алкоголь меня испортил. У меня начались видения. Я даже не уверен, что ты, твой мир и блуждающие башни вообще реальность. От меня ушла жена с детьми. Это стоит того, чтобы тебя выпускать, пускай ты даже настоящий наследник?

Голос продолжал молчать. Наконец он тихо произнес:

– Ты должен меня выпустить.

Интонации его изменились. Голос стал грубее и требовательнее.

– Зачем мне это делать?

– Выпусти меня!

Голос совсем изменился. Теперь на человеческий он никак не походил.

– Выпусти меня! – повторял Голос. Магомед уже ничего не мог говорить. Голос привел его в ступор. Он словно звучал уже не за стенкой, а в его комнате. Он был везде. Даже в его голове.

– Выпусти меня!

За стеной послышался грохот.

***

Услышав, как Магомед с кем-то разговаривает, Руслан подошел к двери его спальни вплотную и прислушался. Тот твердил о Темных, о страже и о прочей бредятине. По телефону он точно не говорил.

Руслан расстроился. Что бы он ему ни говорил, видения его не оставят в покое. Следовательно, и пить не бросит. Единственный выход – вылечить от алкоголизма. Разговорами тут ничего не сделаешь. Вряд ли он пойдет лечиться добровольно. Придется прислать какую-нибудь группу в белых халатах. Не хотелось бы говорить об этом Ларисе, но придется.

Голос Магомеда за дверью становился громче. Будто он с кем-то спорил. Руслан опять прислушался.

– …От меня ушла жена с детьми, – говорил Магомед. – Это стоит того, чтобы тебя выпускать, пускай даже ты настоящий наследник?..

Больше этого терпеть он не мог.

Руслан дернул ручку двери вниз. Та не поддалась. Обычно, когда ее закрывали с той стороны, ручка опускалась.

«Может, он не один?... – подумал он. – Да нет. Кто может разделить с ним такой бред?»

Магомед замолк.

Руслан навалился на ручку двери всем телом. Та не двинулась ни на йоту.

– Магомед! – позвал он. – Открой дверь!

Послышался грохот. Такое впечатление, что с другой стороны стены кто-то бьет кувалдой. Что он там делает?

Грохот продолжался. С каждым разом становился все громче и громче.

Руслан бился о дверь, пытаясь ее открыть.

– Магомед! Что ты там делаешь? Открой дверь!

От грохота дом сотрясало.

Удар – за дверью послышался звук разбившегося стекла. Удар – на кухне что-то упало. Удар – сорвалась полка в гостиной. Книги на ней свалились на пол.

Магомед не мог создавать такой грохот. Если только он не стал великаном.

Руслан отошел от двери и с разбегу налетел на нее. Та сорвалась с петель, и Руслан вместе с дверью ввалился в спальню.

Грохот прекратился. В центре комнаты стоял перепуганный Магомед.

Первое, что бросилось в глаза Руслану, – это огромные трещины по всей стене. Они тянулись от центра, будто по стене били чем-то очень тяжелым. По всей видимости, не с этой стороны, а с другой. За стеной находилась кухня.

Но ведь на кухне никого не было. Как такое возможно?

10

Братья не стали больше оставаться в этом доме. Они уехали к Руслану. Позже позвонила Лариса. Руслан все ей рассказал. Та не поверила, пока на следующий день не приехала домой и не увидела трещины. Оставаться в этом доме она тоже не хотела, поэтому пока осталась у матери вместе с детьми.

Ночью в доме Руслана раздался страшный грохот. Они проверили все комнаты – ничего. На следующий день обнаружили, что вся стяжка дома сорвалась. Следующая ночь тоже оказалась неспокойной. Магомед проснулся от стуков в стене. На его глазах стена, у которой он лежал, пошла трещинами. На следующий день стену заделали. Соседи ссылались на то, что это могло произойти из-за землетрясения. Хотя никто не почувствовал толчков. К тому же соседние дома оставались целыми.

Руслан решил принять меры и пригласил муллу[1], чтобы изгнать из Магомеда джинна, как он считал. Мулла приходил несколько дней, читая суры из Корана. Но джинн никак не проявлял себя во время этих ритуалов. Зато отыгрывался ночью. Почти каждую ночь слышался то грохот, то стуки в стенах, то что-нибудь упадет на пол. Руслан через день приглашал людей, чтобы читать в доме зикр[2]. О выпивке Магомед и думать забыл. Он начал совершать намаз.

Вскоре все прошло само собой.

---

[1] Мулла – мусульманское духовное звание богослова, ученого мужа и правоведа, обычно хорошо знающего Коран, хадисы и нормы шариата.

[2] Зикр – исламская духовная практика, заключающаяся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей имя Аллаха.

Милена Тедеева
Северная Осетия-Алания

Пишет стихи. Живет во Владикавказе. Окончила факультет иностранных языков Юго-Осетинского госуниверситета. Участница Форума молодых писателей России (Липки-2010), Совещания молодых писателей республик Северного Кавказа (Майкоп-2009, Домбай-2010, Цей-2011). Публикации: в газетах «Народы Кавказа», «Владикавказ», в журнале «Дарьял», в интернет-изданиях «Осетинское радио», «Алонстон» и др.

Бабушка

1.

По острым ступеням
скалистого склона
спускается
бабушка.
С охапкой зеленых стеблей
дикого чеснока
в руках.
Спешит в село,
в свой маленький дом
мимо окон чужих...
Сейчас войдет,
дух переведет
и сядет перебирать
чесночные стебельки.
Будет варить их потом,
и резкий запах
наполнит дом.
А после
уксуса с маслом добавит –
и в банки
волшебную эту траву
замурует,
чтоб детям своим передать
с надежным соседом,
он в город завтра поедет.

2.

Бабушка вяжет носки
каждую зиму –
пару-тройку пар для каждого сына,
для каждого внука –
пару-тройку пар
из колючей шерсти…
Вяжет носки…
А недавно
платьице мне связала:
белое с синей каймой по краю.
Я теперь только в нем и хожу,
мне очень тепло, хоть и колко
(колют тугие ворсинки-иголки),
но я все равно ношу
труд мозолистых рук
моей бабушки.

3.

Бабушка думает,
внучка у ней самая умная –
сказки про глупого Ацика
сочиняет.
Всем соседям об этом
старушка поведала,
всей родне неустанно
твердит и твердит,
что, дескать, внучка ее,
в самом деле, самая умная:
сказки на осетинском
про глупого мальчугана
рассказывает.
На осетинском,
слышите?!
Разве из ваших умеет
кто на родном сочинять?
Никто не умеет? Ясное дело:
моя – самая умная!..

Испуганные голубицы

Друг рассказывал:
в его комнате
повсюду лежат раскрытые книги,
каждая – на той странице,
где он остановился.
Мне не дает покоя эта картина…
Кажется,
что человек пытается
продлить жизнь,
дарит себе десятки шансов:
книга раскрыта –
значит, есть время ее дочитать.
Но если ворвется в комнату сквозняк?
Если порыв ветра
сорвет книги с привычных мест
и они замечутся по комнате,
беспомощно хлопая крыльями?
Тогда окажется,
что время кончилось?..
Я не пророчу.
Мой друг ни при чем.
Он – успешный телеведущий,
а его жизнь
и без этих взволнованных книжек
полна смысла.
Это мне не живется спокойно.
Я то и дело
попадаю в эту комнату
и слышу,
как книги молят о прочтении.
Закрываю глаза,
обнимаю себя за плечи…
сердце панически стучит:
по ту сторону век
меня ждут книги.
Сколько их там?
Сколько там
хлопающих крыльями
испуганных голубиц?

Псевдоперсей

Небо низко –
пощекочи ему пятки
острым клинком,
пока спасаешься бегством
от Беспощадной Горгоны,
от плотоядной души ее,
от безжалостных когтей ее,
от взглядов змей ее…
«Пусть исцарапает лицо свое
от безысходности,
пусть пожрет плоть свою
от отчаянья...» –
шепчешь ты зловредно…
Заставил страдать Горгону
доблестный муж!

Дразни это низкое небо:
на таком пределе оно
не мечет молний.
Беги!
Вниз – легко!
Беги по склону,
пока остатки нежности
ошалелой Горгоны
стекают с твоего затылка
в ложбинку по спине
на твердь новой истории,
оставляя приторный след
потомкам.

Пустые яйца

Любовь к тебе –
безумная курица,
бросившая гнездо.
Бросила и бежит,
бежит-кудахчет,
а детям холодно...
погибнут они безропотно.
«Да какие же это дети? –
Омлет на завтрак», –
думает курица,
бросая гнездо.
(Но сама стала курицей,
потому что ее не бросили.)
Я смотрю ей вслед,
кусаю губы:
вернется-не вернется? –
Без нее и жизни нет.

Лишь она жива:
наглое яйцо,
которое высидели.

Проза

Мусаев Сулиман

Доьхна де

Дийцар

Аьхкенан де къегина деана. Сийсара сахиллалца дог1а ихнехь а, латта делкъа хан хилале дакъийна бовхачу малхо, цхьацца нхьа дисина долу кегий 1аьмнаш ца лерича.

Баьццара басара хьаькхна, юкъ-юккъе басар д1адаьллачу метте,мекха хьоькхнаш х1иттина долу эчиган ков доккха диллина ду. Уьйт1е ма-веллина аьрру аг1ор долчу раг1у к1елахь, буха гуьйригаш а х1иттийна, т1е истангаш тесина дехкинчу аннаш т1ехь 1а масех воккха стаг, цаьрца цхьана ша х1усамда Сайпи а. Дехьа лаьттачу ц1ен кибарчигах динчу жимчу ц1ачуьра зударийн белхар хеза.

– Нах бог1а! – схьах1утту г1аж карахь кет1ахь лаьтташ волу Сайпин шичин жиммаха волу к1ант.

– Ассаламу 1алайкум! До1а дехьа, 1усман, – кадам д1аоьцуш болчу нахана юкъахь 1аш волчу Сайпин девешин к1анте вистхуьлу т1ебаьхкинчарах воккхаха верг.

– Ахьа дехьа, Янарс! –Янарс куьпан туркх ву.

– Х1ан-х1а, до1а де ахь, 1усман!

Массара а до1а дан куьйгаш хьалалоцу.

– Амин! Амин! – хеза.

– Патихьат!

До1а дина бевлча, куьйгаш юьхьт1е хьала а хьокхий:

– Дала гечдойла цунна, Дала декъала войла иза, шуна Дала иманца собар лойла, – кадам бо. – Х1ун дийр ду ткъа, Делан 1ожалла ю-кх лелаш, Делан 1ожалла. Вайн карахь х1ума дац-кх иза.

– Дела реза хуьлда шуна. Вайга хоьттуш х1уманаш дац-кх уьш. Делан кхелана реза хила деза-кх вай.

Бакхий нах охьаховшу. Кегийрхой лаьтта.

– Хьенех! – наггахьа цхьацца нга вистхуьлу 1усман я Сайпи. – Шу х1инца парг1ата дуьтур ду оха. Д1адаха деза шу. Дала зерат къобал дойла шун.

Цхьаберш совцу, дукхаха берш д1абоьлху, хье ца луш: масех тезет ду юьртахь, цига а кхача деза церан.

– Муха нисделла х1ара, ва Сайпи? – хотту дукха хан йоццуш кхуза кхаьчначу зоьртала дег1ехь волчу къонахчо. – Тахана Назранера ц1авог1уш наха автобуса чохь дуьйцуш хезчий бен суна хиъна а дац х1ара. Со ц1ахь воцу цхьа к1ира хан а яра.

– Цхьа старг1ий, шинарий дара вайн. Царна докъар 1алашдан г1ерташ ши-кхо де дара х1ара к1ант д1ога ферма хиллаче мангал хьакха оьхуш. Асам ала а аьллера цуьнга, ма эхахьа цига, стохка салтий лаьттина йолу и меттиг тешаме ца хета суна, йол оьцур ю вай, аьлла. Вахитахь ша, дийхи-кх, дика буц яьлла цигахь кхушара, аьлла. Мангал хьакха меттиг къен хиларна со а д1а къар велла,1адда 1ий. Стомара цига ваханчохь цхьа «растяжка» олучу х1уманах

мангала а тасабелла, лазийна аьлла, цуьнца хиллачу к1ентан да кхечи. Больнице вигнера иза 1усмана, хан кхачарна, цига д1акхоччушехь д1авели-кх, – меллаша дуьйцу Сайпис.

Хьаьвда тодеш воллура Сайпи, уьйт1ахь цхьаъ кхайкхича. Иза кхойкхуш хеззашехь, аьрру куьйган хьажо п1елгах ж1ов тоьхна, ц1иш д1атуьйхира Сайпис. Юха, п1елгах йовлакх а хьарчийна, аравелира. Ахьмад хиллера веанарг, кхуьнан к1антаца, Асланаца, мангала вахана волчу Юнусан да. Салам а делла, Ахьмада элира:

– Сайпи, хьо воха ма вохалахь, хилларг доккха х1ума дац хьуна. Аслан, мина а иккхина, ши ност лазийна больнице вигна. Вайн чуьра к1ант веанера схьаала, х1инца 1усманаца иза больнице д1а а хьажийна вог1у со…

Кхин д1а цо дуьйцург хезаш вацара Сайпи. Шен кийрара дог коьрте хьала а даьлла «дап-диппанехь» детталуш ду моттаделира цунна. Дег1 марсаца хьаькхна г1одам санна малделлера.

«Воха-Мегар-Дац! Воха-Мегар-Дац!» – детталора дог. Х1унда делахь а, шен к1ант кхин дийна гур воцийла хиира Сайпина.

Цхьана юкъанна кхетаман долара даьлла долчу дег1ана, ша кхузткъа шарахь гергга г1иллакхех, оьздангаллех ца дохуьйтуш лелорна, ницкъ кхечира и беза мохь лан.

– Т1екхаьчнарг лан дезаш, Делан лай ду-кх вай, – шен аз хезира кхунна. – Чоьхьа вала, цхьацца чайн стака мала вай, – т1етуьйхира юха.

– Х1ан-х1а, Сайпи, суна вайшиъ больнице т1аьхьавахча бакъахьа хета: и к1ант сихха цига д1акхачорхьама 1усман д1авахитира аса, суо хьоьца т1аьхьавог1у, аьлла.

– Делахь х1ета, сайн т1ера бедар хийца аса, – чувахара Сайпи. Амма ши лулахо новкъа валанза вара, 1усман кхуьнан к1ентан дакъа а дахьаш ц1акхаьчначу хенахь.

Х1инца а, и селханлера де дага деъча ойла йо Сайпис: «Я Аллахь-дела, хастам бу-кх хьуна, суна иман а, собар а делла, юьхь1аьржа х1уттура-кх со маь1аргонна».

Ши йо1, цхьа к1антий дара Сайпин, пхийта шо хьалха зуда а елла вуьсуш. Гергара наха зуда ялае боххушехь, ца ялаеш къанвеллера иза, берашца десте вон хиларна кхоьруш. Ши йо1 х1инца марехь яра. Шен дерриге а дахар, са к1антана чу диллина 1аш вара Сайпи. Ткъа тахана… Тахана д1адели-кх дерриге а. Ц1ийна г1ортор а д1аели, х1у а хеди. Хеди-те.

Керта велира Сайпи. Яй чу жижиг тосуш бохкура кегийрхой. Лулахой а, Асланан накъостий а. Сайпи ца гора царна. Лохха деш къамелаш хеза, наггахьа дай белар а эккха. Ладуг1у Сайпис. Х1ан-х1а, кхуьнан к1ант вац вуьйцуш. Олхазаран к1ант ву ша стохка Казахстане вахана волуш лелийнарш дуьйцуш. 1овжадо Сайпин дог. Ма тамашийна х1ума ду-кх, нехан керта тезета баьхкинчу наха дуьйцу цхьадолу, иштачу меттехь ца дийцича а х1ума доцу, хабарш. Ма ч1ог1а новкъа довлу кхунна уьш, дагах мехий дохуш санна. Кадам бина бевлла цхьа к1езиг хан яьлча, ахьа д1а ладоьг1ча, велларг воцург кху дуьнент1е мел долу х1ума хуьлу-кх хьуна дуьйцург: сийсара телевизор чохь дина къамел а, юьртдас аьлларг а, посташкахь салташа дийцинарг а, т1етоьхна долу пенси а, 1американ паччахьо аьлларг а, Японехь мохкбегор а…

Наггахьа моллас я баккхийчех цхьамма:

– Х1ей нах, х1инца къулханаш а дешна вайн бусулба вешина мел кхайкхор бу вай, – олу.

Т1аккха цхьана юкъанна тийналла х1утту. Мел кхайкхина бевллачул т1аьхьа юха а шайн къамелаш д1адоладо.

Цхьа ткъа шо хьалха тезет даьлча дийнна куьпера нах нисса баттахь телевизор

я магнитофон ца латош 1ара-кх хьуна. Тезетахь дуьненан къамелаш а к1езиг ма хуьлура. Ткъа х1инца…

Нахана бехк буьллийла дацара да-м. Ч1аг1делла-кх х1окху т1аьхьарчу шерашкахь нехан дегнаш. Масийтта шарахь махкахь лаьттачу тезетах д1абоьлла-кх.

Х1етте а и цхьадолу сов къамелаш ца дича а х1ума-м дацара. Я кхунна ишта хета теша иза? Арарчу тезеташкахь х1ара ша а ма хуьлура нехан хабаршка дог а дог1уш ладоьг1уш. Х1инца кхуьнан йоллу дог-ойла хилла хир ю-кх хьуна цу тезетийн дайшкахь а.

Мацах цкъа, Советан 1едал т1едог1учу шерашкахь, деникинхошца хиллачу цхьана т1амера ц1абоьрзуш хилла бах луларчу юьртана г1оьнна бахана болу нах. Ехха т1ийриг йина говр-ворданаш хилла юьрта чуйог1уш, т1ехь т1амехь эгначийн декъий а, лазийнарш а болуш. Цхьа къена стаг хилла кет1е а ваьлла, 1асана т1е а вазвелла, лаьтташ, т1аме вахана к1ант ц1аваре хьоьжуш. Дакъа т1ехь долу ворда кхечу ураме чуйирзича я нехан кет1ахь сецча воккхачу стага ша-шега олуш хилла: «Иза а соьга лалур ду»,– олий. Т1аьххье а, цхьа ворда шен кет1ехь сецча: «Х1ара нахе а лалур ду»,– элира бах пекъаро. Иштта, шег-шега кхаьчнарг халоха а, дезоха а хеташ ду-кх х1ара, х1ун дийра ду ткъа? Массо а х1ума цхьатерра лан дезаш делахь нехан дегнаш тоххарехь лилхина хир дара.

– Ваша, хьоьга Бикату кхойкху, – элира т1евеанчу кхуьнан шичин к1анта.

Эвла йистехь ша цхьаъ 1аш йоккха стага яра Бикату. Шен веллачу к1ентан ши к1ант кхиинера цо. Жимаха верг, Ислам, Асланаца ишколехь цхьана дешна вара. Т1ом баьллачу шолг1ачу 1ай г1алит1е институте сесси д1аяла вахана волу, шен воккхаха волу ваша ц1а ван хьевелча, цунна т1аьхьа вахана Ислам а т1епаза вайнера. Тахана а царех х1ума хууш дацара цхьанне а.

Уьйт1а велира Сайпи. Букара а яхана, 1асана т1е язъелла лаьттачу йоккхачу стагана т1евахана, мара кхийтира иза.

– Дала гечдойла Асланна,– аьлла,кхин дош ца алалуш елха йолаелира Бикату.

– Хьо х1унда еана, ва Бикату? Цхьамма а бехк буьллур ма бацара хьуна. Хьан могашаллица хала некъ ма бу ахьа бинарг,– легашка шед х1оьттира Сайпин.

– Суна… сайн ма-хетара Аслан а… Иза а… Кани а (иштта олура цо Исламах)… Бен ма вацара… суна. И ши к1ант… д1авайнчул т1аьхьа а… кест-кестта со йолче ма вог1ура иза. Сан г1уллакхе хьожура… дечиг доккхура… цкъа молханаш яхьаш веънера… – «ах1и» аьлла охьайилхира йоккха стаг.

– Ма елха, Бикату. Делан лааманна реза хила деза вай, – са малделла когаш т1ехь ца латталуш йолу йоккха стаг зударий болчу чу а йигна, шена хилла хорам къайлабахьа, юха а сихха керта велира Сайпи.

«Миска-я1, миска, – ойла йора цо. –Шега доцучу денца цу дуьнент1ера суна гуча еана-кх. Кху шина шарахь сов, цхьа а лар йоцуш, я д1адолла декъий а, я ву аьлла меттиг а йоцуш вайна ши к1ант лан ма халахир ду-кх цунна! Сачунна-м т1еваха барза а бара».

Малхбуза ламазан хан герга г1ерташ яра. Кадаме оьхучу нехан тобанаш алсама йуьйлура. Х1ора а Сайпина т1е вог1ий, х1ара къовллий мара а вуллий, вистхуьлура. Гергара нах, юьртахой, Асланан накъостий…

Дебют

Зайтемиров Сайдик

Зайтемиров Сайдик вина 1988 шеран 20 ноябрехь Ножай-Юьртан к1оштан Татай-Отар олучу юьртахь. 2008 шарахь чекхъяькхина Соьлж-Г1алара хьехархойн колледж. Карарчу хенахь Нохчийн хьехархойн институтехь 4-чу курсехь доьшуш ву.

Нана

Йог1учу замано
Вай вовшех дахахь,
Г1айг1ане ма хила,
Сан хьоме нана!

Г1ан – набарха хьуна
К1айн кхокха хилла,
Сайн бала балхо,
Кхочур ву хьуна.

Хьан кийрара бала
Ас бостур бу,
Хьан 1ена б1аьрхиш
Ас совцур ду.

Вай цхьаьна хирг хиларх
Со тешна ву хьуна,
Хьо шек ма ялалахь,
Сан хьоме нана!

Дуьненахь мел веха,
Хьо ирсе ехар ю.
Хан-зама мел ели,
Т1алам хьан хир бу.

Махках къастар

Со веъна кхечи
Со винчу Даймахке,
Аренаш, ламанаш
Исбаьхьа хаза ду,
Вай ярташ, г1аланаш
Хазъелла кхуьуш ю,
Иманехь, исламехь
Адамаш дехаш ду.
Мехкарий, к1ентий
Г1иллакхе-оьзда бу.

Со муха ваьхна
Хийрачу ва махкахь,
Г1иллакх-оьздангалла
Шен сица доцучохь,
Ненаца – деца
Лераме боцучохь?

1а

Арахь хьокху
Шийла мох,
Мохо локху
Шийла шок.
Шийла денош,
Шийла 1а.
Арахь 1уьллуш
Шера ша.
Оьг1аз оьху
Дера 1а,
Лаьтта оьгу
Лайн чимаш.
К1айчу лайца
Билли куз.
Куз т1ехь уг1у
Дера борз.

Б1аьсте

Б1аьсте кхечи, хаза б1аьсте,
Шеца г1иттош зезагаш,
Лаьмнаш, аьрцнаш бецех кхалий,
Самадохуш шовданаш.

Олхазарша, зевне г1овттий,
Аьзнех 1алам декадо,
Ховхаллица дегнаш хьостий,
Адамийн яххьаш екхало.

Яракх-су дог1у, сирла тулг1еш
Шен тог1ийчохь керчаеш.
Ломахь аьгна горга т1улгаш
Кондаршца текхадеш.

Юьртахь бошмийн заза 1ена,
Урам буьзна бераш ду,
Самукъане аьзнаш дека,
Б1аьсте шеран туьйра ду.

Дебют

Мансур Гелагаев

Родился в 1984 г. в с.Серноводске Сунженского района ЧИАССР. В 2007 году окончил Российский государственный социальный университет по специальности «Юриспруденция». В настоящее время работает ведущим специалистом-экспертом правового департамента Администрации Главы и Правительства Чеченской Республики. Пишет стихи и прозу на русском языке. Печатался в газете «Вести Республики». В журнале «Вайнах» публикуется впервые.

Сиреневый запах единственной любви

Рассказ

Гаснущий огонь любви
Живет угольком надежды
Л.С. Сухоруков.

Сильвия, как обычно, встала в семь часов. Аккуратно заправив свою постель, она открыла окно и вдохнула свежий утренний аромат цветущей под окном сирени. Было начало апреля. Далеко на востоке начал просматриваться верхний краешек солнечного диска. Его ослепительный блеск на секунду блеснул искринками в ее прекрасных голубых глазах. Под окном, у которого она стояла на втором этаже двухэтажного каменного дома с зеленою крышею, цвели сирени, давно посаженные ее бабушкой. Встречая новый день, Сильвия ощущала прилив бодрости и энергии от сладостного сознания, что в нее страстно влюблен ее однокурсник по колледжу Себастьян. Неделю назад в городском парке он признался ей в любви, сказав те заветные слова, которые так приятно слышать девушке, особенно, когда эта любовь взаимна.

– Теперь все в моей жизни изменится, – думала счастливая Сильвия, – бабушка и я не будем больше жить одни в этом огромном и опустевшем доме, нуждаясь по хозяйству в сильной руке и мужской заботе.

Чуть наклонившись вперед, она нежно притянула к себе ветку сирени и начала вдыхать в себя ее благоуханный аромат. Она ясно и отчетливо представляла себе отдельные картины той радостной жизни, которая ожидала ее и любимую бабушку Патрисию уже в недалеком будущем. И все это было связано с ним – жизнерадостным парнем из образованной и уважаемой семьи, который жил со своими родителями на главной улице города, рядом с городским парком. В прошлом году они вместе поступили в колледж, вместе сидели за одной партой, вместе засиживались в городской библиотеке допоздна, готовясь к учебным семинарам. Ежедневно общаясь друг с другом, они стали замечать, что у них много общего, что их жизненные интересы не только сходятся во многом, но даже и переплетаются. Так их дружба переходила в привязанность, а привязанность – в любовь. В тот день в городском парке она дала ему знать, что любит его и хочет быть с ним навеки. Для Сильвии это были не просто слова, которые при желании можно забыть, а нечто большее. Это было вполне осознанное, а не спонтанное решение, так как у нее было достаточно времени убедиться в искренности его чувств. И она верила ему как самой себе.

В нем было все, что должно восхищать девушку в молодом человеке, – достоинство, честь и надежность.

Когда Сильвия спустилась вниз, бабушка Патрисия уже сидела в зале в своем кресле-качалке и вязала. Это была женщина лет семидесяти пяти с довольно

приятным и добродушным лицом. Несмотря на преклонный возраст, морщины еще не сильно просматривались на ее белом и румяном лице. Красивые ровные зубы, пусть уже и не так плотно прилегавшие друг к другу, сверкали белизной, делая ее улыбку обворожительной и прекрасной. Но особенно выделялись ее голубые глаза, излучавшие особый таинственный блеск.

Сильвия подошла, опустилась перед ней на колени и, прижав ее ладонь к своей щеке, нежно поцеловала.

– Дорогая бабушка, я так счастлива, – проговорила она, – что порою это даже пугает меня.

Патрисия нежно, как ребенка, погладила ее длинные, цвета старого золота косы и сказала:

– Так всегда бывает в жизни, Сильвия. Когда нам плохо, мы мечтаем о хорошем, а когда нам хорошо, то и тогда не перестаем думать о плохом.

– Почему так бывает, бабушка?

– Потому что человек всегда помнил, хотя и не каждый это сознает, что и за счастье надо платить, ибо оно с такой же легкостью может перейти в несчастье, если не уберечь его.

– А чем же, бабушка, нужно платить за счастье?

– Конечно, любовью, моя милая, только любовью!

– Ах, если бы мне хоть капельку Вашей мудрости, бабушка!

– Успеешь еще набраться мудрости, жизнь об этом позаботится, – смеясь, сказала Патрисия, – а теперь давай завтракать. Кстати, в котором часу обещал придти Себастьян?

– Он до обеда должен быть у отца в офисе, а в три будет у нас.

После завтрака женщины поехали за покупками в магазин. Среди прочего, Патрисия купила внучке длинное вечернее платье голубого цвета, о котором та давно мечтала. Когда девушка надела это платье, Патрисия поняла, что Сильвия не зря долго говорила ей про него – она выглядела в этом платье как цветок Андалузии.

Вернуться домой они решили пешком. Чтобы выйти на проспект и перейти мостовую, им нужно было пройти весь городской парк до самых его центральных ворот.

В парке было многолюдно. Здесь были и старики, которые обычно рассаживались на скамейках и играли в шахматы, а некоторые читали газеты и обсуждали последние новости; молодежь, в основном, собиралась отдельно, на другом конце парка. Одним из самых излюбленных занятий молодых людей было пение под гитару.

На скамейке у статуи Венеры Милосской сидел пожилой мужчина в шляпе и черном длинном кашемировом пальто. Он сидел грустный, чуть склонив свою седую голову на трость с серебряным набалдашником. Когда Патрисия с внучкой проходили мимо него, он пристально посмотрел на них…

Вдруг Патрисия резко остановилась, как будто перед нею появился призрак. На лице ее была тень смятения. Встал со скамьи и мужчина в шляпе. Теперь лицо его сияло от радости, а в глазах, пронзительно печальных, появился юношеский блеск.

Да, она узнала его, это был он! Она не видела его уже больше полувека!

«Как он изменился, как постарел! Но где же он был столько лет?» – думала Патрисия.

– Патрисия! – раздался его приглушенный и до боли знакомый голос. – Патрисия, неужели это Вы?!

Она не сразу обернулась. В ее душе как будто поднялся огненный вихрь. Поток далеких воспоминаний уносил ее обратно в молодость, и она ничего не слышала из того, что говорила ей с испуганным лицом Сильвия, старавшаяся привести ее в чувство. Эта мучительная пауза стала затягиваться…

Когда Патрисия, дрожа от волнения, обернулась и взглянула на друга из

своей безвозвратно ушедшей юности, скупая слеза медленно покатилась вниз по щеке. Старик снял шляпу, и, взяв все еще дрожащую руку Патрисии в свою ладонь, нежно ее поцеловал. Его глаза тоже были полны слез. Патрисия это почувствовала на своей руке.

– Более полувека я мечтал увидеть Вас, дорогая Патрисия, и это мгновение, подарившее мне это счастье, я не забуду никогда! – мягко и отчетливо произнес он.

– Извините меня, Энрике, – отвечала кое-как пришедшая в себя Патрисия, – я никак не ожидала Вас здесь увидеть, да и вообще… когда-нибудь увидеть, – печально добавила она. – При виде Вас во мне проснулось столько воспоминаний.

– О, как я вас понимаю, Патрисия, и просить прощения должны не Вы, а я.

За все время этой беседы бабушки со своим старым знакомым Сильвия стояла рядом с нею и с интересом прислушивалась к их разговору. Это была одна из страниц биографии ее любимой бабушки, и потому эту встречу она восприняла как раскрытие еще одной тайны, которую свято берегла в своей памяти Патрисия.

– Я слышала, что Вы эмигрировали в Южную Америку.

– Да, в сорок третьем я вынужден был покинуть Италию.

– Давно Вы здесь?

– Два дня назад я вернулся из Бразилии, а вчера вечером приехал из Рима сюда.

– Надолго?

Энрике, глубоко вздохнув и посмотрев вдаль, ответил:

– Навсегда.

Когда Патрисия с внучкой ушли, Энрике еще долго сидел на скамейке, еще более печальный и сосредоточенно о чем-то задумавшийся. Он вспоминал о своей жизни в этом городе, в котором когда-то родился и жил. Каким он тогда был счастливым! Как много любил и был любим! Вот в этом самом месте, где он теперь сидит, вместе со своим другом Луиджи он играл на гитаре и пел романтические, а перед войной и патриотические песни. Здесь же он познакомился со своей будущей невестой Марией. А вон там под липой, рядом с Апполоном Бельведерским, где теперь бегает за голубем малыш, он впервые познакомился с красавицей Патрисией… О Боже, как она тогда была прекрасна! Ее грация и обаяние могли свести с ума даже людей с каменными сердцами. Почти все женщины этого квартала ревновали к ней своих мужей. Но она предпочла им всем только одного Луиджи, которого страстно полюбила. Эта любовь начиналась счастливо, но продолжалась недолго. Осенью 1941 года Энрике и Луиджи были призваны на военную службу. Им было тогда по девятнадцать лет. После прохождения военной подготовки их полк весной 1942 года в составе пехотной дивизии направлялся на восточный фронт к границам России. На железнодорожном вокзале, где провожали уходящих на войну, было тогда очень многолюдно. Родственники, близкие и друзья пришли проводить солдат и офицеров туда, откуда уже многим не суждено было вернуться обратно. Незадолго до этого Бенито Муссолини заявил, что для процветания великой Италии необходимо покорить Россию, от которой, якобы, исходит угроза для всего мира. И они – Луиджи, Энрике, Патрисия, Мария и многие тысячи других молодых итальянских патриотов – слепо верили в это. В тот день на вокзале на лицах людей были видны и радость, и грусть, и слезы. Среди уезжающих были и счастливые. Они видели свое счастье в том, что едут на войну выполнить свой священный гражданский долг перед любимой Италией.

Луиджи и Энрике прощались с любимыми девушками с тяжелым тревожным чувством, долго держа их за руки. Они были тогда слишком юны и мало знали жизнь. О последствиях несения военной службы и такого верного служения

Родине в условиях кровопролитной и бесчеловечной войны они пока еще не задумывались. И тем не менее обе девушки своим женским чутьем понимали, что они, может быть, больше никогда не увидят своих любимых. И тогда… Господи, что же будет тогда, как они будут жить?! Ради кого, ради чего! Когда поезд тронулся, и их два красавца махнули им на прощание своими пилотками, на глаза девушек навернулись слезы. Это был первый плач их душ.

Этот день, четырнадцатое апреля, изменивший всю их дальнейшую жизнь, запечатлелся в памяти уже навсегда.

Был вечер, когда Энрике встал со скамьи и направился к выходу из парка. Немного постояв на мосту, опершись на перила и любуясь закатным блеском заходившего солнца, он сел в троллейбус и отправился домой.

II

Вернувшись с прогулки, Патрисия сразу же ушла к себе наверх и села у окна. Встреча с Энрике разбудила в ней много томительных воспоминаний, которые острым лезвием прошлись по старым ранам ее души. Все они были связаны с ее любимым Луиджи, которого она не дождалась тогда с фронта. В январе 1943 года его родители получили известие, что их сын убит под Сталинградом осенью 1942 года. Через два дня после получения этого известия мать Луиджи умерла. Материнское сердце не выдержало такого удара. Патрисия дважды пыталась покончить с собой. Она сильно исхудала и потускнела в лице. На шее и руках появились темные пятна. На всем ее облике застыла печать скорби и печали. Глаза ее, некогда сверкавшие искрами радости и счастья, воспалились от слез и погасли. Целыми днями она лежала на постели, отказываясь принимать пищу и лекарства. Встревоженные ее состоянием родители приводили к ней и врачей, и психологов, и народных целителей, но она молча отвергала их услуги. По совету врачей, родители были вынуждены согласиться на принудительное лечение в госпитале. Но и это не помогло. Бедные родители, столько настрадавшиеся из-за болезни дочери, потеряли всякую надежду на ее выздоровление.

Ситуация изменилась, когда отцом Луиджи было получено письмо от Энрике, находившегося в то время в военном госпитале Будапешта, где он проходил лечение от полученного под русским городом Воронежом пулевого ранения в голову. Он сообщал, что они вместе с Луиджи воевали под Сталинградом и что в начале ноября разведгруппа, в составе которой был и Луиджи, не вернулась из очередного спецзадания, и о ее дальнейшей судьбе пока ничего неизвестно. Но поскольку на подступах к Сталинграду шли тогда ожесточенные бои, то нетрудно догадаться, что с ними могло произойти.

«Впрочем, – заключал он, – я тешу себя надеждой, что он попал в плен и все еще жив».

Когда отец Луиджи показал это письмо Патрисии, на ее окаменевшем от горя лице впервые за все это время засветилась легкая улыбка.

«Вот видите, Патрисия, – говорил он ей, сам не веря своим словам, – Вы здесь страдаете, убивая себя так жестоко, а Луиджи, может быть, еще жив!».

После этого Патрисия постепенно пришла в себя. Она больше не пыталась покончить с собой. У девушки появилась надежда, хоть и маленькая, но все-таки надежда на то, что ее Луиджи вернется к ней. Вместе с нею начали приходить в себя и ее бедные родители.

Четырнадцатого апреля, в годовщину отбытия Луиджи на фронт, Патрисия целый день провела на вокзале. Она сидела на скамейке у платформы с букетом сирени в руках. Поезда прибывали и уезжали, а Луиджи все не было…

Грустная и печальная, она вернулась тогда домой. Войдя в комнату матери, Патрисия молча обняла ее, прижалась к ней и тихо заплакала…

С тех пор она никогда и ни с кем не говорила о Луиджи, хотя и продолжала любить его.

III

Энрике вернулся в Кремону из Будапешта в июне 1943 года. Он был демобилизован из армии по состоянию здоровья. Врачи, опасаясь смертельного исхода, не рискнули вытащить снайперскую пулю, застрявшую в височной стороне его мозга. Он был еще слаб, медленно передвигался и страшно мучился от частой головной боли.

К этому времени итальянские войска были выведены из России. Бредовые идеи Гитлера и Муссолини дорого обошлись итальянскому народу, потерявшему в войне с Россией девяносто тысяч своих сынов. Лозунг диктатора «За процветание Великой Италии» оказался ловушкой для глупцов. И народ восстал. Волнения охватили и Ломбардию. Несмотря на все еще жесткий политический режим и присутствие немецких вооруженных сил, жители области проводили демонстрации, на которых открыто призывали короля во имя спасения Отечества предать суду военного преступника Бенито Муссолини, поддержать партизанское движение и коммунистическую партию.

Здесь Энрике ждали не менее серьезные испытания, чем те, через которые он уже прошел на фронте. Его невесты Марии уже не было в живых. Вместе с семьей, в числе других представителей еврейской диаспоры города, она была расстреляна в мае того года. От своего друга, работавшего в военной комендатуре города, он узнал, что вместе с несколькими бывшими однополчанами проходит по одному уголовному делу, заведенному еще во Львове. Тогда он не выполнил приказ немецкого генерала о расстреле двенадцати львовских коммунистов. Оставаться в городе, да и вообще в стране для него было небезопасно. Военных преступников, к которым причислили фашисты и его, в те лихие годы преследовали и наказывали не щадя. Энрике сначала хотел уехать в нейтральную Швейцарию, где находилась в то время у своей тетушки и Патрисия, но в последний момент передумал, согласившись на предложение своего дяди эмигрировать в Южную Америку.

Так, в конце июня, после глубоких, тяжелых переживаний из-за потери лучшего друга и смерти Марии, не повидавшись с Патрисией, Энрике покинул на пароходе «Италия» берега своей Родины.

Патрисия, после двух лет жизни в Швейцарии, вернулась в Кремону в мае 1945 года, за два дня до окончания войны.

IV

Когда Сильвия вошла в комнату бабушки, та еще продолжала сидеть у окна с задумчивым видом. Сильвия хорошо знала эту ее привычку. Когда ей становилось плохо и портилось настроение, она уходила к себе и до утра следующего дня не выходила из своей комнаты. Так было и в этот раз. В комнате было темно и прохладно. Через растворенное окно шел ароматный запах цветущей под ним сирени.

Патрисия попросила внучку не зажигать светильник и присесть рядом с нею.

– Когда-то очень давно, Сильвия, когда я была в твоем возрасте, – начала спокойным и тихим голосом Патрисия, – я влюбилась в одного молодого человека из нашего города по имени Луиджи Каррера. Ему было тогда девятнадцать лет, а мне – семнадцать. Он был изумительно красив. Многие девушки были от него без ума. Сказать, что он просто любил меня, значит, ничего не сказать. Он обожал меня, как Тристан свою Изольду. Тогда все называли нас Ромео и Джульетта. Многие завидовали нашему счастью. Бывало, ранним утром он придет сюда и встанет вот под этим самым окном. Услышав его родной, зовущий меня голос, я вскакивала с постели, открывала окно и ловила брошенный им в окно букетик цветов. Мне тогда очень нравилась сирень. Весною, когда она

цвела, он каждое утро бросал в мое окно сиреневый букет. Наши родители в шутку говорили, что у нашей любви сиреневый запах. Мы думали пожениться в июне 1941 года, но из-за скоропостижной кончины моего единственного брата Бенито свадьбу отложили до осени. А осенью, когда был назначен день свадьбы и шли приготовления, Луиджи неожиданно был призван на военную службу. Время было тяжелое, шла война, и интересы Отечества для всех нас были на первом месте. В апреле 1942 года дивизия, в которой служил Луиджи, была переброшена на восток для войны с Россией. День, когда мы провожали его на вокзале, я запомнила на всю жизнь. Это было четырнадцатое апреля. Каким он тогда был красивым! Он всегда был красивым, во всем! Сколько раз с тех пор я мысленно представляла себе его, стоящего на перроне в военной форме и улыбающегося мне своей широкой добродушной улыбкой… С ним отбывал на фронт и его друг Энрике Фабретти – ты видела его сегодня в парке. Луиджи очень дорожил его дружбой. На прощание он подарил мне сиреневый букет как символ нашей любви, который я до сих пор храню как самую дорогую память о нем. У меня также остались письма, которые он писал мне с фронта. Последнее из них я получила в сентябре того года. А в январе следующего года мы узнали, что он пропал без вести.

Когда Патрисия произносила последние слова, голос ее задрожал, и к горлу подступили слезы. Она встала и минуты две смотрела через открытое окно на звездное небо… Один Бог знает, о чем она при этом думала. Может быть, она вспомнила те далекие времена, когда они с Луиджи были счастливы – им тогда очень нравилось по вечерам смотреть на звезды, величие и таинственность которых поражали их воображение; или, быть может, она верила, что Луиджи там и, улыбаясь, смотрит на нее; а может, она представила себе Луиджи, который где-то далеко, так же, как и она сейчас, смотрит в небо и думает о ней?

Патрисия тихо заплакала… Горячие капли слез одна за другой, отражая в себе мерцающий блеск далеких звезд, падали на ее щеки…

Сильвия, как могла, старалась ее успокоить…

Через полчаса она согласилась лечь на кровать. С материнской заботой и нежностью Сильвия накрыла ее одеялом, поцеловала в лоб и закрыла окно.

– Знаешь, Сильвия, – произнесла она, открыв глаза, когда та, думая, что бабушка уже уснула, собиралась уходить, – сиреневый запах моей первой и единственной любви я ощущаю до сих пор…

V

На следующий день пришел Энрике. Он хотел подарить Патрисии букет сирени, так как знал, что это были ее любимые цветы, но, боясь, что этим может вновь разбудить в ней тяжелые для нее воспоминания о прошлом, принес гвоздики.

Патрисия поставила цветы в вазу на маленьком столике в гостиной и села в кресло напротив гостя.

– Странно, – сказал Энрике, оглядевшись, – в доме мало что изменилось с тех пор, как я был здесь в последний раз.

– Я предпочла не делать капитальных изменений и сохранить прежнее убранство комнат, – ответила Патрисия, – единственное, что Вы не могли видеть раньше на фасадной стороне дома – это кусты сирени в палисаде.

– Да, я заметил сирень под окнами, – задумчиво произнес Энрике.

После минутной паузы Патрисия расспросила о его жизни в Бразилии.

Энрике вкратце рассказал ей все, что посчитал нужным сообщить о своей довольно одинокой жизни в городе Сан-Паулу, где он со времени приезда в Бразилию почти безвыездно прожил пятьдесят пять лет. С его слов Патрисия поняла, что в эмиграции у него была безрадостная жизнь.

– Вы спрашиваете, любил ли я, – повторил он ее вопрос, – как вам сказать? Я

был дважды женат, но любви, равной той, которая была у меня здесь, я больше никогда не испытывал.

– А у Вас есть дети, Энрике?

– Нет, Бог не послал мне детей.

– Вы, наверное, сильно тосковали по Италии?

– Не было ни одного дня, когда я не вспоминал Италию, Кремону, свою погибшую любовь, Вас и… – Энрике не докончил, он посмотрел на Патрисию, и, опустив голову, глубоко вздохнул.

На несколько минут воцарилось молчание.

При всем своем желании Энрике понимал, что не может в беседе с Патрисией обойти разговор о Луиджи – единственном, что их когда-то связало и связывает до сих пор.

Он встал, подошел к окну и поглядел вдаль. Только сейчас он заметил, что там, где жил Луиджи, стоит теперь большой многоэтажный дом.

– Когда-то была мечта, которая называлась Италия, – как будто про себя проговорил Энрике, – и нужно было ее осуществить. Мы верили в это и боролись с тем, чему не суждено было сбыться. Идеология фашизма оказалась далека от интересов итальянского народа, и будь навеки проклят тот, кто заставил нас в нее поверить. Но наступило благоразумие, и туман рассеялся… Сколько загубленных и искалеченных судеб! И ради чего? Я понял все это со стыдом. Находясь в госпитале Будапешта между жизнью и смертью, – продолжил он после кашля чуть охрипшим голосом, – я выжил лишь потому, что меня ждала здесь Мария. Любовь к ней возродила меня к жизни. Однако, узнав о ее смерти, я потерял интерес к жизни и возненавидел все: свой народ, Ломбардию, фашистов, евреев, церковь, всю Италию. Не ради спасения жизни я уехал в Южную Америку в 1943 году, а потому, что не мог больше жить в этой стране после всего пережитого, после потери всех близких мне людей. Но, живя там, на чужбине, эта ненависть скоро прошла, и я еще сильнее полюбил Италию. Но вернуться не мог, ибо знал, что все здесь будет напоминать мне о прошлом, которое даже там не давало мне покоя. Я приехал теперь, когда силы мои на исходе, чтобы лечь в могилу здесь, на родной земле, под голубым небом Италии.

Все это Энрике проговорил стоя у окна и смотря куда-то вдаль, опираясь ладонями рук на подоконник. Он был сильно взволнован. Его некогда могучие и жилистые руки дрожали, как осиновые листы, а ноги непроизвольно сгибались и заметно слабели.

Он тяжело опустился в кресло, наклонил голову назад и глубоко вздохнул.

– Потрепала нас жизнь, Энрике, – сказала не менее взволнованная Патрисия, – одно лишь утешает, что мы не вечны и нашим страданиям придет конец.

Окно гостиной, в которой сидели Патрисия и Энрике, было приоткрыто. Из него вместе с нежным ароматом апрельского воздуха до них доносились со второго этажа звуки приятной мелодии. Это была музыка известного итальянского композитора Эннио Морриконе «Ветер-плач», которую на рояле играла Сильвия. В течение нескольких минут старики наслаждались этими упоительными звуками, каждый думая о своем…

– Это играет на рояле моя внучка Сильвия, – сказала Патрисия, когда музыка стихла, – она скоро собирается в Милан на конкурс молодых исполнителей музыкальных произведений.

– Она мне так напоминает Вас, Патрисия.

– Так многие говорят.

– А где ее родители?

– Они погибли в автокатастрофе семь лет назад.

– Бедная девочка!

– Мать Сильвии Беатрис была моим единственным ребенком.

– А кто был отцом Беатрис?

– Его звали Антонио Беллуччи. Он был родом из Неаполя.

– Вы любили его?

– Антонио был замечательным человеком, надежным и верным другом. А что касается любви, то в моей жизни была только одна любовь – Луиджи.

Когда Патрисия провожала Энрике, входная дверь открылась, и на пороге появился молодой человек лет двадцати. Это был жених Сильвии Себастьян – высокий и красивый брюнет. Он почтительно с ними поздоровался и поднялся наверх к Сильвии. А Энрике, попрощавшись с Патрисией, ушел, обещав еще придти.

VI

Через неделю Сильвия уехала в Милан для участия в конкурсе на лучшее исполнение музыкальных произведений итальянских композиторов двадцатого столетия.

Оставшись одна, Патрисия начала ощущать сильный прилив ностальгических чувств. Неожиданное появление Энрике и беседы с ним давали им новую благоприятную почву.

В последнее время она редко выходила из дома. Но однажды утром, чтобы хоть как-то развеяться от нахлынувших на нее воспоминаний о прошлом, она решила пройтись по бродвею.

Надев свой белый демисезонный плащ и фетровую шляпу с крепом, она вышла на улицу. Погода была чудесная. Высокое голубое небо с плывущими по нему белыми, как снег, облаками, чистый прохладный апрельский воздух, благоуханный аромат распускающихся цветов, пение птиц ласкали воображение и вселяли любовь к жизни.

Прогуливаясь по бродвею без всякой цели и любуясь прекрасной погодой, Патрисия почувствовала большое облегчение от томивших ее душу мыслей и чувств.

«Давно мне не было так хорошо!» – подумала она, сидя на скамейке в небольшом сквере возле картинной галереи.

Рядом с нею сидели парень с девушкой. Молодой человек, видно иностранец, при помощи разговорника старался заговорить с девушкой на итальянском языке. Но пока что успехи его были невелики, так как после произнесения им некоторых фраз девушка смеялась.

Глядя на них, Патрисии тоже стало весело. Вдруг, в одно мгновение, лицо ее омрачилось… Она вспомнила, что на этом самом месте, где она теперь сидит, Луиджи впервые признался ей в любви. Это было весной 1941 года. Она возвращалась домой из библиотеки. В руках у нее тогда были две книжки. Одна – «Сент-Ронанские воды» Вальтера Скотта, название другой Патрисия не помнила. Луиджи сидел здесь на скамейке, и, когда она проходила мимо, загородил ей дорогу. После его настойчивых просьб она согласилась присесть с ним на одну минуту. Он сказал, что давно любит ее, сходит по ней с ума, не знает, как жить дальше, и что если она откажется выйти за него замуж, он покончит с собой. А она, впрочем уже давно не равнодушная к Луиджи, ответила, что ей нужно время, чтобы проверить свои чувства и узнать мнение родителей. Потом, когда пошел сильный дождь, Луиджи накинул на нее свой пиджак, и они побежали к трамвайной остановке…

Это воспоминание вместе с доносившейся из картинной галереи французской песней «Non, je ne reqrette rien» мысленно унесли ее в те далекие времена…

… Патрисия вздрогнула и открыла глаза. Ей показалось, что кто-то назвал ее имя. На противоположной скамейке сидели две женщины и о чем-то оживленно разговаривали по-английски. Они были от нее на расстоянии не более пяти шагов, так что она могла их хорошо слышать. Патрисия не придала бы этому никакого значения, если бы еще дважды не услышала свое имя, а чуть позже до нее дошли такие слова, как «Луиджи», «Россия», «война». Патрисия

хорошо знала английский язык – ее мать была англичанкой. Она внимательно прислушалась к беседе двух женщин и то, что она потом услышала, сильно ее поразило. Не было сомнений – они говорили о ней с Луиджи, об их любви и разлуке…

Вся бледная от волнения, она тихо подошла к ним…

– Я… я… Патрисия Бонати, мне показалось, что вы говорили обо мне.

Женщины удивленно переглянулись и встали. Одна из них, высокая стройная брюнетка лет сорока пяти, внимательно вгляделась в лицо Патрисии, и, как будто что-то сообразив, улыбнувшись, сказала:

– Здравствуйте, Патрисия, меня зовут Белла, я дочь Луиджи Каррера.

Патрисию мгновенно обдало холодом, внутри у нее словно зашумела буря, перед глазами все закружилось и потемнело. Она упала в обморок…

VII

Патрисия очнулась в машине скорой помощи. Ее везли в больницу. Рядом с нею были медсестра, Белла и тот молодой человек в сквере, который пытался говорить по-итальянски. Патрисия назвала свой адрес и попросила отвезти ее домой, так как чувствует себя уже лучше.

Дома ее уложили на диване в гостиной. Медсестра, сделав еще один укол и дополнительно дав ей попить какие-то успокоительные таблетки, ушла.

Белла села рядом с нею и спросила, не желает ли она чего-нибудь. Патрисия покачала головою и спросила, кто она и что ей нужно.

У Беллы на глаза навернулись слезы. Она закрыла глаза ладонями и тихо заплакала…

– Я плачу от счастья, – проговорила он сквозь слезы, – ведь я выполнила завет отца.

Успокоившись, Белла рассказала Патрисии все, что произошло с Луиджи с тех пор, как он пропал без вести в разгар Сталинградской битвы поздней осенью 1942 года…

В конце 1942 года под Сталинградом во время выполнения спецзадания по минированию мостов его отряд попал в плен. Их содержали в каком-то лагере в сосновом лесу. Летом 1943 года эта местность подверглась бомбардировке. Из-за начавшегося всеобщего смятения нескольким военнопленным удалось сбежать. В числе беглецов оказался и Луиджи. Спасаясь от преследований, через леса они бежали на юг. Когда беглецы вышли на Дон, из них остались в живых Луиджи и один румын. Там в лесу они встретили двух красноармейцев, которые по ранению направлялись домой на Кавказ. Вместе с ними, преодолев невероятные и подчас стоившие им жизнь трудности, исхудавшие и голодные, они, наконец, прибыли в Чечню. Жители одного горного аула, откуда были два бойца, очень тепло приняли гостей и обещали им со своей стороны полную безопасность и покровительство. Через два дня румын умер, а Луиджи остался жить среди приютивших его чеченцев. Зимой 1944 года чеченский народ был депортирован в Среднюю Азию. В Казахстане Луиджи жил в Алма-Атинской области. Он сильно тосковал по Родине, но под недремлющим оком НКВД у него не было никакой возможности даже известить о себе своих родственников. Так и пришлось ему смириться со своим новым положением.

– В 1949 году, – продолжала свой рассказ Белла, – отец, которого чеченцы после принятия мусульманской веры называли Джамалом, женился на моей матери Медни. Через год у них родился сын Азамат, а в 1952 году родилась я. У нас была очень дружная семья, в которой всегда царили любовь и гармония. В 1960 году мы вернулись в Чечню и стали жить в городе Грозном. В 1986 году умерла мама. Отец до самой смерти в 1988 году оплакивал ее кончину. Когда он заболел и слег, он написал Вам письмо на своем родном языке, которого никогда

не забывал. Он тогда рассказал нам с братом о своей любви к Вам, о том, как Вы с ним были счастливы и как расстались во время войны. Рассказывая нам о своей далекой Родине, он плакал, как ребенок, а о Вас говорил восторженно и с большой любовью. Это письмо он передал нам и взял с нас слово, что мы обязательно, как только появится возможность, отправим его в Италию.

Патрисия молча, без всяких движений и глядя в одну точку на люстре, слушала Беллу. Спокойное выражение ее лица было загадочным. Нельзя было понять, о чем она думала и какие чувства испытывала в тот момент.

Кончив говорить, Белла достала из своей сумки черную шкатулку, а из нее – то письмо, о котором она говорила, и передала его Патрисии.

Взглянув на пожелтевшее от времени письмо и сразу узнав почерк Луиджи, Патрисия тихо промолвила:

– Если бы Вы знали, как долго я его ждала.

Сказав это, она встала и молча поднялась по лестнице наверх. Присев у окна в своей комнате, она несколько минут рассматривала письмо, на котором маленьким, красивым и до боли знакомым почерком были выведены слова: Патрисии Бонати от Луиджи Каррера.

Дрожащими руками, со слезами на глазах она аккуратно вскрыла конверт и вынула сложенный вдвое лист почтовой бумаги, на котором прочитала следующее:

«Моя дорогая Патрисия, когда ты будешь читать это письмо, меня, наверное, уже не будет в живых. Даже не верится, что нам уже более шестидесяти лет. В той страшной битве на Волге в 1942 году, по воле Господа, мне удалось выжить. Полгода я провел в лагере для военнопленных. Потом бежал. После долгих и мучительных испытаний оказался на Кавказе. Здесь есть один райский уголок, где живет удивительно добрый, гостеприимный и мужественный народ. Это место называется Чечней. Чеченцы приютили меня, защитив от врагов и взяв под свое крыло. Благодаря им, я вновь возродился к жизни и дожил до шестидесяти пяти лет. Их нравы и обычаи очень близки нашим традициям. Они ценят честь и свободу больше, чем все остальное на свете. Живя среди них, я пережил вместе с ними самые худшие и самые лучшие времена в их истории. Здесь я многому научился и многое понял о жизни. Но не было ни одного дня за эти сорок шесть лет, когда я не вспоминал тебя и сердце мое не рвалось бы к Италии. Я никогда не переставал любить тебя и продолжаю любить до сих пор, моя дорогая, милая, нежная Патрисия. Но как бы сильно я ни хотел вернуться, это было невозможно. А когда мог, было бы слишком поздно что-либо изменить. В 1949 году я женился на очень благородной девушке по имени Медни. Мы прожили с ней вместе долгих тридцать лет. У нас родились два замечательных ребенка, которые повзрослели и стали достойными людьми.

Теперь, когда я пишу это письмо, на дворе январь 1988 года. Я уже старик. Мне шестьдесят пять лет. Я серьезно болен и вряд ли доживу до весны. В последнее время мне часто снится Италия. Я закрываю глаза и вижу себя стоящим на берегу реки По, в водах которого отражается красивый вечерний закат. Иногда вижу себя еще мальчишкой, когда, бывало, солнечные лучи проникали в мою маленькую комнату и нежно будили меня. Сквозь приоткрытую дверь до меня доносится манящий запах из кухни, где обычно по утрам мама пекла душистый хлеб и булочки.

Помнишь, милая Патрисия, тот апрельский вечер в парке, когда мы впервые поцеловались? Я тогда считал себя самым счастливым человеком на свете. А на следующий день я пришел с букетом цветов и, перепутав окно, бросил его в комнату твоего отца прямо на его рабочий стол.

О, если бы можно было увидеть тебя, поцеловать твою нежную, ангельскую руку и сказать, что всем сердцем люблю тебя и любил всегда, то и приближающаяся смерть не смогла бы омрачить мое счастье!

Здесь, на Кавказе, я познал человеческое счастье, а с тобой – божественное.

Прошу тебя, поклонись за меня нашей очаровательной реке По, парку, в котором мы были так счастливы, и могилам моих бедных родителей, которых я никогда, как и тебя, не забывал. Если еще жив Энрике, то передай ему, что я всегда гордился тем, что у меня был такой великодушный и верный друг.

Прощай, дорогая Патрисия, и прости, если заставил тебя страдать.

Да пребудут с тобой Вера, Надежда и Любовь!

Да благословит тебя Господь!

Твой Луиджи».

Прочитав письмо, Патрисия прижала его к груди и зарыдала. Что могла она чувствовать в эту минуту? С одной стороны, мысль о том, что где-то неведомо для нее жил Луиджи, любил и был любим, жгла ее сердце. Несмотря на все его признания, полные любви к ней, и причины, по которым он не смог вернуться в Италию, ей все-таки трудно было с этим смириться. С тех пор, как она решила ни с кем не говорить о нем, ее любовь к Луиджи ничуть не ослабла. Как-то, еще до его отъезда на фронт, она призналась своей подруге Марии в том, что любит его до боли сердечной. Эти слова оказались пророческими. Иногда, даже по прошествии десятилетий, при воспоминании о нем у нее начинало болеть сердце. Патрисия была замужем, но никогда не любила своего мужа. Понятия «любовь и Луиджи» давно слились для нее вместе. С потерей Луиджи любовь к нему в ней не погасла, а продолжала жить своей жизнью. Она стала для нее источником существования, и все эти годы поддерживала в ней огонь жизни, определяла ее смысл и назначение.

Она никогда не верила, что потеряла Луиджи навсегда. Вся ее внутренняя сущность противилась верить в это. Патрисия просто ждала его, как Пенелопа ждала своего Одиссея, как никто никогда еще не ждал. Она верила, что он вернется, напишет ей письмо или каким-нибудь другим образом узнает, что он выжил и где-то живет. С тех печальных времен эту веру Патрисия пронесла через всю свою жизнь.

С другой стороны, она была счастлива, так как уже точно знала, что ее предчувствия не обманули ее, что, вопреки всем жизненным невзгодам, сохранила свою любовь и не напрасно ждала его все эти годы.

И это новое чувство, открывшееся ей теперь, вносило смысл и порядок в ее жизнь.

Вытерев слезы, она подошла к шкафу, и, открыв сейф, достала оттуда портрет и шкатулку. Это был портрет Луиджи, нарисованный ее братом Бенито. А в шкатулке она хранила все, что осталось у нее в память о нем: кольцо, фотокарточка, засохший сиреневый букет и сорок шесть писем.

Патрисия взяла в руки фотокарточку. На ней рядом с велосипедом, обхватив его обеими руками за руль, стоял очень красивый молодой человек в фуражке и с сигаретой во рту. Красивые и тонкие черты на чуть продолговатом лице с ямочкой на подбородке, широкие густые брови, пышные и черные как смоль волосы, гордая осанка придавали ему несравненно-привлекательный вид, достойный кисти величайших итальянских мастеров живописи эпохи Возрождения.

– Мне не за что прощать тебя, Луиджи, – произнесла она, продолжая смотреть на фотографию, – ты подарил мне самую чистую, самую благородную, самую возвышенную, самую божественную любовь, которая сделала меня навеки счастливой и огонь которой горит во мне пятьдесят восемь лет. И этой великой и могучей любовью мы были обласканы – разве этого мало, пусть даже и на всю оставшуюся жизнь?

Положив вещи обратно в шкатулку вместе с последним письмом Луиджи, Патрисия, довольная и счастливая, вышла из комнаты.

VIII

Когда Патрисия спустилась вниз, Белла по-прежнему сидела в гостиной. Войдя в комнату и взглянув на стоящего у окна молодого человека, Патрисия остолбенела. Только теперь она заметила, что он был точной копией Луиджи. Те же карие глаза, волосы, черные густые брови, те же самые осанка и рост.

– Господи, как Вы на него похожи! – сказала она через минуту, опомнившись и подойдя к нему поближе.

– Совсем забыла Вам его представить, – сказала Белла, подходя к окну, – это – мой сын Анзор.

– Нетрудно догадаться – с умиленным видом, улыбаясь, прошептала Патрисия.

Все сели. Патрисия расспрашивала Беллу о России, ее матери и брате, о ее собственной семье и о том, как она очутилась в Италии.

– До войны я работала в Грозном преподавателем английского языка в институте, – отвечая на вопросы Патрисии, говорила Белла. – Брат Азамат был архитектором. Он участвовал в русско-чеченской войне и погиб зимой 1995 года. А я с мужем и сыном весной 1996 года эмигрировала во Францию. С тех пор мы и живем там, в городе Ницца.

– Как это все печально, – с грустью сказала Патрисия.

– Письмо отца мы с братом не отправили Вам потому, – продолжала рассказывать Белла, – что не были уверены в том, что оно дойдет до Вас. Отец очень хотел, чтобы Вы прочли его. Это было его последнее желание перед смертью, которое мы обещали исполнить. Я взяла его с собой в Европу в надежде, что если смогу найти Вас здесь, то передам его лично в руки. Так как мы приехали сюда как беженцы, много времени у нас ушло на обустройство. Но я всегда помнила, что должна выполнить свой долг перед отцом. Мне очень хотелось и с Вами познакомиться. Я сразу узнала Вас потому, что именно такою вас себе и представляла. В Ницце я работаю в библиотеке. Одна моя коллега дала мне адрес своей сестры, которая работает в местном туристическом бюро, и сказала, что она поможет мне здесь найти Вас. С нею Вы и видели меня сегодня в парке. Но найти Вас оказалось гораздо проще, чем мне казалось, – с улыбкой добавила Белла.

– Вы даже и не представляете себе, Белла, как сильно осчастливили меня своим появлением. Я никогда не верила, что Луиджи погиб. Мое сердце отказывалось в это верить. Я никогда не теряла надежды, ожидая его возвращения. Хотя он и не вернулся, но зато вместо себя прислал Вас – свою замечательную дочь и внука, так похожего на него. Для меня это огромное счастье. – Знаете, Белла, – продолжала она, вытирая слезы, – когда Луиджи уезжал на фронт, он был примерно в таком же возрасте, в каком теперь Ваш сын. Таким я его и запомнила. У меня такое ощущение, что он вернулся и сидит рядом со мной.

Молча сидевший Анзор вдруг встал, подошел к Патрисии и, поцеловав ее руку, сказал:

– Я очень рад, уважаемая Патрисия, что мы с мамой смогли доставить Вам эту печальную радость, которую Вы называете счастьем.

«И даже руку целует, как он», – подумала про себя удивленная Патрисия.

IX

По просьбе Патрисии Белла и Анзор остались гостить у нее на неделю. За это время они познакомились с Сильвией и Энрике, который, выслушав рассказ о Луиджи, плакал, прикрыв глаза рукой, словно стесняясь. Вернувшаяся из Милана Сильвия, занявшая на конкурсе первое место, была поражена такой кульминацией в истории любви своей любимой бабушки.

Шестнадцатого апреля, в день рождения Луиджи, Патрисия вместе с Беллой и Анзором ездила на городское кладбище к могилам родителей Луиджи. Они привели их в опрятный вид, очистив от сора, и выправили развалившуюся от времени и непогод железную ограду вокруг них.

А вечером того же дня все сидели за столом в большом зале дома Патрисии и вспоминали человека, который объединил их вместе.

Когда Энрике встал и произнес: «В память Луиджи!», все выпили и помолчали. Каждый стоял с рюмкой в руке, склонив голову вниз. Воцарившееся молчание было прервано выстрелом из старой пушки на центральной площади города, означавшим заход солнца.

Все сели. По желанию бабушки Сильвия, выглядевшая обворожительно в своем длинном вечернем платье голубого цвета, выключила свет и зажгла свечи. На старом граммофоне тихо звучала музыка. За окном постепенно сгущались сумерки.

Весь вечер говорили о Луиджи. При этом все заметили, что, говоря о нем, Патрисия не печалилась и не плакала. Она находилась в каком-то удивительно-радостном и беззаботном состоянии, в котором даже Сильвия ее никогда не помнила.

Патрисия говорила также о любви – великом, могучем и святом чувстве, которым во всей его красе и силе природа наделила только человека.

«Любовь – это единственная радость в нашей жизни, – говорила она, – а может быть, и смысл ее».

После того как Сильвия исполнила на рояле две музыкальные композиции Гоффредо Петрассии, Патрисия, по просьбе Энрике, взяла в руки скрипку и сыграла мелодию «Besame mucho», которая очень нравилась Луиджи…

В десять часов все разошлись, кроме Сильвии и Анзора, которые перешли в гостиную. Здесь, у рояля, между ними происходил следующий разговор:

– Играть на скрипке и рояле меня сначала учила бабушка, – говорила Сильвия своему собеседнику, а после смерти родителей она отдала меня в музыкальную школу.

– Я заметил, что кремонцы очень любят играть на скрипке.

– О да, это часть традиций нашего города, недаром его называют родиной итальянской скрипки.

– А Вы какую музыку предпочитаете?

– Я увлекаюсь классикой – Моцарт, Бах, Паганини, а также произведениями современных итальянских композиторов.

– Мне очень нравится музыка Морриконе.

– Бабушка тоже от нее без ума.

– А что Вы изучаете в колледже?

– Право. Я хочу стать юристом.

– А музыка?

– Музыка – это больше для души, можно сказать, хобби.

– Но ее можно сделать и профессией. Из Вас, мне кажется, вышел бы хороший композитор.

– В Милане мне предлагали поступить в консерваторию, но это не для меня. Я всегда мечтала стать адвокатом.

В эту минуту с улицы донеслись крики, громкие возгласы и свист… Анзор и Сильвия открыли окно и увидели толпу людей, большею частью молодежь, с шумом шедших по бродвею.

– Кто они? – спросил Анзор.

– Футбольные фанаты. Сегодня был матч, кажется, наша команда выиграла.

Сильвия вновь села за рояль. Разложив перед собой ноты, она спросила:

– А красиво там, в России?

– Да, очень.

– Россия такая большая, словно часть света.

– Что ты о ней знаешь?

– В прошлом году я читала роман Толстого «Война и мир».

– Понравилось?

– Скорее да, чем нет. Бабушка его очень любит. Она говорила, что во время войны, когда Отечество было под угрозой, с надеждой читала эту книгу.

– Сильвия, – с задумчивым взглядом произнес Анзор, – я должен кое о чем спросить тебя.

– Я тебя слушаю, – сказала Сильвия, начиная играть Чайковского.

– Я хотел спросить, – опять неуверенно и робко произнес Анзор, – у тебя… есть парень?

Сильвия, не любившая выражения в роде «мой парень», «моя девушка», подняв голову и перестав играть, ответила:

– У меня есть жених.

– А почему ты покраснела, Сильвия?

– Уже поздно. Мне пора идти. Доброй ночи!

Сильвия встала и быстро вышла из гостиной. Через минуту Анзор, пробежав пальцами по клавишам и глубоко вздохнув, тоже отправился спать.

X

На следующий день Сильвия и Себастьян возвращались из колледжа. Себастьян шел мрачный и задумчивый. Он редко бывал в таком состоянии, но когда это случалось, должны были быть серьезные причины.

– Что случилось, Сильвия, – спросил он ее наконец, – с тех пор, как ты вернулась из Милана, я тебя не узнаю?

– О чем ты, Себастьян?

– О том, что пора поговорить о наших отношениях.

– Я не понимаю тебя.

– Ты не такая, как прежде: все время молчишь, разговариваешь со мной как с деканом факультета, постоянно торопишься домой.

– Не выдумывай, Себастьян. Ты же знаешь, скоро олимпиада, экзамены, вот я и готовлюсь.

– Послушай, Сильвия, – остановившись и пристально посмотрев ей в глаза, произнес Себастьян, – или успех в Милане вскружил тебе голову, или…

– Или что?

– Или дело в вашем госте из России.

– Прошу тебя, Себастьян, перестань, – сказала Сильвия сердито, – это уже не смешно!

– Я ведь все вижу, Сильвия. У вас в семье все какие-то военные драмы, письма, сирени. Дождались наконец-то. Да-да, это очень романтично, ничего не скажешь, когда любовь дедушки и бабушки продолжают внуки. Но с меня довольно. Жених и дурак, Сильвия, это не одно и то же.

– Ты, наверное, сильно переутомился, рисуя свои картины по ночам, и бредишь, сам не зная что, – повысив голос, произнесла Сильвия, – иди домой и отоспись, потом поговорим, – сказав это, Сильвия вскочила в трамвай и поехала домой.

XI

Был первый час на исходе, когда Сильвия вернулась домой. В гостиной ее встретила Белла. На вопрос Сильвии о том, дома ли бабушка, она ответила, что Патрисия полчаса назад вернулась с прогулки и, сославшись на усталость, поднялась к себе. Сильвия быстро пошла наверх в комнату бабушки. Она чувствовала, что что-то необъяснимое и странное происходит с нею за последние

дни. Поэтому она решила сегодня же, не откладывая более, поговорить с бабушкой, мудрость которой не раз помогала ей разобраться в своих чувствах.

«А ведь он был прав», – промелькнуло в голове у Сильвии перед тем, как постучаться в дверь бабушки.

На ее стук никто не ответил.

«Наверное, спит», – подумала Сильвия и направилась в свою комнату.

Вдруг она остановилась… Ей показалось странным, что бабушка, всегда имевшая обыкновение уходить в свою комнату на послеобеденный отдых не раньше трех часов, в это время спит. У Сильвии появилось странное предчувствие. Она тихо открыла дверь и вошла в комнату…

Через несколько минут Анзор, только что пришедший с прогулки и сидевший в гостиной, и Белла, готовившая обед, услышали крики и громкие рыдания Сильвии, доносившиеся до них со второго этажа. Анзор и Белла быстро побежали наверх. Войдя в комнату, они увидели Патрисию, сидевшую в кресле перед окном с закрытыми глазами и с опущенной на правое плечо головой, а на полу у ее ног Сильвию, которая громко плакала, всхлипывая и целуя руку бабушки.

– Она не дышит, она мертва! – кричала отчаянным голосом Сильвия, как в мольбе протягивая к ним руки.

Анзор быстро подбежал к телефону вызывать скорую. Белла пощупала пульс и, убедившись, что Патрисия действительно мертва, при помощи Анзора перенесла ее на кровать и накрыла одеялом. Сильвию вывели из комнаты.

Приехавшие врачи констатировали факт смерти из-за внезапной остановки сердца. Земная жизнь Патрисии Бонати завершилась. Это печальное событие произошло семнадцатого апреля 1999 года.

XII

Эпилог

Был теплый июнь 2010 года. На Марсовом поле у знаменитой Эйфелевой башни в Париже только что закончился гала-концерт «Созвездие России».

Анзор и Сильвия специально приехали сюда из Милана посмотреть выступление Чеченского государственного ансамбля песни и танца «Вайнах».

Прошло одиннадцать лет с тех пор, как они вместе. За это время они во многом преуспели в жизни. Скоро после женитьбы летом 1999 года они переехали жить в Милан. Здесь, в уютной и просторной четырехкомнатной квартире, у них началась полная семейной гармонии счастливая жизнь. Сильвия не стала адвокатом, как того хотела. Любовь к музыке оказалась сильнее. Она успешно окончила консерваторию и стала профессиональным музыкантом. Свое первое музыкальное произведение «Жемчужина Ломбардии» она посвятила памяти своей любимой бабушки. Анзор стал архитектором. Он работал в одной известной миланской строительной фирме и уже был автором проектов нескольких архитектурных сооружений.

У них было двое детей: сыну было десять лет, его звали Луиджи, а девочку – Патрисия.

Уже начало смеркаться, когда Анзор и Сильвия вышли из концертного зала. На площади было многолюдно. Здесь стояли люди разных национальностей. Среди них встречались и чеченцы. Анзор узнавал их не только по речи. Ему было очень приятно видеть их и говорить с ними. Несмотря на то, что он четырнадцать лет жил далеко от своей малой родины и говорил на родном языке в основном с родителями, он горячо любил и уважал свой народ и его культуру. Чувство радости и гордости переполняло его душу, когда он смотрел на блестящее выступление ансамбля «Вайнах».

«Раз жива культура, – думал он, – значит, у моего народа есть будущее».

Все на площади перед концертным залом начали расходиться. Но Анзор и Сильвия не торопились уходить. Они подошли и присели на первой свободной скамейке. Была уже ночь. На небе ярко светили звезды. Перед ними открывалась прекрасная панорама ночного Парижа. Сколько ярких и разноцветных огней! А Эйфелева башня? Какой изящный и величественный вид! Ради нее одной стоит побывать в Париже.

– Тебе не холодно? – спросил Анзор и, сняв свой пиджак, накинул его на плечи Сильвии.

– Одиннадцать лет назад, когда была жива бабушка и я любила Себастьяна, – словно про себя произнесла Сильвия, – я боялась своего счастья. А теперь, – Сильвия склонила голову на плечо Анзора и мило улыбнулась, – я настолько привыкла к нему за эти одиннадцать лет, что без него и не мыслю свою жизнь.

Где-то далеко стартовал салют…

– Я так благодарен судьбе за то, что встретил тебя, Сильвия, – сказал Анзор. – Я даже и не предполагал, собираясь с родителями сюда, какое огромное счастье меня здесь ожидает. Одиннадцать лет вместе с тобой я живу в мире счастья и любви. Ты – праздник моей жизни, ты – моя судьба.

Обхватив обеими руками за талию, Анзор нежно прижал ее к себе.

– Тебя послал мне Бог, мой милый Анзор. Своей любовью и музыкой, на которую меня вдохновил, ты навеки согрел мою жизнь. С тобой я не знала ни грусти, ни тоски, ни печали. Ты открыл передо мной то прекрасное, чем должен жить человек.

– Бедная моя бабушка, – сквозь слезы проговорила она после минутного молчания, – как трудно ей, наверное, было жить, еще в молодости потеряв свою единственную любовь.

– То же самое можно сказать и про моего дедушку.

– Я часто думаю, Анзор, что если бы Луиджи вернулся тогда с фронта и они с бабушкой поженились, ни нас с тобой, ни нашей любви не было бы.

– Видно, тогда сам Бог позавидовал их любви и намеренно дал ей погаснуть, а потом, чтобы исправить свою ошибку, свел нас вместе.

– Посмотри, Анзор, как ярко светит Венера! – сказала Сильвия, когда они подходили к отелю.

– Но не ярче нашей любви! – ответил Анзор и нежно поцеловал ее.

На следующий день Анзор и Сильвия покинули город влюбленных и вернулись в Милан. А в начале августа, взяв с работы отпуск, вместе с детьми и родителями Анзора они вылетели из Ниццы в Москву. После пересадки в Москве их самолет поднялся в воздух и взял курс на Грозный.

Через месяц они вернутся, и их мирная, счастливая европейская жизнь продолжится.

11.01.2011г.–10.03.2011г.
г. Грозный – с. Серноводск

Старинное оружие – в дар музею

Д.А. Музакаев, В.А. Асталов, И.А.-Р. Асхабов. Церемония передачи И. Асхабовым редкого комплекта старинного оружия (шашки и кинжала) – дар Алихана Харсиева Национальному музею ЧР.

15 июня в Национальном музее ЧР состоялась церемония передачи в дар Национальному музею ЧР шашки и кинжала работы известного чеченского мастера XIX – начала XX веков Чиллы Муртазалиева. Оружие находилось в частной коллекции в Париже и было приобретено ингушским бизнесменом Алиханом Харсиевым.

По просьбе А.А. Харсиева, не имевшего возможности приехать в г.Грозный, указанные реликвии передал Национальному музею ЧР Иса Асхабов, известный исследователь холодного оружия, автор книги «Чеченское оружие».

На торжественном мероприятии присутствовали: министр культуры ЧР Д.А. Музакаев, генеральный директор НМ ЧР В.А. Асталов, доктора исторических наук Ш.Б. Ахмадов, М.Х. Багаев, доктор филологических наук Х. Туркаев, известный этнограф, к.и.н. С.-М. Хасиев, другие представители научной и творческой интеллигенции, сотрудники музея.

Комментирует событие генеральный директор Национального музея ЧР Ваха Адизович Асталов:

– Приоритетным направлением деятельности Национального музея Чеченской Республики является тематическое комплектование фонда предметами исторической, культурологической значимости. В поствоенный период в музейный фонд приобретено более четырех тысяч единиц хранения. Знаменательно, что благотворительная деятельность по комплектованию музейного фонда становится традицией. Так, буквально недавно, в июне 2012 г., руководство ООО «Электропульт-Грозный» (генеральный директор Магомед Ахмедович Батажев) профинансировал реставрационные работы одной из картин из фонда Национального музея ЧР, которые в данное время находятся в Государственном музейно-выставочном центре «РОСИЗО» в Москве.

К значительным приобретениям следует отнести и ряд образцов старинного оружия. Так, в 2002 году Национальному музею республики была передана в дар известным осетинским бизнесменом Асланом Гуриевым шашка, принадлежавшая известному политическому, государственному и общественному деятелю Чечни, сотнику императорского конвоя Николая Второго, активному участнику боев на фронтах Первой мировой войны в составе прославленной «Дикой дивизии» Абдул-Меджиду (Тапе) Чермоеву. Шашка была изготовлена и подарена Чермоеву известным чеченским мастером-клиночником Башировым из села Старые Атаги в 1917 году, о чем свидетельствует гравированная надпись на клинке.

В 2003 году наш земляк Адам Витаригов (строитель по профессии, племянник В.А. Асталова. – М.Г.) выкупил и передал в дар Национальному музею Чеченской Республики редкий кинжал работы чеберлоевского клиночника Сайдал-Али (клинок в полной серебряной оправе, изготовленной чеченским мастером-серебряником Идарзом). В 2010 году наш земляк, исследователь-этнограф Иса Асхабов подарил Национальному музею кинжал, изготовленный в 1901 году известным чеченским мастером-клиночником из села Дойкур-Аул Чиллой Муртазалиевым, и саблю иранского типа конца XVII – начала XVIII веков, на которой арабской вязью высечено: «Нет такого героя, как Али, и нет такой сабли, как Зульфакар». По легенде сабля принадлежала известной исторической личности – народному чеченскому герою Бейбулату Таймиеву. И вот недавно Иса Асхабов выполнил еще одну миссию благотворительности: передал в дар нашему музею новые клинки работы замечательного чеченского мастера Чиллы Муртазалиева от ингушского бизнесмена Алихана Харсиева.

Алихан Харсиев.

Комментирует событие автор книги «Чеченское оружие» Иса Асхабов:

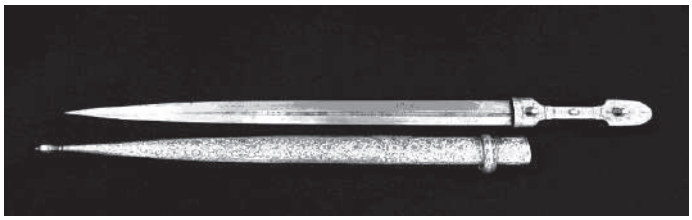
– Ингушский бизнесмен Алихан Харсиев – наш земляк, уроженец города Грозного. Тем более понятно его внутреннее побуждение содействовать развитию сферы культуры послевоенной Чеченской Республики, пополнив фонд Национального музея Чеченской Республики. В 2011 году Алихан Харсиев подарил два замечательных кинжала Ингушскому краеведческому музею. Эти кинжалы были обнаружены в одном из домов разрушенного в ходе осетино-ингушского конфликта ингушского села и сохранены военным врачом, посетившим это село. Об этом стало известно Алихану Харсиеву. Он выкупил кинжалы и передал Ингушскому краеведческому музею.

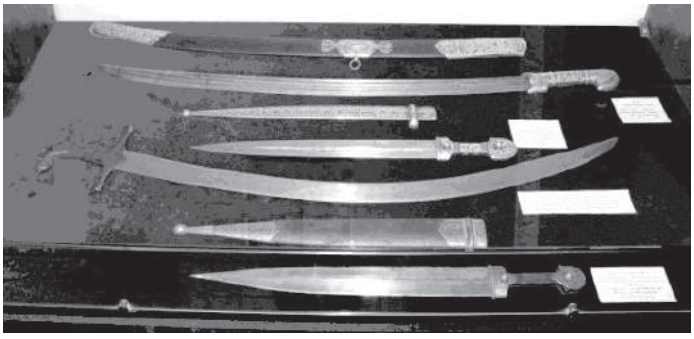
И вот новый факт благотворительности Алихана Харсиева: передача им в дар Национальному музею Чеченской Республики кинжала и шашки работы Чиллы Муртазалиева. По сути, еще одно свидетельство того, что этот щедрый человек традиционно занимается благотворительностью и вносит свою лепту в восстановление и сохранение сокровищницы культуры чеченского, ингушского и других народов Северного Кавказа.

Итак, фонд Национального музея пополнился новыми экспонатами. Дар Алихана Харсиева ценен еще и тем, что мастером-изготовителем клинков является наш знаменитый оружейник, уроженец чеченского селения Дойкур-Аул (ныне село Толстой-Юрт) Чилла Муртазалиев.

Как известно, оружие народов Кавказа получило признание на мировом уровне. К примеру, оружие работы Абиты Амирханова (село Андреевское) экспонировалось в русском отделе Парижской выставки. Отметим также, что традиционные вайнахские кинжалы отличны от широко известных среди чеченцев клинков дагестанского типа: в сечении они имеют более сложный рисунок и несколько желобков на плоскости.

Имя Чиллы (в переводе с чеченского «чилла» – самая холодная зимняя пора) Муртазалиева в дореволюционный период было известно не только на Кавказе, но и за его пределами. Клинки этого мастера из селения Дойкур-Аул имеются в собраниях разных музеев. В народе его клинки назывались «Чилли буолат»





Шашка (КП-5249, Э- 497) и кинжал (КП – 5248, Э– 496) работы Чиллы Муртазалиева в экспозиции Национального музея ЧР.

(лучшая сталь Чиллы). Он получал сталь от русских и чеченцев, которые привозили ее из Дамаска. Из нее выковывал свои изделия, закаливая особым образом. Именно этот своеобразный метод закалки придавал стали редкостные качества.

Согласно источникам, именно у Чиллы Муртазалиева, единственного из владикавказских мастеров, закупала клинки ювелирная фирма Зинаиды Коджоянц, в основном получавшая клинки из-за границы. Исследователь Зарема Ибрагимова в монографии «Царское прошлое чеченцев: политика и экономика» пишет: «Известно, что Чилла подарил шашку и кинжал начальнику Терской области. Затем такой же комплект он изготовил для наместника Кавказа князя Воронцова-Дашкова, а потом и для Николая Второго. За высокое качество работы он получил награду от начальника Терской области – позолоченный чайный сервиз и право ношения огнестрельного оружия; от Воронцова-Дашкова – золотой медальон с цепью, а от императора – золотые швейцарские часы с надписью «Известному кавказскому мастеру по изготовлению холодного оружия Чилле Муртазалиеву».

Национальный музей Чеченской Республики – государственное хранилище памятников истории и культуры, научно-исследовательское, научно-просветительное учреждение по исследованию, пропаганде историко-культурного наследия народа Чеченской Республики, по воспитанию гражданственности, художественных, эстетических вкусов, общечеловеческих ценностей на основе историко-культурного наследия народа и задача его восстановления – одна из приоритетных в программе развития социально-экономической сферы республики. Поэтому вклад таких людей, как предприниматель Алихан Харсиев, исследователь Иса Асхабов и других, вносящих реальный вклад в развитие музейного дела, неоценим. Их щедрый дар будет служить как нынешнему, так и будущим поколениям чеченского народа.

Малика ГОРТИКОВА

Критика и литературоведение

Лидия Довлеткиреева

Плохо умирать наощупь[1]

Непритязательный опыт ментально-публицистического прочтения

Специальный корреспондент российского еженедельника «Русский репортер», филолог по образованию, Марина Ахмедова написала «Женский чеченский дневник» по воспоминаниям коллеги, фоторепортера Натальи Медведевой. В 2010 году книга вышла в издательстве АСТ, с тех пор Ахмедова выпустила еще две книги, теперь уже написанные на основании только собственных впечатлений от Кавказа и художественного воображения: «Дом слепых» и «Хадижа. Дневник смертницы» (2011).

Что нового мы узнаем о войне в Чечне и вообще о войне, прочитав дебютную книгу Марины Ахмедовой? Что это страшно? Страх выписан очень подробно, он даже визуален, имеет свои оттенки, он осязаем, у него свой запах, он концентрируется физиологически в определенном месте – то внизу живота, то выдыхается со дна легких.

«По мотивам дневника фоторепортера Натальи Медведевой» – ссылка на первоисточник в подзаголовке должна настроить читателя на достоверность. В предисловии кажется, что Марина оправдывается: не хотела я писать – не я очевидец, не я участница. Боится, что не поверят? Бабченко, Прилепину, Карасеву поверили? Может быть… Но они же там были. Потому-то и пытается Ахмедова объяснить читателю, что она бы и не взялась, но само Провидение вело ее рукой: и дружба с Медведевой, и ее настойчивые просьбы, и переданный фотоархив, и записи Натальи, и потом – всевозможные знаки: встреча с шаманкой в Якутии, которая приезжала во время войны в Моздок и «сдерживала» бомбы своими обрядами, и ее пророчество как благословение на этот труд, и то «особое состояние», в которое наконец впала Ахмедова, чтобы приняться за эту тему… Очень рекламно – витало, дескать, в воздухе, – мелодраматично – мол, предопределено судьбой – вводит Ахмедова читателя в тему.

Марина Ахмедова решила объясниться – и сразу же сыграла против своего текста, теперь он стал опосредованным, вторичным восприятием войны, она снизила накал достоверности – обратный эффект.

Если бы не воспоминания Медведевой и не ее снимки – фактическое свидетельство войны. Медведева вспоминала, чтобы освободить душу хотя бы от части травмирующего груза, ей это было нужно, чтобы не сойти с ума.

Дебютная книга Ахмедовой нашпигована правдивыми деталями, как минное поле. Тут тебе и грозненские дворняги, нажравшиеся трупов и превратившиеся в людоедов, и урбанистические военные пейзажи, и мучимые военнопленные, и захваченный чеченец с отбитыми почками, умерший после освобождения, и типичная, но символичная для оккупированного Грозного, без воды и электричества, контрастная картина: женщина с искусно нанесенным макияжем, в солнцезащитных очках и модной юбке катит перед собой коляску с годовалым ребенком через коричневую пыль, поднятую «УАЗиками» и «Нивами» – так жизнь в образе женщины-матери и ребенка побеждает смерть.

Здесь реальные персонажи войны в Чечне рубежа XX–XXI столетий – Дудаев, Масхадов, Басаев и иже с ними, реальный теракт – захват заложников в Буденновске, другие известные факты – бомбардировка шалинского рынка, арт- и авиаобстрелы чеченских городов и сел, изувеченные чеченские дети, русские матери, разыскивающие своих сыновей-солдат…

Документ эпохи? Но кадрам военной кинохроники – скажем, этому: пожилая

чеченка долго-долго бежит за БМП, растрепаны волосы, в глазах – отчаяние, наконец она падает без сил в грязь, и ты понимаешь, что в машине – ее сын, которого забрали во время зачистки, – или снимкам самой Медведевой, например, такому: молодая мать (чеченская Мадонна) в оборванном платье у постели обгорелого обрубка-младенца, грудной малышки без ножек, под чьей обугленной кожей, несмотря ни на что, продолжает тлеть жизнь, – опосредованный, художественно обработанный текст Ахмедовой несколько проигрывает.

Свист бомбардировщиков давит на барабанную перепонку, «инфразвук расширяет сердце двумя килограммами страха». Красиво, конечно, звучит, художественно, но кто не знает, что чувство страха на войне преобладает? Что несправедливо и недопустимо, чтобы гибли граждане вот так, по вине государства, на бессмысленной, странной войне?

Натурализм войны, типа шмотков человеческого мяса на стенах, должен ужаснуть, отвратить. Но люди быстро привыкают даже к таким картинам, и неестественное очень скоро становится обыденным. Это же война, чего вы хотите? – резонный вопрос обывателя. А за что такая цена? – никто не ответит или ответит по инерции, шаблонными формулами: отстаиваем целостность страны, боремся с терроризмом, наводим конституционный порядок.

У чеченцев – свои вопросы и ответы: зачем из республики вывели военных, которых никто не преследовал, зачем оставляли склады с оружием, как будто на разграбление сторонникам нового мессии: мы же волки, а для волков нет преград (со слов очевидцев цитирую мятежного генерала Дудаева, перелезающего через забор ракетной части в Алхан-Кале)? Те, кто пережил лихие 90-е, убеждены: беспорядки в Чечне были удобным поводом откладывать решение социальных, политических и экономических проблем в России. Страна была на грани фола, бандитские разборки, глобальный криминальный передел собственности, обнищание большей части населения – но: потерпите, все деньги идут на войну, вот с международным терроризмом разберемся, тогда…

А кто этот «террорист»? Помнится, в первую кампанию какой-то тележурналист наивно задал вопрос Ельцину: «Там же мирные граждане гибнут? И русские среди них тоже есть». Ответ был таков: «Негожие они, те, кто там остался, негожие». Аналогичный ответ прозвучал, когда в ноябре 99-го наша семья пыталась вывезти из Чечни больную мать. На поле перед въездом в Осетию со стороны Моздока – многотысячная колонна мирных граждан Чечни, которых «мочат» уже везде, в том числе «в сортире». Плач детей, усталые лица стариков… Капитан на БТРе, почти как Ленин на броневике: «Никого не пропустим! Все, кто хотели уехать, давно уехали, а вы – бандиты!»

А еще эта книга – пособие для военкора. После Второй мировой человечество ведь и не думает остановиться. Вьетнам, Афганистан, Чечня, Карабах, Косово, Цхинвал, Ирак, Ливия… Нам все мало, все мало… Да, пожалуй, в аннотации стоило бы указать: «Пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности “журналистика”, раздел – военная журналистика и фотодело». Повесть о фотокорреспонденте Наталье Медведевой, ее опыте фиксации современной войны – почти заочный мастер-класс. И привлекательный образ мастера – простого, ироничного, сдабривающего урок матерными словцами, а где-то – метафорами, чтобы воображение студента сработало без напряжения. Ну кто, как не женщина, сравнит бомбардировку со схватками земли, которая должна скоро родить? – сравнение, вроде, и яркое, но неудачное: бомбы все-таки несут не жизнь, а смерть.

Резюмируя изложенный в повести опыт, можно вслед за героиней Натальей записать такие правила-заповеди для фотокора на войне:

1) Объективная информация должна быть подана с двух сторон, поэтому журналист на локальной войне обязан освещать события и глазами тех, кто представляет официальную военную структуру, и из лагеря тех, кого принято называть «боевиками», «повстанцами», «бандформированиями».

2) Настоящий журналист не играет в политику, его интересуют только люди – с той и с этой стороны.

3) Одержимость – тоже необходимое качество военкора. А это означает готовность «свою собственную жизнь разменять на хорошие кадры».

4) Фотокор – третья сторона – документирует войну, останавливает время, снимая его «отпечатки, а чаще – посмертные слепки». Зачем? Ради правды. Ради истории. Ради того, чтобы чужие эмоции задели кого-то за живое, чтобы потревожить чью-то спящую совесть.

5) В толпе с другими фотографу делать нечего. Мгновение не обернется хорошим кадром, когда на него направлено множество объективов.

6) Если тебе нужна только сенсация, только событие, война сыграет с тобой, журналист-стервятник, злую шутку: сама она останется за кадром. На войне нельзя быть папарацци.

7) Как спасти свою психику: смотреть на происходящее через объектив фотоаппарата. Толстое стекло – барьер между журналистом и происходящим, создает иллюзию отдаленности и не позволяет сойти с ума.

8) Не фамильярничать со смертью, снимая, к примеру, гниющие лица трупов.

9) Помнить, что главные качества репортера на войне – одиночество, страдание и сострадание.

10) На основе собственных наблюдений и примет заключить «договор» с войной, например, не мыться, чтобы война не бросала тебя в грязь.

11) В горячих командировках журналистам нужно друг с другом общаться, забыв о соперничестве, потому что опасность – страшнее.

12) Снимать так, чтобы не требовались никакие объяснения – что, где да почему.

13) Ожидание – основное занятие репортера на войне. Порой терпеливость оказывается более важным качеством, чем мастерство.

Что же держит героиню на этой войне? Почему она все время на нее возвращается? Ищет смысл своей жизни там, где смысла нет априори, вступая в сделку с Богом: «Вот тебе свечка, и пусть я найду смысл». А может, слава? «Огонек» или «Независимая» – кто первый? Но героев быстро забывают, приходят другие смельчаки. Да и вообще, профессия сама по себе требует этого элемента авантюризма, без него ты не профи, будешь довольствоваться сводками из штаба оперативной группировки, не покидая пределов базы. Таких корреспондентов было довольно на русско-чеченской, потому и информация звучала однобокая, тенденциозная. Деньги? Но за снимок, который чаще всего может стоить жизни, в редакциях платят доллар. На рынке в «Лужниках» больше бы заработала. Тогда что на этой «негигиеничной» войне делает она, женщина? На этой войне, где ее ранит солдат-срочник, нечаянно нажав на спуск пушки в БМП? И вот «один убит, трое раненых», а в новостях передадут, наверняка, «в результате завязавшегося столкновения с боевиками»… И сколько таких нелепостей, и сколько официальной лжи…

Характер самой Натальи выписан весьма подробно: безбашенность, известная доля цинизма («Хорошие кадры – хорошие деньги», надоело жить в общаге, мечты о Мальдивах); умение «включать дурочку», смеяться и шутить, когда хочется плакать навзрыд – так легче выжить на войне; профессиональная необходимость абстрагироваться от трагедии, что позволяет, чавкая кроссовками по липкой крови в захваченной террористами больнице, прицелиться взглядом и увидеть композицию – «мозги, а рядом ботинок» в то время, когда только тошнота была бы нормальной реакцией; упрямство (неделю сторожит подоконник, ожидая интервью с Дудаевым); и все-таки небезучастие и человечность под защитной скорлупой бесстрастия (не может остаться равнодушной к судьбе чеченских детей в Ведено, рискуя, вывозит их в Назрань; помогает спасти пленных солдат, хотя всегда твердит себе, как мантру, что является «третьей стороной»). И это, пожалуй, главное качество, которое

держит ее здесь – она не из равнодушных, не из тех пассажиров, «несущихся по жизни, закрыв глаза». Когда равнодушие становится основной чертой, характеризующей общество, зла не остановить, оно лишь приумножается каждым молчальником многократно и катится, катится по планете, как снежный ком.

Образы, которыми пестрит повесть, не всегда уместны. Как вам, скажем, такое «элегантное» сравнение: «События на войне – это как чашка капучино с пенкой эмоций»? В то же время есть наполненные смыслами символы. Почти в финале – застывший в молитве в заснеженном поле на въезде в Грозный мужчина. Молитву пока Бог, вроде бы, и не слышит, мужчина мертв, но весной снег растает, он упадет на землю, которая «примет его новорожденными цветочками». Надежда, надежда и вера…

Техника фотокадра, используемая Ахмедовой, удачно вмонтирована в текст. Застывшие на фотографиях Медведевой картины войны придают повествованию документальную объективность. И приближают к главной, недостижимой, казалось бы, цели – все остановить. А юмор снимает агрессию, ожесточенность и в то же время диссонирует с «правдой войны», усиливает чувство абсурда: например, портрет Дудаева с надписью «Разыскивается» в кабинете какого-то военного чина в Моздоке, в то время как он преспокойно перемещается под боком, дает интервью журналистам; изображение Иисуса Христа в грозненской церкви почему-то с чеченскими чертами лица – печатали в местной типографии.

Книга Ахмедовой – пожалуй, первая в художественной документалистике попытка создания психологических портретов главных чеченских боевиков: Дудаева, Масхадова и Басаева. В изображении автора это не трафаретные бородачи и злодеи. Отвечая на вопросы журналистки, Джохар Дудаев реагирует быстро – между вопросами и ответами нет пауз. Этот, казалось бы, легкий штрих очень точно характеризует ичкерийского президента как человека с мгновенной реакций (профессиональный военный летчик) и в то же время – уверенного в себе, но не особенно задумывающегося о последствиях своих слов и поступков, без «тормозов».

Аслан Масхадов, подмечает Наталья, неулыбчив, из чеченцев сурового типа.

Но наиболее полно предстает перед читателем Шамиль Басаев, так как теракт в Буденновске и выход из города колонны боевиков с живым щитом заложников – сквозной сюжет повести. «Его взгляд не бегал, но контролировал все вокруг», «Басаев хотел славы больше других», любил позировать журналистам, его «взгляд заставляет вздрогнуть», «он сплел паутину из своих нервов и натянул ее над больницей», «для нас нет разницы, когда умереть, главное – умереть с честью», «у него была эйфория, он совершенствовал свой почерк на глазах у всей страны», «он был шутником», «от его улыбки у нее на спине заболели мышцы», «после Буденновска он заболел звездной болезнью… и не мог уже жить без журналистов и пресс-конференций», соперничает с Масхадовым во всем, амбиции зашкаливают: проиграв на президентских выборах, ради жажды власти, идет на Дагестан. Так, постепенно Шамиль Басаев теряет романтический ореол «борца за независимость» и трансформируется в террориста №1. Наташа обращается к нему на «Вы» не из уважения, а стремясь установить дистанцию с человеком, имеющим запах палой листвы – запах разложения.

Наталья Медведева чутка к ментальным особенностям чеченцев, тому, что она называет «консервантом». Традиция кавказского гостеприимства не кажется Наташе архаичной. Ведь именно она позволила ей «сэкономить на транспорте и на еде – кормили во всех домах, куда они заходили». Ее поражают отутюженные стрелки на брюках местных жителей и туфли, начищенные до блеска, несмотря на раскисшую от грязи землю и отсутствие электричества. В гостях у чеченцев и ее кроссовки отмыли от нескольких слоев грязи, а одежду выстирали и высушили. Она говорит хозяйке спасибо, а та отвечает кивком

головы – предельная сдержанность, такое отношение к чистоте естественно и не требует благодарности со стороны гостя. Этот «консервант» в чеченской этике называется «яхь» – соревновательность в добрых, благих делах.

Иногда все же размышления Медведевой (или автора? дневниковая форма не соблюдена) о менталитете чеченцев не выходят за рамки стереотипов: «Чеченские матери не тратили слов – родившись, их дети уже знали, для чего были произведены на свет – для независимости и для противостояния»; «Им бог – свобода, их закон – война… Там в колыбели песни матерей пугают русским именем детей». Никто не рождается ни для борьбы, ни для ненависти. Но если обстоятельства складываются так, как они складывались в чеченской истории (вспомним Кавказскую войну XIX столетия), народ вынужден браться за оружие, чеченцы никогда не вели захватнических войн.

Медведева считает парадоксом тот факт, что «хозяин дома в любой момент мог спуститься в подвал, чтобы отнять жизнь у русского Алеши, и при этом без колебаний отдать свою жизнь за русскую Наташу только потому, что волею случая она в его доме была гостем». На самом деле, никакого противоречия в этом нет: Алеша пришел на его землю с автоматом, он враг, а Наташа зашла в его дом, попросив кров, она гость – за гостя же горец стоит насмерть. Известны случаи, когда целые села шли на полное физическое уничтожение в Гражданскую войну 1918–1920 гг., не выдав своих гостей противоборствующей стороне, причем политический цвет попросивших защиты не имел никакого значения (знаменитое Гойтинское сражение, например). И хозяин, в чьем доме остановилась Наташа, погибнет по той же причине, сопровождая свою гостью в артобстрел, «придавленный грузом старых традиций». Кому-то это покажется странным: на войне у человека одна первобытная цель, один животный инстинкт – выжить.

Но именно подобные «консерванты», именно эти нерастворимые ментальные гранулы позволят чеченцам вынести ад несправедливой войны, не просто физически выжить, но духовно выстоять. Наталья очень наблюдательна. Она отмечает характерные черты местного населения: «Эти люди уважали смерть, могли отдать жизнь за тела своих мертвецов». Отношение к смерти, действительно, особенное – «вертикальное»[2] сознание чеченцев, выраженное в одновременном презрении к смерти и уважении к ней, передано в следующих словах илли[3]:

Холодна ты, о смерть, даже смерть храбреца,
Но я был властелином твоим до конца,
Свое тело в добычу *земле* отдаю,
Но зато *небеса* примут душу мою.

Чеченцы по-прежнему везут хоронить своих умерших на Даймохк[4] даже из далекой заграницы – и это тоже отмечает Наталья: «В любой точке мира они всегда оставались сыновьями своей маленькой твердой родины».

В то же время чрезвычайно высоко у чеченцев ценится жизнь. И это полностью согласуется с мусульманской религией. В Коране сказано, что убийство одного человека есть грех не меньший, чем убийство всех людей, живущих на земле. Но об этом в СМИ предпочитают молчать, тиражируя идею джихада, а следовательно, воинственности всех мусульман. Эта же идея становится разменной монетой террористов всех мастей, оправдывающих свои кровавые действия борьбой с неверными.

И в чеченской народной песне смерть человека сравнивается с гибелью целого мира[5].

Многие ментальные особенности замечает военкор Медведева. Вот пример невербальной коммуникации: мать, прежде чем отпустить детей с Наташей по тропам войны из подвергнутого бомбардировкам Ведено в мирную Назрань, строго смотрит на сына, тот кивает в ответ. Теперь он старший в их «группе»,

на него, подростка 12-ти лет, возлагает мать ответственность, а не на взрослую Наташу, ведь он мужчина, и мальчик все понимает без слов. «Старший» идет на шаг впереди странной компании – светловолосой женщины с двумя девочками и 9-летним мальчиком – как и положено чеченскому мужчине. Кстати, об этом «консерванте». Почему мужчина обычно идет впереди женщины, по горскому этикету? Обычай этот идет из глубины веков. На узкой горной тропе путников могли подстерегать многочисленные опасности: засада, хищный зверь… Мужчина должен первым встретить зло, защитить свою спутницу. Актуален ли этот обычай сейчас? Пожалуй, нет. Но все же многие чеченки по старинке предпочитают пропускать мужчин вперед. Культ мужчины-защитника все еще доминирует в их сознании. Мужчины же средних лет и моложе ориентируются на европейский этикет, стремясь уступить женщине. Вот так забавно сочетается национальный субстрат с ассимиляционными процессами.

Иногда Наталья не совсем верно истолковывает свои наблюдения: например, обратив внимание на то, что старуха молча снимает ковер со стены, чтобы мужчины завернули в него тело ее погибшего сына, она отмечает: «…это женское молчание передавалось из поколения в поколение… они научились молчать». Чеченские женщины якобы не убиваются по своим умершим, не причитают. Это не так. Они так же плачут, как и русские матери, сестры и жены. Просто есть одна особенность: некоторые, повторю, некоторые не демонстрируют этого прилюдно (особенно матери и жены), сдерживаются, чтобы сохранить «доьналла» – этическая категория, высоко ценимая в народе, – стойкость к жизненным бурям. И о таких женщинах с гордостью говорят: «Доьналла долуш зуда ю» (женщина, обладающая стойкостью).

Отмечая, что при появлении старших в Чечне вставали, автор роняет такую реплику: «При появлении женщин не вставали никогда». И это неверно. Уважение к возрасту у чеченцев не связано с половой принадлежностью. Встают навстречу и старцу, и пожилой женщине. И вообще, всем, к кому относятся с почтением, вне зависимости от прожитых лет.

Однако категоричного непонимания, неприятия в книге нет. А ведь многие проблемы на национальной почве возникают из-за того, что люди не пытаются понять друг друга, враждебно принимают отличное от своего. Лев Гумилев задолго до нынешних потрясений определил цивилизационную суть страны как «самобытную национальную целостность, в которую наряду с русскими, принявшими восточное византийское христианство, влились многие народы с различными верованиями». И умение людей «понять, полюбить и принять» чужое этническое своеобразие назвал «комплиментарностью». Это качество «комплиментарности», а в современном политлексиконе «толерантности», практически утрачено в нынешнем обществе. Мы не стремимся понять друг друга, воспринимаем в штыки все, что не соответствует нашим взглядам.

Мне приходилось наблюдать это даже на форуме молодых писателей России: в ходе дискуссии критик Сергей Беляков выразил свое возмущение по поводу одной фразы из книги Германа Садулаева «Я – чеченец!». Русская женщина, долгое время жившая среди чеченцев, распознает в толпе питерцев нохчи[6] славянской внешности – блондина с голубыми глазами (кстати, распространенный генотип в горной Чечне, см. у Л. Толстого – рыжий, голубоглазый) – по его самоощущению: «Чеченец всегда держит себя так, как будто сегодня ему принадлежит весь мир, а завтра его все равно убьют». Свердловчанин Беляков заметил, что с точки зрения русского человека «так может вести себя только отморозок», – а читатель-чеченец, скорее, испытал бы чувство гордости. Как видим, происходит ментальная нестыковка.

Чеченец исходит из мусульманских представлений, заложенных в хадисах[7] пророка (мир и благословение Аллаха ему). «Живи в этом мире как чужестранец или случайно забредший путник. Если вы доживете до вечера, не тешьте себя иллюзиями, что будете живы утром, а доживете до утра, не будьте уверены, что останетесь живы до вечера, и берите из вашего здравия – в счет

болезни, а из вашей жизни – в счет смерти» (хадис от Ибн Умара, «Сахих аль-Бухари») или: «Умный из вас тот, кто является хозяином собственной души и действует ради того, что будет после смерти. Беспомощным из вас является тот, кто следует желаниям своей души и тешит себя надеждами, считая, что Аллах смилостивится над ним» (Ат-Тирмизи). В соответствии с чеченской национальной психологией, мужчина должен быть готов к смерти каждое мгновение, ибо нет ничего вечного в этом мире. Он должен помнить о том, что есть для него понятия дороже жизни: Отечество, честь, личное достоинство. Но мужчина не должен стремиться к смерти и без необходимости испытывать судьбу, так как жизнь есть высший дар человеку. Все очень понятно, если, конечно, попробовать понять, – ведь и в христианской традиции существенно памятование о смерти.

Нам всем, и русским, и кавказцам, действительно, необходимо научиться понимать и принимать друг друга, чтобы ментальные несоответствия не приводили к раздорам. Одним из объединяющих факторов является искусство, в частности литература. Книга Ахмедовой «Женский чеченский дневник» – из таких, объединяющих. Она доходчиво показывает, что война в Чечне – это не отдельно чеченская или русская беда, а общая большая трагедия, которая еще не осмыслена ни властью, ни обществом. Что в этой бойне виноваты не чеченцы или русские, а все, кто оставался безразличным к чужой боли. И пока мы не объединимся на основе общих духовных ценностей, будем делить друг друга по форме носа или цвету волос, конфликты будут не только в Чечне.

Во второй книге Ахмедовой «Дом слепых» уже нет документализма, это художественное осмысление одной из моральных граней войны – «праве сильного» и «твари дрожащей». Хотя автор и подчеркивает, что положенный в основу романа факт – брошенный и забытый в военной неразберихе грозненский дом, в котором живут незрячие, – невымышленный. Похожая ситуация в фильме «Дом дураков» Кончаловского (2002): среди множества репортажей о войне по телевидению прошел сюжет о том, как оставленный медперсоналом интернат для душевнобольных зажил самостоятельно.

«Дом слепых» не о конкретной войне, хотя место и время действия четко зафиксированы, а о войне как безусловном зле, абсурде, возведенном в абсолют. Страшные реалии – страдает прежде всего самый беспомощный: больной ли, слепой ли, ребенок ли, старик, мать, просто человек без ружья, человек мирный, тот, кто вовсе ни при чем, кто становится заложником войны с обеих сторон. Оправдывает ли какая-либо идея – независимости, защиты целостности или другая – страдания тех, кто ни в чем не повинен?

Подвал, где пытаются выжить трое зрячих и семеро слепых, подвергается не только атакам с воздуха. Свою охоту за загнанным зверьком, имя которому Человек, ведет тот, кто возомнил себя Богом, – снайпер. Метафора «Бог-снайпер», на первый взгляд, кажется кощунственной. Но только на первый. Человечишка, взявши в руки ружье, думает, что он уподобился Создателю, ведь теперь в его воле вершить чужие судьбы, играть, как в кости, чужими жизнями. И как же тот, кто должен был зваться защитником, воином, жалок в этой роли – подражателя Бога.

Здесь тоже есть мотив столкновения национальных укладов. Мусульманка Фатима не выносит собаку Чернуху, из-за чего все время ворчит на русскую Люду. Традиционно собака в исламе рассматривается как нечистое животное, которое может осквернить одежду, пищу и самого человека. После осквернения любой правоверный обязан совершить очищение. Собаке запрещено входить в помещение, где читают намаз, это связано с физиологическими особенностями собачьего организма (поедание кала и рвотных масс), нежелательно держать собаку в жилом помещении из гигиенических соображений, но трактовать это в том смысле, что собака – «плохое» животное, – неправильно. Благодеяние по отношению к собаке высоко оценивается в исламском предании: за милосердие к собаке Аллах человеку простил грехи.

Люда, в свою очередь, в душе смеется над молитвами Фатимы: сколько ни бьет она об пол лбом, фантасмагория войны становится все более осязаемой. Однако и молитвы Фатимы, и доброта Люды к животным, и фантастическая история, как сказки Шахерезады, из ночи в ночь рассказываемая Уайзом, и выходы в эфир радиолюбителя Пахрудина, благодаря которым слепые понимают, что где-то есть счастливые люди, где-то живут по-другому, а значит, есть надежда, и игра на аккордеоне Нуника – продлевают героям жизнь, спасают от вируса безысходности.

В книге много правдивых деталей. Помню, как соседские пацаны на самодельном приемнике ловили переговоры пилотов. А их разочарованные «недолет» и «перелет» становились предметом шуток возвращающихся после жестких бомбардировок из подвалов в свои холодные квартиры: «Ну, пока у них опять недолет, поспим дома».

Дом – центральный персонаж романа, он живой и умирает медленно вместе со своими жильцами. И город персонифицирован. Ему тоже больно, «он корчился в безысходности». Именно так воспринимался Грозный тогда, в 95-ом, – как живой организм, который подвергли нечеловеческим истязаниям. Но и истерзанный, он продолжает жить: «Пятиэтажка стояла. Ухмылялась разбитыми окнами».

Чувства слепых людей обострены, до обстрела они знают: «Вот-вот начнется!» или «Сейчас кончится…» – и через несколько минут все, действительно, кончается. Роман полон звуков, и звуки эти создают атмосферу неописуемого ужаса, ведь тонкий слух незрячих их многократно усиливает.

Но все, все мирные граждане Грозного, не покинувшие его по каким-то причинам, были в роли этих слепых котят, и все это чувствовали. Война словно растеклась по жилам, и первобытный страх, смешавшись с кровью, сделал органы чувств особенно восприимчивыми, как у древних следопытов. Поэтому незрячие в романе – это метафора всех, кто оказался в плену тревог и кошмаров, периодически подбрасываемых миром в виде социально-политических и природных катаклизмов.

И сюжет, и сами герои сюрреалистичны. Встретившийся Людмиле во время поисков Чернухи Иса каждое 23 февраля приходит к обелиску, потому что у него дед – ветеран, и не делает исключения даже во время этой военной вакханалии (для чеченского читателя сомнительный сюжетный ход, ведь чеченцы не отмечают День защитника Отечества, так как 23 февраля – черная дата в их истории: в 1944 г. они были депортированы сталинско-бериевским режимом в этот день). И вот бредут они – Людмила и Иса – по городу, по которому, кроме них, перемещается только труповозка. Картина будто из американских триллеров: пустой, безжизненный пейзаж после тотальной разрухи, мора или катастрофы и пара выживших безумцев, за любой подворотней их ожидает смерть в виде людоедов или команд чистильщиков. На каждом шагу трупы. Потом нужен будет памятник до небес всем жертвам этой войны – и мирным, и воинам, чтобы люди каялись, считает Иса. Ведь в страхе, что навсегда овладел душами уцелевших, кто-то виновен. В чем вина? Ответ дает этот уличный философ: «В том, что спокойно жили в своих городах, пока мы умирали, – в равнодушии». Но памятника до сих пор нет... Иса остается человеком в невозможной ситуации, помогая другим: передает хлеб замурованным в подвалах людям-теням. Он – дух города, народа, живущего на этой земле, его хранитель, дервиш, носитель старых адатов. Сказка о человеке гор, рассказанная Исой, – краткая притча, в ней изложена чеченская история выселения и современных войн. Жалость для него – это врожденная биологическая потребность. Он шизофреник, считает Люда. Только душевно больной смог бы остаться в этом аду человеком. Но он-то и есть Человек, чудик, благодаря нравственному стержню которого в условиях ада мы сохраняем веру в добро.

Слова «война», «обстрел», «бомбардировка» становятся в книге табу.

Герои предпочитают заменять их указательными местоимениями «это» или эвфемизмами типа «катастрофа». Как будто слово, обозначающее смерть, даже своим звучанием способно ее накликать.

Языковое чутье Ахмедовой достаточно тонко. К примеру, герои используют просторечное «крант» вместо литературного «кран» (водопроводный), именно в этом варианте слово вошло в чеченскую речь; появляются специфические окказионализмы: глагол, образованный от кавказского междометия «вай» – «завайкала» по модели «заохала», или «старокардия» – это уже не только неологизм, но и семантема, поскольку приобретает два смысла: человек, страдающий от старости, маразма, и человек, имеющий пристрастие к старым вещам. Кроме того, у Ахмедовой особый, спасительный, хоть и черный (что естественно) юмор.

«Дом слепых» можно назвать современной робинзонадой, где островом выступают подвал и расстреливаемый город, а кораблекрушение терпит весь мир, сошедший с ума и упивающийся своей жестокостью.

Фантастический рассказ Уайза, вставленный в текст, – поиск незрячим света, как поиск смысла в беспросветной реальности. «На земле не останется ничего живого…» – мрачное предсказание Уайза. Суждено ли ему сбыться, зависит от всех нас – пока еще безропотных и слепых, спящих и блуждающих во тьме.

Эти люди не были счастливы и в мирной жизни: история Уайза, ослепшего от воздействия прямых солнечных лучей в два года, пока мать собирала пшеницу на поле, вызывает сострадание. Судьба бездетной Люды, от которой сбежал прижимистый муж-негодяй, прожившей с больной склочной бабушкой, типична для многих женщин, так и не нашедших своего «женского счастья», не реализовавших свое природное предназначение.

Но в той, мирной жизни у них были надежды, им было хорошо, не было страха. Сейчас страх стал единственной составляющей их существа. Автор натуралистично описывает, как страх захватывает их, в буквальном смысле нарастая: Люда даже разговаривает с хрипотцой – «страх уже принялся за ее голосовые связки, повис на них». Миазмы страха вызывают галлюцинации. Появляются богоборческие мысли. Но в решающий момент именно Бог, разлитый в природе, настоящий, всемилостивый, спасает утративших веру: дождь не дает им погибнуть от жажды.

Слепые смотрят сердцем, и читатель должен увидеть безумие войн и взаимоуничтожения их глазами – их сердцем. Прочувствовать и… отторгнуть как нечто тошнотворное, противоестественное природе человеческой.

Ахмедова высказывается в жанре романа-притчи, абстрагируясь от понятий «свои» и «чужие». Слепые герои не делят друг друга ни по каким признакам, кроме одного: Люда – зрячая, Валентина – слепая, Фатима – наполовину. Это обо всех нас – всех, живущих в больном обществе, где Богом хочет стать снайпер, и мы сами должны сделать выбор – зрячие мы, слепые либо наполовину. Люда такой выбор сделала, она бросает вызов снайперу, она предпочитает поступок, а не сидение на диване. Она кричит, размахивая белой простыней: «Здесь живут слепые! Мы ни с кем не воюем! Оставь нас в покое!»

В этой книге почти нет крови, живого терзаемого мяса, но есть боль, которая вызывает у читателя, если он не совсем слеп, не совсем глух, ответную боль и неприятие того, что предлагают в качестве нормы, – разрушения якобы во имя…

Эпилог романа, на мой взгляд, выбивается из общей жанровой задачи. Роман, хоть и основан на имевших место событиях, все же воспринимается как развернутая метафора – к чему искусственно возвращать его в рамки реалистического направления?

Бездуховность общества, укоренившееся равнодушие к боли другого как признаки опасной заразы выявляются и в документальной, и в художественной

прозе Ахмедовой о Кавказе. Ее третья книга «Хадижа. Дневник смертницы» исследует самый темный аспект новой войны.

Заглавная героиня романа – сирота, воспитываемая бабушкой в горном, забытом Богом и цивилизацией дагестанском ауле. Центральный символ этого места – грязь. Она повсюду, ноги разъезжаются по грязи, липнут к галошам. Живут здесь крайне бедно и прозябают в невежестве. Маленькая героиня ни в чем не находит нравственной опоры. В доме Хадижи вообще нет книг – только Коран и ее учебники. «Книг читать не надо, – твердит средневековые истины бабушка. – Умная будешь – никто жениться не захочет». Узость жизненных интересов, от века заведенная программа женской судьбы: замужество – хозяйство – дети. Однообразие жизни. Основное занятие сельских женщин после домашней работы – сплетни, основное чувство по отношению друг к другу – зависть. Мудрые с виду старики на годекане (майдане) мало чем отличаются от женщин: их разговоры – такие же пустые слухи. Подспудно в сознании девочки вырабатывается враждебное отношение к «урусам»: прадедушка убит на Кавказской войне, Толстого в школе читала – не понравился, значит, тоже «плохой урус».

Хадижа растет в атмосфере примитивного мистико-религиозного представления о мире, в котором смешались языческие верования, народные предания и поверхностные знания об исламе, ограничивающиеся суевериями, вроде: «Закрывайте рот, когда смеетесь, а то шайтан залетит!» Она верит в святых духов, живущих на священной горе Шалбуздаг, в два камня на вершине гор, через которые нужно пройти, чтобы очиститься от грехов. Верит в то, во что многие поколения до нее верили ее предки.

В детстве, даже в самом сером, мир всегда предстает загадкой. А непознанное в сознании ребенка, подростка обязательно окутывается фантастическим ореолом. Неудивительно, что в «краю легенд» среди густых лесов и высоченных гор душа девочки проникается этой тайной и наделяет ею все окружающее. Болезненный сон на кладбище – мистический центр романа. Ковер, что ткет умершая прабабушка в этом сне, – скрижаль всех человеческих судеб: «Все написано на ковре». И зеленая нитка (цвет ислама), вытягиваемая девочкой, предопределяет ее судьбу. Эта мистическая сцена, конечно, украшает роман. Но символика ее слишком прозрачна и передает существующие клише в восприятии мусульманской религии: на небесах все предрешено, поэтому, если человек и делает какой-то выбор, это лишь иллюзия свободы, выбор этот бессознателен…

В Хадиже всю ее жизнь сражаются два чувства: богоборчество – «Почему Аллах забирает себе все, что я люблю?» (отца, мать, любимого человека) и страх перед Богом. Хадижа чувствует обделенность во всем: в любви, заботе, материальной обеспеченности. Привыкшая воспринимать себя никому не нужной девочкой, практически обузой, она остро переживает любую свою вину: раз Аллах забрал все, значит, я плохая.

Можно было бы определить жанр этого произведения как «гендерный роман» – женский роман о тяжкой судьбе кавказской женщины, которая даже сейчас, в наш эмансипированный век, в горном ауле живет по заведенной в древности схеме: в 14 лет – замужество, физический труд и постоянное деторождение, в 25 – это уже «старая женщина», и если она, не дай бог, осталась вдовой, ее уже никто не возьмет замуж во второй раз, вскоре из-за непосильного труда – она уже старуха, как бабушка Хадижи, которая «от старости потеряла много зубов, ведь ей уже больше сорока лет». Никакого просвета! На самом деле все гораздо сложнее: семья продолжает оставаться главной ценностью на Кавказе. Женщина изначально ориентирована на ее создание, материнство, заботу о домашнем очаге. Ранние браки (правда, не с 14-ти лет) тоже не редкость. Молодые заключают брак, в соответствии с мусульманскими традициями, что сохраняет нравственные устои общества. Современная кавказская

девушка предпочитает получить образование, прежде чем стать женой. Об этом заботятся ее родственники. И это не дань моде (как показано в романе), а жесткие требования нынешней «дорогой» жизни: нужна твердая почва под ногами, которую создают оба супруга, более того, только имеющая профессию женщина сможет обеспечить себя и своих детей в случае развода или смерти мужа.

Создается впечатление, что Ахмедова описывает уклад, как минимум, начала XX века.

«Дневник смертницы» – уже не документальное повествование с чужих слов и не роман-притча, это добросовестный, бытописательный реализм. Мы узнаем, как чистится и обрабатывается шерсть, чтобы ткать ковер, как монотонно в течение трех часов взбивается масло...

Использует Ахмедова и традиционную кавказскую символику. Кувшин символизирует взросление девочки, ее переход в разряд невест: «Когда-нибудь и я смогу носить кувшин», – мечтательно говорит Хадижа. Из поколения в поколение не происходит никаких перемен в этом суровом жизнеустройстве. Словно время остановилось. Образ старого кладбища с покосившимися могильными камнями, покрытыми густым мхом, подчеркивает, что такой порядок жизни давно отмер, от него пришло время избавляться.

В романе много звуков, запахов, передающих сельский быт: запах хлеба и костра, мычание коров, доносимое горным эхом с пастбищ, журчание речки, вкус горячей лепешки, смешанный с ледяной свежестью горной воды.

Дневник ведет Хадижа, поэтому язык стилизован под русский с сильным дагестанским (аварским) акцентом: намеренно неправильный порядок слов или нарушение грамматических норм («Нельзя дарить сильно мало, это нам будет обидно, а им от людей стыдно», или: «Мама, что стало?» – вместо: «Что случилось?», кальки фразеологизмов: «В те дни я ела так много, что мне было тяжело носить свой живот», «У меня из глаз звезды выскочили» – по-русски «искры посыпались», и тому подобное). В романе множество варваризмов: годекан (площадь), пехлеван (канатоходец), этнографизмов (курзе – национальное блюдо, аджаха – нечистая сила). Побывавший хоть раз в Дагестане обязательно обратит внимание на особенности местного русского языка. Однако надо сказать, что в этой многонациональной республике представители одной этнической группы в общении между собой, где бы они ни находились, используют преимущественно родной язык. Подразумевается, что и герои Ахмедовой говорят на своем языке, и в горном ауле они ну никак не могут общаться по-русски. Но речь стилизуется, чтобы передать национальный колорит места действия.

Читатель также многое узнает о ментальных особенностях горцев, этике взаимоотношений.

Женщина рожает до тех пор, пока не родит как минимум одного наследника, продолжателя рода, – одна из причин высоких демографических показателей.

Говорить о чужих женщинах не принято, поэтому у родника парни громко обсуждают свои дела, чтобы не думали, что речь идет о девушках.

Обычай сватовства выглядит весьма диким для нашего времени. Парни выбирают своих жен на роднике. Но молодые люди не разговаривают между собой. Девушка ждет, когда понравившийся парень пришлет в ее дом сватов. Ощущение, что писательница несколько утрирует. В соседней с Дагестаном Чечне тоже знакомились у родника в былые времена (сейчас-то водопровод почти во всех селениях), но все же молодые люди стояли у того же родника на свиданиях (при свидетелях со стороны парня и девушки), общались, подтрунивали друг над другом, виделись на специально устраиваемых для молодежи вечеринках – синкъерамах[8], где пары знакомились, танцевали зажигательную лезгинку, обменивались шутками…

Безусловно, интересно открывать для себя другие этнические реалии. И, как читатель, понимаешь, когда писатель намеренно нагнетает оттенки черного в рамках художественного замысла: посмотрите, какие темные горцы, их женщины до сих пор не принадлежат себе, за них все решает семья, это и есть одна из причин того, что забитая девчонка почти без сопротивления принимает идею джихада и надевает пояс шахидки. И в то же время красоту настоящих ценностей, которые есть в народе, писательница, сама родом из этой южной республики, не в состоянии скрыть. О том же обычае сватовства узнаем: когда приходят родственницы жениха, они первым делом просят невесту приготовить хинкал, и следят за тем, какой у нее получится круг. Вспомнила, как в детстве подружка, татка (горная еврейка), рассказывала мне, что сваты прежде всего смотрят на лампочку в доме: сияет чистотой – значит, девушка хозяйственная, чистоплотная.

Ахмедова отмечает и такую уязвимую черту общекавказского уклада, как нацеленность на внешнее, показное. Живя в бедности, всю жизнь собирают на шикарную свадьбу, золото и приданое для невесты – чтобы не ударить лицом в грязь, чтоб не хуже, чем у других. Общественному мнению, тому, что скажут соседи, уделяется чрезмерное внимание, поэтому вышедшая замуж мать Хадижи отправляется на родник в четырех кольцах, чтобы все видели – не с нищими породнились.

Кавказское общество еще не изжило родоплеменных отношений, этим объясняются многие обычаи, отображенные в романе. Скажем, тот, что мать после смерти мужа, если она возвращается в родительский дом, могут разлучить с детьми: считается, что ответственность за детей несет род, к которому они принадлежат.

Человеку с другой ментальностью покажется более чем странным, например, и то, что сватовство соседа персонажи романа считают позором. Но горцы другого мнения: сосед что родственник, с ним отношения выстраиваются, как со своим, с родным, на чеченском языке это выражается понятием «ойхьаза»: к нему запросто заходят в дом, от него практически нет секретов, он знает подноготную твоей семьи. В отношениях же между сватами и свояками действует другой тип взаимоотношений: они – люди, которым следует оказывать особое уважение, поддержку, но при этом сохранять некоторую дистанцию.

Вот свежий пример, из жизни. В Чечне пару лет назад на уровне власти взялись за искоренение такого обычая, как кража невесты (нередко она происходит по обоюдному согласию молодых – в случае, если старших членов семьи по каким-то причинам не устраивал выбор парня или девушки). Власти Чечни совместно с муфтиятом вспомнили о существовании в УК РФ статьи за похищение человека и ввели штраф в размере миллиона рублей. Но вот недавно сосед «украл» соседку, отвечавшую ему взаимностью: «похищение» было необходимо влюбленным именно по причине их соседства. Никакого уголовного дела заведено не было и штрафовать семью парня не стали. С чего бы такое снисхождение? Приехавшие разрешать конфликт представители властных и религиозных структур дружно и быстро сошлись во мнении, что семьи жениха и невесты и так наказаны, ведь живут они друг против друга, а значит, принятые соседские отношения становятся между ними невозможными.

Ахмедова в этом романе делает смелый акцент на негативных сторонах кавказских обычаев и традиций. При этом она не всегда достаточно хорошо разбирается в хитросплетениях религиозного или национального мировидения горцев.

«Душа только у человека есть, у животных нет души», – говорит дед своей внучке Хадиже, жалеющей любимого барашка. Это в корне неверное утверждение, с точки зрения мусульманской религии. И дед, исходя из этнорелигиозной ментальности, не мог сказать такое своей внучке, даже для того, чтобы ее успокоить, ведь тем самым он искажает ее религиозные

представления. В Коране говорится, что Аллах создал всех животных общинами (уммами), подобными общинам людей, и все они восхваляют Аллаха. Согласно Корану, все живые существа в Судный день будут воскрешены. Пророк Мухаммад (мир ему) говорил, что в Судный день воробей будет обличать человека: «Он убил меня напрасно!» Поскольку все животные поклоняются Аллаху, а люди – далеко не все, то у животных намного больше шансов попасть навечно в Рай.

В чеченском языке есть такое выражение «са долу хIума» – то, у чего есть душа. Под этим подразумевают и муравья, и мошку, и корову, и человека…

В романе остро поставлены социальные проблемы, выявляются причины многих бед в нашей стране. Нищета горного аула. У мужчин нет работы, поэтому зимой они ездят на заработки в Россию или в Баку, а летом отдыхают, то бишь бездельничают, дома. Бабушка и дедушка Хадижи работают с утра до вечера: собирают фрукты с деревьев, ухаживают за скотиной, торгуют на рынке. Однако у них не хватает денег даже на приличное пальто для девочки.

В городе жизнь героини изменилась лишь внешне: богатая, но ограниченная тетя, комфортные условия быта в вычурно обставленной городской квартире; учеба в университете, куда на филологический факультет можно поступить, не зная, кто такой Евгений Онегин, где можно «толкнуть» любой экзамен; дядя в милицейском чине, якобы борющийся с преступностью, а на деле наживающийся даже на трупах; распущенность нравов под видом благочестия. Это мир, в котором все должно быть «схвачено, за все заплачено», и в нем сама Хадижа является всего лишь вещью, товаром – невестой, ее хотят выгодно продать, пристроить.

Городская тетя нигде не работает, дядя – милиционер, но их квартира утопает в роскоши. «Золотая» махачкалинская молодежь – детки силовиков, госчиновников – раскатывает на дорогих машинах, кичится своими тряпками, которые их родители приобрели, обкрадывая либо других людей, либо государство. В неокрепшей психике Хадижи, и так ощущающей с детства свою ущемленность, эта явная несправедливость окончательно смещает нравственные ориентиры: «Лучше воровать, чем быть такими нищими, как мы». Единственной целью девочки становится «богатое замужество». Любовь к Махачу во многом вызвана именно подсознательным желанием вырваться из этого круга безысходности. Он сын генерала, живет чуть ли не во дворце. Но парень сам оказался надломлен неправедной жизнью отца, построившего материальное благополучие семьи на обмане, воровстве, взяточничестве. Совестливость, чувство вины становятся ахиллесовой пятой Махача. Умело давя на нужные кнопки в его душе, вызывая в нем ненависть к отцу и к такому мироустройству, «борцы за чистоту веры» втягивают парня в свою организацию.

По сути, и сам Махач, и Хадижа – жертвы современного общества, чьим сознанием оказалось легко манипулировать именно в силу социально-политической несправедливости и духовно-нравственной опустошенности.

Ахмедова точно изображает роковые противоречия в жизни современного Северного Кавказа. Возросший исламский вектор в одежде и поведении; потерявшие, на взгляд автора, актуальность в нынешних условиях нормы обычного права и родоплеменные отношения; стремление части общества к светской культуре, которая формально декларируется государством; взаимная неприязнь «закутанных» и «прозападных»;«двойные стандарты» в отношениях к «своим» и «чужим» – весь этот непримиримый «коктейль» на фоне бесчисленных социально-экономических проблем, увеличивающих пропасть между обеспеченными и неимущими, взрывоопасен, поскольку может быть использован всеми, кто обладает силой, в своих интересах.

Автор показывает, как трагические обстоятельства приводят будущих смертниц в ваххабитские группировки и каким образом происходит «промывание мозгов». В основном такому зомбированию подвергаются вдовы шахидов, их сестры и матери. Им, находящимся в тяжелом психологическом состоянии, рассказывают о фактах крайней жестокости силовиков даже в отношении родственников «борцов за ислам», программируют примитивными, но западающими в душу религиозными формулами, демонстрируют всевозможные чудеса, например, поджаренную пышку с проступающей на глазах арабской вязью «Аллах», обещают вечную жизнь и воссоединение с замученными близкими на том свете, настраивают на ненависть к иноверцам… И люди, лишенные почвы под ногами, наконец обретают эту твердь, становясь орудием смерти.

В одном из документальных фильмов о борьбе с терроризмом показали следующий фрагмент: проводится спецоперация по выдавливанию боевиков, в доме – молодая женщина, она ведет разговор по телефону со своей «наставницей»:

– Они убили твоего мужа, ты должна подорваться. Не бойся, сестра.

– Я не хочу умирать!

– Ты сразу же попадешь в рай, ты даже не почувствуешь боли!

– Но я беременна…

– Это лучше! Твой ребенок вместе с тобой окажется в раю.

Хадижа тоже идет на теракт, ожидая ребенка, она уже не принадлежит себе, мечтает воссоединиться с Махачем, и в то же время думает о безвинном, еще не рожденном существе. Но ей не вырваться из сети, она всего лишь материал, «живая бомба». И, удивительно, эта несчастная, одурманенная девочка, которой судьба не дала другого шанса, вышедшая сеять смерть, вызывает в читателе острую боль, ненависть к ее лицемерным «хозяевам» и тем, кто политической ложью, коррумпированностью, «двойными стандартами» создал в стране благоприятную почву для того, чтобы все мы стали заложниками террористов.

По сути, сами смертники и их жертвы становятся «выработкой» существующей системы устройства общества – овцами на заклание.

Книги Марины Ахмедовой – болевой импульс, который дойдет до любого, кто еще не окончательно поддался всеобщему равнодушию и зомбированию, не разучился мыслить самостоятельно, кто хочет остаться зрячим, а не жить и умирать наощупь.

---

[1] И. Бродский. Стихотворение о слепых музыкантах.

[2] Модели мира многих кавказских народов ввиду того, что они проживают в горной местности, выстраиваются, по мнению балкарского литературоведа З. Кучуковой, вокруг единой идеи «вертикали», духовного возвышения. Ключевыми становятся именно вертикальные архетипы, символы, мифологемы: гора, небо, башня, дерево…

[3] Илли – жанр чеченского фольклора, героическая песня.

[4] Даймохк – родина (букв. с чеч.: земля отцов).

[5] Ахмадов М. Чеченская традиционная культура и этика. – Грозный, 2006.

[6] Нохчи – самоназвание чеченцев, в переводе с чеч.: дети Ноха (Ноя).

[7] Хадис (араб.) – изречение (кауль), одобрение (такрир), образ (васфи) или действие (филь) пророка Мухаммада (мир ему), совокупность которых образует Сунну, являющуюся авторитетной для всех мусульман и составляющую одну из основ шариата. Хадисы передавались посредством сподвижников пророка.

[8] Синкъерам – букв. перевод с чеч.: веселье души.

Наше интервью

Горная тропа к дому солнца

Тауз Исс (литературный псевдоним Тауза Исаева) – несомненно, неординарное явление в чеченской литературе. Его творчество – ласковый морской прибой в полуденный зной, глоток бодрящей родниковой воды для утомленного дорогой путника. Произведения Тауза Исса – стихи, поэмы, новеллы, эссе, киносценарии, пьесы, путевые заметки, и, наконец, роман – пронизаны любовью к Человеку, горцу, горожанину, труженику. Человеку, живущему по высшим законам нравственности, созданию, которому Всевышним начертано пройти этот бренный земной путь, сохранив в сердце любовь к родной земле, преданность памяти предков, верность обычаям горцев. Творения Тауза Исса – песни, звучащие в минуты радости и горя, о величии человеческого достоинства и мужества, о ранимости человеческого сердца и сладости материнской ласки. Вот что сказал о Таузе Иссе известный абхазский писатель Даур Начкебиа: «Эссеистика Тауза – о Кавказе как центре мироздания, но безо всякой кичливости, надменности, безо всякого поучающего тона. Кавказ – мудрый голос веков, к которому не мешало бы прислушаться человеческим детям, резвящимся на свою беду. Эссеистика Тауза о самом главном – человеческом достоинстве, забытом детьми этого мира, оттого отчасти потерявших человеческий облик и человеческую суть». А вот мнение о творчестве и книге Тауза Исса «Путешествие в полдень» известного чеченского поэта Косума Оспанова: «Тауз Исс вошел в современную литературу, чтобы «уравновесить время и вечность», «в котором все сожжено, утрачено и оплакано». «Путешествие в полдень» – одна из вех творческого пути писателя в восхождении по невероятной лестнице бытия… Многогранное, яркое многообразие книги откроет читателю своеобразный мир писателя, наполненный романтическим гуманизмом и очистительной правдой жизни». Романтизм Тауза Исса не просто в преклонении перед прошлым, историей. Он измеряет нынешний день глазами наших предков, для которых понятие «честь» оставалось незыблемым на всем протяжении жизненного пути. И если можно было бы положить на чашу весов человеческие жизнь и честь, чтобы узнать, что весомее, то в произведениях Тауза Исса на это дан однозначный ответ.

– «Все обращено, вычислено, наречено, умножено, отнято, прибавлено, разделено, сложено, взвешено, взращено, отпущено, приближено, отделено, измерено…» – это строки из Вашего стихотворения. Зачем же тогда человек живет? В чем смысл его поступков? Стремление докопаться до сути чего-либо? Или все, что делается – всего лишь поза, желание пофилософствовать, выпустить книгу стихов, стать популярным и узнаваемым?

– Это строки из моих ранних стихов, из первого сборника. Но поскольку вопрос начался с этих строк, могу сказать только, что это попытка осмыслить жизнь и понять, что ее невозможно осмыслить до конца. Творчество дает возможность абсолютной свободы. Для меня, например, творчество – это возможность абсолютной свободы и абсолютной ответственности, когда они совмещены, слиты, становятся единым целым. Это ответственность перед словом, собой, своей совестью, перед необъяснимым… Это невозможно объяснить. Это интуиция, наитие. То, что двигает человека творческого на его жизненном пути. Но жизненный путь не кончается земным путем, нашей земной жизнью. Это только предтеча, начало Вечности, той Вечности, которая нам предопределена. Что значат для меня, я буду говорить о себе, понятия

«слово», «творчество»? Это таинственные, сокровенные, глубокие величины, перед которыми можно благоговеть, радоваться, плакать. Это своего рода исповедь души человеческой. Поэзия – не игра, не поза, но высочайшая ответственность, если это поэзия, если она есть. Если же ее нет, то это да, поза, желание понравиться кому-то, желание быть популярным, модным. Это все мирское. А поэзия – понятие надмирское, путеводная звезда, что нас ведет, духовное пространство. Душа творит, заботится, ищет, пестует. Душа в земной плоскости, в земном пространстве ищет высот, ищет небо. В некоторых моих стихах, а, быть может, во всей моей поэзии, меня ведут эти принципы. Есть стихи разных форм, уровней, качества и содержания, но в целом, конечно, моя поэзия – это то духовное пространство, та духовная звезда, которая ведет меня.

– Что движет художником, поэтом? Стремление дойти до самой сути? Что это за путь и куда он ведет?

– Любая жизнь, а тем более жизнь творческого человека, художника – это путь к Богу. Это постижение божественного, постижение Бога. Вот так бы я определил жизнь. Это постижение великого дара жизни, постижение запредельного, постижение вечности. Постижение всего: от былинки до звезды. Повседневной жизни. Это понятия, существующие вне нашего сознания. Они в нашем сознании, и в то же время вне его. Это то, что мы не можем объяснить. Это то, что делает человека человеком. Если это убрать, то человек станет просто потребителем, человеком потребляющим, потребляющим все больше и больше, что мы наглядно видим сегодня в нашей каждодневной жизни. И чем больше мы потребляем, тем больше мы хотим потреблять. Это проблема не только чеченского народа. Это проблема всего человечества. Потребительство стало бичом нашего общества. Мы сотворены из души и плоти, следовательно, необходима гармония между тем и другим, между духовным и физическим началами. Человечество, в большинстве своем, выбрало путь, вымощенный инстинктами и их удовлетворением. Современная цивилизация погрязла в нем, главное для нее – только потребление. Такая ситуация создает абсолютный кризис во всем, начиная от экономики и кончая культурой. У человека, лишенного духовных ценностей, возникает дисгармония, он мучается, страдает, потому что нарушен его внутренний баланс. А затем наступает кризис. Тупик. Многие в наше время, к сожалению, не знают, что такое поэзия, литература. Лейтмотив жизни таких людей – потребление, прибыль, поиск далеко не духовных радостей жизни.

– И Вы пытаетесь разбудить в таких людях какие-то чувства?

– Нет, будить в ком-либо что-либо не собираюсь. Я реализую то, что мне отмерено Всевышним. Иду по пути, предначертанным мне Богом. И я выполняю то, что Он мне дает, что Им возложено на меня. И если я не выполню свой долг, то это будет моим грехом перед Всевышним. Каждому дано то, что он имеет. А если сказать в целом, то наступает некий момент Х, когда человечество поет, со своей стороны, дифирамбы прогрессу и цивилизации, а сам прогресс, в свою очередь, ведет нас к гибели. И когда сойдутся в одной точке, достигнув апогея, эти два вектора, тогда, как писал известный английский поэт Эллиотт, «так окончится Мир, так окончится Мир, не взрывом, а воплем». Нет у меня такой цели – будить у кого бы то ни было какие-либо чувства. Желающие могут почитать мои стихи, прозу, взять оттуда что-то полезное для себя. Кому-то это будет интересно, а кому-то нет. Как говорится, каждому свое.

– Предназначение поэта в самом высоком смысле этого слова – служение людям, будить в них светлое, доброе, вечное. Согласитесь, это тоже божественное предназначение поэта, не так ли?

– Безусловно. В этом и есть божественный дар поэту говорить. Александр Сергеевич Пушкин считал, что предназначение поэта – «глаголом жечь сердца людей». Но он же предупреждал – «хвалу и клевету приемли равнодушно, и не оспаривай глупца». Жизнь в миру достаточно сложна для человека творческого. Конечно, миссия поэта высока, но миссия Пророков несоизмеримо выше. Как правило, те и другие бывали осмеяны, не поняты, изгнаны, биты, распяты. Судьба.

– В одном из своих ранних стихов Вы говорите о человеке, пытающемся поймать солнце. А Вы сами когда-нибудь пытались это сделать?

– Да, я пытался в детстве, причем, много раз, поймать солнце, мечтал об этом. В горах, когда солнце закатывалось, оно становилось красивым, как мячик. И поскольку я был ребенком, мне часто приходила в голову такая мысль: «Почему же взрослые люди не поднимутся на гору и не поймают это красивое солнце?» Я думал, что солнце заходит за гору и там отдыхает, засыпает ночью, что там находится дом солнца. Мечтал, повзрослев, пойти за ту гору и найти тот дом солнца, увидеть солнце и взять его себе. Эти вопросы волновали меня довольно долго, пока не повзрослел и не понял, что солнце уходит и садится далеко, слишком далеко, что поймать его невозможно. Другое дело – поймать свое духовное солнце, свое творчество, свое солнце, свое предназначение. Каждому из нас дано свое солнце, своя звезда. И если человек через всю свою жизнь пронесет в душе мечту о солнце, преодолевая испытания, невзгоды и преграды, то тогда он поймает свое солнце. Свое духовное солнце. Он откроет его – и удивится. Удивится этому миру, удивится себе, Создателю. Станет зрячим. В его глазах всегда будет солнце. А если человек остановится на полпути, сдастся, забудет свое детство, то жизнь его утратит всякий смысл, останется навсегда однообразной и тусклой. Очень важно, чтобы у каждого человека хватило сил открыть свое солнце.

– Вы, как чеченец, знаете хорошо, что чеченский народ пережил трагические события в последние десятилетия своей истории: распад некогда могучего государства и войны, возникшие на его обломках. Каким вышел наш народ из той смертельной круговерти, что потерял, что приобрел? Можно ли забыть прошедшие войны, какими они останутся в сознании наших поколений?

– Это очень большой и сложный вопрос. Вопрос судьбы огромной страны, распавшейся в одночасье, которая называлась СССР, народа, его населяющего. Самое плачевное, что после всех этих событий, испытаний, после разрушительной бури, уничтожившей все, пока не видно серьезной попытки разобраться в произошедшем с нами. Каждый несет в своем сердце, в душе этот вопрос, эту боль. Но, как бы тяжело ни было, это необходимо сделать, и в первую очередь, для того, чтобы обезопасить себя, наши народы от будущих трагедий. Я понимаю, что необходимо поднимать экономику. Но раньше экономики нужно поднять культуру, нужно поднять сознание людей. Потому что и экономика, и все то, что окружает нас, есть точное отражение нашего сознания. Эти прошедшие войны – тоже отражение нашего сознания. И пока мы будем обвинять кого-то, не разобравшись в нас самих, мы будем находиться в состоянии войны внутри себя. Чтобы очиститься, мы должны

осознать, что во всем произошедшем виноваты мы. Никто другой. Если я или кто-нибудь другой станет обвинять во всех бедах тебя, другого, третьего, всех, то нам никогда не очиститься. То есть первый шаг к очищению – осознание того, что мы, только мы виноваты во всех наших бедах, катаклизмах. Да, есть объективные причины случившегося. Огромная держава распалась. Как мы жили в той стране? Это история. Необходимо исторически, философски осознать, осмыслить все причины и последствия этой катастрофы. А для этого нужна коллективная воля интеллигенции, всех здравомыслящих людей. Россия стала великой благодаря русской интеллигенции, Франция обрела славу своими выдающимися просветителями и учеными. Именно интеллигенция создает государству имя, делает его могучим. И сегодняшнее состояние чеченского народа оставляет желать лучшего. Что мы сделали и куда пришли? Мы потеряли не только 200 тысяч людей в прошедших войнах. Мы потеряли 200 тысяч возможностей исправиться. И сегодня мы не осознаем, что возможность эта дана нам свыше. Вот в чем наша трагедия. Эта трагедия проявляется у нас веками. Наш устаз Кунта-Хаджи нас учил, что наше оружие – четки, а не ружье или автомат.

– В прошлом времена, когда люди, облаченные властью, называли интеллигенцию гнилой. Сейчас, на данном этапе, в чем Вы видите главную задачу чеченской интеллигенции?

– Разные этапы были в судьбе чеченского народа. При советской власти, в ссылке мы выживали. Вернувшись на родину, мы жили, по сути, двойной жизнью. Одна протекала на уровне светском, официальном, а другая – на религиозном. Над писательской средой того времени довлел идеологический диктат. В религиозной сфере, при всем том, что религия преследовалась, как это ни парадоксально звучит, было все стабильно, поскольку если ты веришь во Всевышнего, молишься, никто тебе этого не запретит. Мы смотрим современное телевидение, пользуемся Интернетом, которые активно вторгаются в нашу жизнь. По сути, происходит агрессия в отношении человека, особенно человека верующего, со стороны эрзац-культуры. Если сравнить тот период с нынешним, то, конечно, есть заметные перемены. Но мы должны идти дальше, не останавливаясь. Мало объявить, например, День чеченского языка, поговорить о бедственном положении чеченского языка на русском языке, провести ряд мероприятий к этой дате, а затем забыть о проблеме до следующей праздничной даты. На деле же, мне кажется необходимым создание фонда, найти деньги, немалые средства, чтобы сделать конкретные шаги, чтобы спасти чеченский язык.

Если сравнить тот, советский период, и нынешнее время, то нужно отметить, что сегодня формируется новая генерация. И я не вижу преемственности между старым поколением и молодым. И это очень печально. Полагаю, мы сейчас приближаемся к такому этапу развития, когда только-только формируется ядро нового общества, которому предстоит заняться созидательной деятельностью, решить многие наши проблемы. На благополучном Западе, где правительства решают абсолютно все вопросы, существуют общественные организации, которые помогают им в этом. Мне кажется, нам нужно создавать больше общественных, творческих организаций, чтобы развивалась наша культура, наше сознание на базе наших традиций и современных тенденций. Нам нужен синтез традиций и современности. Сегодня мы остановились на меже, когда мы почти утратили наши традиции и еще не вступили в современную цивилизацию. Если дать современной интеллигенции возможность синтезировать утрачиваемые традиции в наше время, то, думаю, это поможет нам дать возможность сделать рывок в будущее. Например, говорят о японском

чуде. Японцы, создав электронный мозговой центр, на основе японского языка соединили свои традиции и современность, сделав колоссальный прорыв в своем развитии. И отказались от идеологии милитаризма. Это не значит, что чеченцы милитаристы. Но наш дух рыцарства ложно понят. Дух чеченского рыцарства ваял человека духовного. И даже кинжал был оружием духовным. Он охранял личность, дух чеченца. Это была цивилизация, основанная на высших, духовных принципах. Ценности той, ушедшей, чеченской, кавказской цивилизации ложно поняты и истолкованы. Для изучения нашего прошлого нужна государственная поддержка. Только духовные ценности смогут удержать общество в целостности и сохранности, в мире, но не потребительство, не насилие. Насилие породит только насилие. Это будет продолжаться бесконечно. Нам неприемлем дух потребительства. Нет в мире ни одного человека, царя, шаха, кто мог бы насытиться этой жизнью, кто ушел из жизни, полностью насытившись ею. Насытиться можно только духовно. Пророк, да благословит его Всевышний, говорит, что надо брать из двух источников: духовного и физического. Нужно строить гармонию жизни.

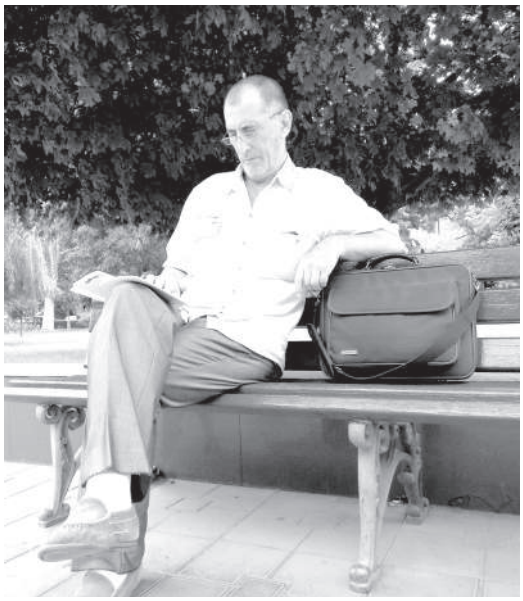
– «Сколько не ходишь по дороге, она всегда новая…» Это строки из Вашего эссе. Мы выбираем тот или иной путь, уверенные, что он единственно верный. Но жизнь зачастую пересматривает наши принципы и многое меняет. Тогда начинаются поиски нового пути. Сколько их было у Вас?

– Дорога – она одна. Как-то я написал в своем черновике: «Мой путь – тропа». Мне нравится тропа, нравится горная дорога. Высокий путь – он один. А плутаний, поисков может быть много. На этом пути могут возникнуть лабиринты, рвы, пропасти и ущелья, горы. Это психический ландшафт, через который проходит личность. Чем выше преграды, тем чище становится человек, и ему открывается этот высокий путь. Я уверен, что нашу республику ведет Всевышний, и путь ее высок. Мы даже не можем осознать этого в полной мере. Если бы мы осознали наше предназначение, то не впадали бы в какие-то мирские, плотские желания, не страдали. Прощали друг другу мелкие обиды. Мне кажется, что единственная возможность человечеству выжить, как и всем чеченцам, а ведь мы капля в море цивилизации, – всепрощение и ненасилие. Пока я не прощу тебя, а ты не простишь меня, мы не очистимся. Очищение и есть осознанная свобода. Физическая свобода не есть осознанная свобода. Только духовная свобода сознательна. Вот о чем говорил наш устаз Кунта-Хаджи. Духовная свобода – вот что важно для человечества, для всего чеченского общества. Она может наступить только тогда, когда мы очистимся, покаемся друг перед другом, сможет прийти к принципу всепрощения и ненасилия. Вот о чем говорил Махатма Ганди, Лев Толстой, все святые, все Пророки. Это очевидные, простые истины. И это единственный путь, который сохранит нас и поведет дальше. Это путь, дарованный нам Всевышним. Нам нужно это понять и осознать. Иначе мы иссякнем, исчезнем. Сами себя сотрем с лица земли.

– В этом году в Грузии, в издательстве «Меридиани», вышел Ваш роман, который называется «Имя Родины». Расскажите, о чем он?

– Замысел романа родился еще в юности, когда мне было лет пятнадцать. И вот, наконец, он реализовался. Я его вынашивал очень долго, а писал три года. В образе главного героя романа хотел показать судьбу чеченского народа. Насколько это удалось, мне трудно судить. Я этот роман называю субъективным эпосом. Об этом написал и в аннотации к роману. Действие романа развертывается

на судьбоносных пространствах времени, на многострадальной земле чеченского народа, Кавказа, в мире человечества и даже в космосе. Ведь все мы живем в космосе. Человек не может жить отдельно от космоса. Мы часть этой Вселенной, ее капля. Роман написан. Состоялся ли он как художественное произведение? Судя по первым отзывам, тешу себя такой надеждой. Книга вышла, и меня это радует. Она издана в Грузии, на родине Шота Руставели. Для меня это большая честь. Я прожил в Абхазии достаточно долгое время, время, когда на моей родине полыхало пламя войны. Абхазский народ принял меня как сына, как брата, сделал все, чтобы я себя чувствовал на гостеприимной абхазской земле как у себя дома. У меня сохранились очень теплые, прекрасные воспоминания об абхазах, и, пользуясь случаем, хотел бы передать всему абхазскому народу, с которым у чеченцев прочные, братские узы, слова благодарности и уважения. Да оградит Всевышний наш общий дом – Кавказ – от бед и несчастий!



Тауз Исс (Тауз Исаев).

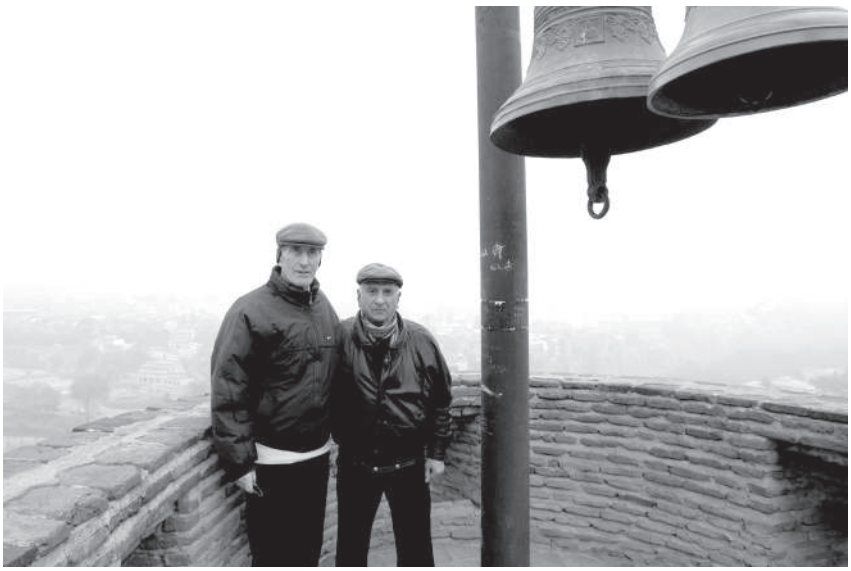
– Вы достигли того, о чем мечтали?

– Мечтал выпустить книгу о судьбе чеченского народа – и она осуществилась. Думаю, читатель даст свою оценку этому произведению. Для меня это очень важно. Кое-чего в своей жизни все-таки достиг. В принципе, чего можно достичь в этой жизни? Уйти чистым к Всевышнему. А все остальное – тлен. Есть мирские достижения. Стать писателем, например. Хотя я не могу сказать, что стал им в полной мере. Возможно, это только прелюдия к тому, что могу еще сделать. Мне кажется, что только-только научился писать. Делаю первые шаги. Научился жить. Научился жить с трудностями и испытаниями, которые мне посылает судьба. Невозможно достичь всего. Нужно всегда для себя оставлять возможность движения вперед. Если посчитал, что достиг всего – все, ты остановился. Ведь наша жизнь – детское солнце. Пусть оно всегда будет с нами. А мы будем идти за этим солнцем, желая его поймать.

– Тауз, в декабре прошлого года Вы побывали в Грузии, где прошли творческий вечер и презентация Вашего романа «Имя Родины», изданного в Тбилиси «Фондом Кавказа». Как Вас встретила Грузия, какие впечатления остались от этой поездки?

– Признаться, я с большим волнением отправился по приглашению грузинских друзей в Тбилиси. Первоначально предлагалось проведение вечера чеченской литературы, истории и культуры в Грузии. К сожалению, этот проект не осуществился, и мне пришлось собираться в Грузию одному. Буквально накануне отъезда выяснилось, что вместе со мной в Тбилиси по приглашению грузинской стороны едут еще двое чеченцев, подготовивших фотовыставку о Чеченской Республике под названием «Моя Чечня», открытие которой должно было пройти также в Бизнес-центре, где планировалось проведение творческого

вечера. Единственный раз в Тбилиси я был очень давно, в конце шестидесятых годов. Мы тогда с братом оказались в Тбилиси проездом из Еревана в Грозный. На этот раз мы на такси добрались из Грозного до Владикавказа, затем из Владикавказа на микроавтобусе по Военно-грузинской дороге приехали в Грузию. Конечно, впечатления от сегодняшнего Тбилиси и города более чем сорокалетней давности разительно отличаются. Тогда бушевала весна, я был молод и полон сил, а сейчас, зимой, предстояла поездка в Тбилиси на презентацию своей книги. С первых минут пребывания на грузинской земле поразили радушие и гостеприимство, которыми встретили посланцев Чеченской Республики. Нас разместили в прекрасной гостинице. Кстати, все расходы, связанные с нашим проездом и пребыванием в Грузии взял на себя «Фонд Кавказа». Мы испытали искреннее, братское отношение к себе наших друзей. Все пять дней нашего пребывания в Грузии, если считать еще день приезда и отъезда, мы прочувствовали всю теплоту настоящего грузинского гостеприимства. Грузинские друзья организовали и провели творческий вечер и



Тауз Исс и президент «Фонда Кавказа», профессор Гиви Гамбашидзе; Телави, Кахетия.

презентацию моего романа в одном из самых лучших зданий Тбилиси – Бизнес-центре, за свой счет издали мою книгу и оплатили доставку ее тиража в Грозный. И плюс ко всему организовали фотовыставку «Моя Чечня». Думаю, проведение всех этих мероприятий обошлось грузинской стороне в немалые деньги. Однако все, что делалось нашими грузинскими друзьями, было искренним, ненавязчивым и тактичным. Через два часа после прибытия в Тбилиси и размещения в гостинице нам организовали ознакомительную экскурсию по столице Грузии. Знакомясь с современным Тбилиси, мне показалось, что я нахожусь где-то в Европе. Тбилиси неузнаваемо преобразился с момента моего знакомства с этим городом. Правда, здесь все еще чувствуется небольшой налет былой советской эпохи. Но столица Грузии сильно изменилась. Здесь много суперсовременных высотных домов, много новостроек. В то же время сохранилась и практически осталась неизменной старая часть Тбилиси. После экскурсии по Тбилиси в тот же вечер мы были приглашены на торжественный ужин, данный в честь чеченских гостей. Двадцать второго декабря в Бизнес-центре столицы Грузии Тбилиси прошел творческий вечер вашего покорного слуги и презентация моего романа «Имя Родины», отпечатанного в грузинском

издательстве «Меридиани». Инициаторами этого вечера выступили «Фонд Кавказа» и Творческий союз писателей Грузии. Издание книги осуществилось благодаря меценатской помощи «Фонда Кавказа». Я был удостоен дипломов Творческого союза писателей Грузии и «Фонда Кавказа» за роман «Имя Родины» и укрепление литературных связей между кавказскими народами, за вклад в международное движение «За мирный Кавказ» и развитие чечено-грузинских культурных и общественных взаимосвязей.

На вечер пришел цвет грузинской интеллигенции, молодежь, студенты, представители чеченской диаспоры, проживающей в Грузии, люди, которых я знаю заочно, такие, как классик мирового кино, кинорежиссер Александр Рехвиашвили, с которым я познакомился уже на самой презентации. Вел мероприятие президент «Фонда Кавказа», профессор Гиви Гамбашидзе, а помогала ему в этом председатель Творческого союза писателей Грузии Маквала Гонашвили. Презентация прошла успешно. После вступительного слова Гиви Гамбашидзе я рассказал о себе, о том, как писался роман, почитал немного из своей поэзии и признался присутствующим, что наконец-то осуществилась давняя мечта написать книгу о судьбе чеченского народа. После интервью Грузинскому телевидению и представителям грузинских газет началось знакомство с разными людьми. Я нашел здесь новых друзей и поклонников чеченской литературы. А закончился вечер раздачей книг с моим автографом. Атмосфера вечера была приподнятой, праздничной, дружеской, и все присутствовавшие на нем расставались после его завершения в хорошем настроении. После презентации книги мы были приглашены на званый ужин, очень красиво и со вкусом обставленный, на котором знаменитые грузинские тосты чередовались с зажигательными национальными танцами и завораживающими мелодиями. Было много бесед, и было очень приятно осознавать свою нужность, востребованность, что тебя принимают и понимают, что так уважительно относятся к писателю. В Грузии издревле ценят слово, литературу, культуру. И здесь, на этой древней земле, в полной мере понимаешь, насколько высок уровень грузинской культуры. Эта планка состояния культуры была высока во все времена, даже в советскую эпоху. Все мы прекрасно помним традиции замечательного грузинского театра, великолепного грузинского кино, неповторимой литературы… Они сохранились и в наше время. Эта культура чувствуется и сейчас во всем: общении, разговорах, поведении. Особая тема разговора – отношение к чеченцам. Это братские, родственные, очень теплые чувства к нашему народу. Все дни пребывания в Грузии нас, можно сказать, носили на руках. Особо хочу отметить вице-президента «Фонда Кавказа» Гелу Хмаладзе. Именно благодаря случайному знакомству с ним и завязавшейся позже между нами электронной переписке «Фонд Кавказа» принял решение взять на себя все расходы по публикации моей книги и проведению творческого вечера. Все время нашего пребывания в Грузии Гела Хмаладзе был рядом с нами и сопровождал нас во всех наших поездках, которыми оказались загружены все дни нашего пребывания в Грузии с раннего утра и до поздней ночи. На третий день Гиви Гамбашидзе и Гела Хмаладзе предложили нам поехать в Мцхету, древнюю столицу Грузии. Конечно, мы с радостью приняли это предложение. Мцхета расположена в тридцати-сорока километрах от Тбилиси. Не доезжая до Мцхеты, мы поднялись на гору, на которой расположен храм Джвари. Это древний храм, которому около тысячи лет, расположен он на самой вершине горы и смотрится как ее продолжение. Оттуда открывается великолепный вид на Мцхету, на Куру и Арагви. Когда Гиви Гамбашидзе с вершины горы показал потрясающую панораму с протекающими внизу Арагви и Курой, в памяти всплыли знаменитые лермонтовские строки из «Мцыри»: «…Там, где, сливаясь, шумят струи Арагвы и Куры, был монастырь…» И Джвари – это, наверное, именно тот самый храм, где томился в неволе чеченский

мальчик Мцыри. После осмотра Джвари мы с горы спустились в Мцхету, где расположен храм Светицховели, знаменитый храм-усыпальница грузинских царей, в которой, кажется, царит вековая тишина, горят лампады и свечи. Здесь тебя одолевают особые чувства причастности к древней и драматичной истории Грузии. Древние камни, свидетели истории, из которых возведен храм, усыпальницы, храмовая тишина производят неизгладимое впечатление на всех посетителей этого святого для грузин места. Затем наш путь лежал обратно в Тбилиси, откуда мы отправились в одно из древнейших мест Тбилиси – крепость Нарин-Кала. Она расположена в самой верхней части Тбилиси. Это древняя крепость, история которой исчисляется одной тысячей лет. Из крепости открывается очаровательный вид на Тбилиси, отсюда он просматривается как на ладони. Виден старый Тбилиси, с его многочисленными духанами и старинными зданиями. Оттуда я заметил строение с причудливыми куполами и спросил: «Что это такое?» Гиви Гамбашидзе ответил, что это знаменитые серные бани. «Те самые серные бани, о которых писал и в которых купался А.С. Пушкин?» – невольно вырвалось прямо из сердца. «Да, именно эти самые», – подтвердил Гиви. И он предложил нам посетить знаменитые на весь мир тбилисские серные бани. В тот вечер по программе, предложенной нам хозяевами, мы должны были посетить театр. Но получилось так, что организаторы нашего пребывания в Тбилиси не смогли достать билеты на представление. Представляете конфуз наших грузинских друзей?! Этот факт меня несказанно удивил. Потому что знаю, что в наш стремительный век мало кто ходит по театрам и другим культурным заведениям. А тут – аншлаг! Было чему поразиться. Но нам эта неожиданная оказия с театром оказалась к месту. И тогда я предложил посетить серные бани, если это, конечно, возможно. Гиви сразу же стал хлопотать и договариваться насчет похода в бани и преуспел в этом. Хотя, как я потом узнал, попасть в тбилисские бани, как и в тбилисский театр, оказалось совершенно непростым делом. Из рассказов наших гидов мы узнали, что Тбилиси расположен на многочисленных серных источниках, бьющих из-под земли в разных его местах. Отсюда и название столицы Грузии, которое переводится как «город, расположенный на теплых водах». Отсюда, с высоты, мы видели, как идет реконструкция части старого Тбилиси. Здесь возводятся дома, большие частные особняки для представителей творческой интеллигенции, художников, писателей, в которых им предстоит жить и творить. Поверьте, такое отношение к интеллигенции стало приятной неожиданностью. Итак, я и Казбек отправились в бани. Лет тридцать назад, а может быть, больше, бани были реконструированы. Для этой цели из Самарканда были приглашены мастера, которые заменили обветшавшие изразцы бань, провели здесь ремонт. Однако некоторые древние плитки мастерами-реставраторами были специально оставлены. Так вот, в том номере, где мы с Казбеком купались, мы нашли плитки, которые были свидетелями посещения бань Александром Пушкиным и Александром Дюма. И тут вспомнились слова А.С. Пушкина о том, что нет ничего в мире роскошнее, чем тбилисские бани. И эти слова великого классика оказались подлинной правдой! В их подтверждение к нам в номер пришел массажист со специальной мочалкой и заявил, что сейчас соскоблит с нас всю нашу «старую шкуру, вместо которой должна вырасти новая». И он так начал нас тереть мочалкой и мять руками, что после процедуры массажа и принятия ванн мы действительно почувствовали себя новорожденными. После бани последовал непритязательный грузинский ужин с сыром, хачапури и зеленью, который довершил наше «рождение» заново. На следующий день наш путь лежал в Кахетию. У нас была достаточно долгая дорога на восток Грузии. Мы проехали живописную Алазанскую долину и прибыли в Телави, столицу Кахетии. Здесь на нас огромное впечатление произвели музей, храм и дворец царя Ираклия. Этот дворец отличают крайняя скромность и непритязательность.

Надо сказать, грузинские цари вели очень умеренный, даже аскетический образ жизни, и судьба Грузии, полная войн, драм и трудностей, свидетельствует, что она устояла перед напором многочисленных врагов благодаря таким царям, мудрым, скромным и простым.

После продолжительной экскурсии по Телави на обратной дороге мы завернули пообедать в небольшой придорожный духан. Это нечто среднее между рестораном и кафе, здесь можно за умеренную плату вкусно и плотно отобедать. Я бы сказал, что грузинские застолья очень изысканны и богаты. Поражает изобилие блюд. Ими в буквальном смысле бывает завален стол. Причем, не просто завален. Одна череда блюд сменяется другой, и так без конца, во всяком случае, так мне показалось.

Платан, которому более 800 лет.

В Тбилиси мы вернулись вечером. А завтра предстояло покинуть гостеприимную грузинскую землю. Надо сказать, что я все время пребывания в Грузии просил своих друзей дать возможность прогуляться по старому Тбилиси. И вот мы договорились вместе с ними пройтись до офиса «Фонда Кавказа», который находится в двух шагах от старых тбилисских кварталов. Мы прошли знаменитый старый тбилисский парк, изобилующий развалами, в которых продают буквально все: антиквариат, картины, старинные книги, скульптуры…

Прогулка по старому Тбилиси была очень интересной. Старый Тбилиси, как и вся столица Грузии, реконструируется. Тбилиси на всей своей протяженности в 70 км рассекает Кура, город раскинулся по ее берегам, в ширину же Тбилиси достигает всего несколько километров. Мне показалось, что темп городу задает именно Кура, она является алгоритмом грузинской столицы. Кура медленно и величаво несет свои воды через Тбилиси, и, поверьте, это завораживающее зрелище – смотреть на ее берега, на новый и старый Тбилиси, ставшие символами связи разных времен и эпох. Небольшая прогулка по Тбилиси убедила еще и в том, что местные водители автотранспорта – самые вежливые и воспитанные в мире. Ни разу за этот короткий промежуток времени прогулки по столице Грузии мне не пришлось стать свидетелем лихачества на дорогах, неуважительного отношения к пешеходу. И это тоже стало одним из сюрпризов, которыми богата современная Грузия. Тбилиси, несмотря на то, что это громадный мегаполис, город спокойный, без суеты и спешки. Конечно, он сегодня в плену современных ритмов, но это особый пульс времени, в котором перемешаны спокойствие, мудрость прошлого и динамика сегодняшнего дня. Ритм жизни в Тбилиси свой, особенный. На следующий день мы покидали Грузию. Наши грузинские друзья проводили нас до российско-грузинской границы, где нас встретил водитель, которому предстояло отвезти нас до Грозного. Перегрузив тираж моих книг в эту машину, мы покинули гостеприимную и радушную грузинскую землю. С Грузией у меня связаны только самые хорошие впечатления. Так случилось, что именно здесь вышла моя первая книга прозы, здесь же состоялся мой творческий вечер и презентация романа. И я благодарен ей и ее народу за оказанную мне помощь, за ее приветливость и щедрость.

– Грузия – сосед Чеченской Республики, с которой нас связывают узы многовековой дружбы. Как относятся к чеченцам в современной Грузии?

– Честно говоря, я не ожидал такого восторженного отношения к гостям из Чеченской Республики, такого приема. Во всяком случае, я еще ни разу подобного не встречал. Видимо, подобное отношение к чеченцам связано с древним генетическим родством, объединяющим два наших народа. Это родство духовное, по крови. Нас связывает и совместная история. Что бы ни происходило, мы никогда не были отчуждены друг от друга. Мы, чеченцы, всегда знали, что там, в Грузии, живут наши братья. И грузины так же думают о нас. И сегодня в Грузии продолжают с любовью и уважением относиться к Чечне и чеченцам. Во время наших поездок по Грузии, узнав, что мы чеченцы, отношение к нам становилось просто восторженным. Даже порой бывало неудобно от этого. Такие отношения между нашими народами имеют под собой прочный исторический и культурный фундамент, и они никем и ничем не подтачиваются, несмотря на различные катаклизмы. Наши родственные отношения, имеющие долгую историю, уверен, сохранятся такими и в будущем. И я благодарен Грузии и грузинам за то, что они хранят братское тепло к нашему народу.

– Какие перспективы нас ожидают в укреплении культурных отношений между нашими народами – чеченцами и грузинами?

– Миссия писателя, человека слова – это великая миссия. Задача писателя – укреплять связи не только на Кавказе, не только в России или постсоветском пространстве, но и во всем мире. Все мы люди, все мы сотворены Богом. Бог наш един. В Коране сказано: «Я мог бы сотворить вас одним народом, но я сотворил вас многими народами, чтобы наделить вас богатством, разнообразием культур и языков». Это огромное человеческое достояние. И мы должны осознать это. В частности, Кавказ – это микромодель нашего огромного мира. Кавказ – колыбель Цивилизации, об этом говорят и священные писания. Второй виток истории человечества идет от Ноя, когда он пристал к кавказской тверди. Именно здесь таится исток Земной Цивилизации. Именно нам, кавказцам, доверена великая миссия – укреплять доверие и любовь между всеми народами, несмотря на разнообразие их корней и религий. Это обязанность политиков, прежде всего. Но сегодня только писатели, художники пытаются что-то сделать в этом направлении. Все мы должны осознать, что люди созданы Всевышним для созидания, мира. Мне кажется, именно Кавказ должен показать всему миру пример добрососедства, уважения друг к другу, ненасилия, толерантности, созидания. Если Кавказ – колыбель человечества, то он должен стать колыбелью нового сознания, нового отношения к человеку. И на этом пути нужно победить, прежде всего, себя, свои амбиции. Я думаю, что сегодня Кавказ больше, чем кто-либо, ответственен за то, что происходит в мире. Поэтому нам надо быть в авангарде тернистой дороги к миру и созиданию на планете. Налаживать отношения между собой и всеми народами мира. Нам просто надо показать пример, как надо жить на Земле.

Беседовал Имран ИСМАИЛОВ

Фото А. Джамулаева из архива Тауза Исса.

Юсуп Амаев

Чеченский язык: краткие тезисы о происхождении и значении

Данная тематика интересовала автора давно, но до сих пор не имела какого-либо теоретического оформления.

Воодушевленный тем, какое внимание уделяет Глава Чеченской Республики Рамзан Ахматович Кадыров чеченскому языку, и его призывом о бережном отношении и исследовании нашего языка, по мере возможности, автором были предприняты скромные изыскания в этой области, которые он предполагает продолжить.

Предлагаемая вниманию читателей статья является первым публичным отзывом на этот призыв, где автор пытается оформить собственное видение проблематики происхождения чеченского языка в структурную систему идей и принципов, предварительные трактовки которых предлагаются общественному и научному мнению.

К проблеме происхождения языка, как правило, относятся без оптимизма и отрешенно. Возможно, это связано с отдаленностью того исторического периода, о котором можно строить представления только методами гипотез. Однако, несмотря на это, автор данных строк находит чеченский язык в состоянии:

1. по возрасту: старше самой истории, но сохранившим в себе даже корни своего рождения и таким образом способным установить связь времен;
2. по природе рождения: естественным, звуки и смысл которого базируются на явлениях природы;
3. по содержанию: философски глубокомысленным, семантически выразительным, исторически чистым. Благодаря этим и другим особенностям представляется возможным **реконструировать естественный процесс происхождения звуков чеченского языка и их семантического оформления.**

По глубокому убеждению автора, «язык звуков» предшествует современному нашему «языку слов», является его первоисточником и, в значительной степени, семантическим идентификатором. Это подтверждается следующей логической схемой.

Все познаваемое человеком, с точки зрения философии, есть познание природы: в ней слова «происходить» не могут, но звуками изобилуют. Следовательно: а) вначале происходить могут только звуки, для «языка звуков» б) только после «языка звуков» и только на его основе может сложиться «язык слов».

Таким образом, автор констатирует: в естественном языке сосуществуют изолированно друг от друга две семантики (два языка): звука и слова, связь между которыми человеком потеряна.

Философия проблемы или что есть начало языка?

Что собой представляет человеческий естественный язык? Язык – это выражение знаков языка.

Из чего состоит язык? Язык и речь состоят из звуковых знаков (фонем), слова и морфемы также состоят из таких же единиц. Таким образом, весь языковой

строй состоит и выражается только **звуковыми знаками**, следовательно, **звуковые знаки первичны, а слова – вторичны и являются производными звуковых знаков.**

Каковы способ и коммуникативные возможности звуковых знаков чеченского языка (азбуки) до происхождения так называемого слова? По природе язык состоит из значимых звуков, а по науке – из значимых слов. Встает естественный вопрос: почему языкознание признает за звуковым знаком языка его материальную функцию – звучание (фонетика), но не признает функцию несения, обозначения смысла (семантика) непосредственно самого знака? Вот момент, где современное языкознание вступает в противоречие с общепринятой сущностью знака, где за материальностью звука (фонетика) не признается ее непосредственная смысловая значимость (семантика), и вообще отрицает какую-либо связь между звуком и смыслом звукового знака. Сущность любого знака системы состоит в том, что именно данная материальная идентичность обозначает именно данный смысл (значение). Умышленное закрепление за естественным звуком явления; смысл данного явления – есть процесс соединения звука и смысла – есть мысль – рождение знака языка. Автор допускает, что мысль и знак философски идентичны по содержанию, где за актом рождения мысли следует его факт – рождения знака, и наоборот, мыслится только знаками.

Любой знак, непременно, имеет дно стороны: материальную и смысловую. «Материальные знаки языка – звуки (а во-вторых, и буквы) – выполняют две функции: функцию доведения речи до восприятия (звуки – ухом, буквы – глазом) – перцептивную и функцию различения значимых единиц языка морфем и слов – сигнификативную»[1]. Следует обратить внимание на то, что Реформатский А.А. признает звуки как материальные знаки языка, однако сами ничего они не значат, а выполняют функцию различения значимых единиц языка морфем и слов. Отсюда следует, что семантическую значимость звукового знака языка ученым не признается, «...из наблюдений над звукоподражаниями никак нельзя сделать вывод, что значит [а], [о], [п], |р] и т.п., так как звуки речи, как таковые, не имеют значения и не могут его иметь»[2]. Однако автор никак не может согласиться с подобным выводом ученого, ибо знак без значения быть не может, как без знака не может быть ни языка, ни мышления в принципе.

Перечень принципов и идей, через развитие которых лежит путь к раскрытию проблемы происхождения и значения чеченского языка.

1. Все звуки чеченского языка человеком «собраны» из природы. Стараясь быть в его истории, послушаем же его внимательно и попытаемся услышать звуки и определять их источники: звук **«ха»**: исходит от спящего; дыхательный звук **«са»**: считался подтверждением жизни в теле; можно услышать звук **«ца»**, если постучать зубами; мы ежедневно слышим хлопанье – от них звук **«т1а»**; в лесу трогаем листву – слышим звук **«ча»**; окунаться в холодную воду – не обходится без крика **«1а»** и т.д.

2. Звуки чеченского языка есть звуки естественной природы, вернее, их прообразы «на языке» человека. Пример: физиология человека от Бога, т.о. и голос его **«а»** от Бога – вне всякой зависимости. У кого голос **«а»**, у того и звук **«а»** – эта естественная природа первого звука ясна (не зря Богом первый человек назван АДАМ: **«а» дуо (х1у)ма**, диал., **«а»** да (хlа) ма). По своей природе человек уникален, в частности, его организм способен своеобразно реагировать на естественные природные явления, в том числе инстинктивными звуками, например: **«ба»** – зов ребенка; **«и»** – плачь; **«ка»** – при хватке (борьбе); **«кха» – при застревании еды в горле; «на» – при физической нагрузке;**

«са» – при дыхании; «ха» – при храпе; «хьа» – в работе (усталости); **«xla»** – при выдыхании и др.

Согласные звуки языка, за исключением звука «ла», есть аналоги, у которых существуют природные оригиналы. Звуки, произошедшие (в естественной форме) изо рта самого человека, можно назвать звуками чистого образа. Приведем примеры по схеме «оригинал – аналог»: звуки ударов драки мы описываем как «дап-дип» – на нашем языке он назван звуком **«да»**; звук падения оземь дерева, ветки и т.д. мы озвучиваем примерно как «гап» – для языка он назван как **«га»**; при дыхании издается звук, подобный звуку **«са»** – и назван он в чистом виде **«са»**; мы ставим детям различные сцены из природы, для представления угроз различных существ, выговаривая: **«у!»**, **«бу!»**, **«бо!- йу»**, **«б1оба- йу»** и т.д. – в качестве звукового знака (представителя) этих и тому подобных образов угроз наши предки применили звук **«у»**; звуки хозяйственной работы, другой деятельности мы называем **«тата»** – сущность подобных явлений в нашем языке выражается звуком **«та»** и т.д.

Гласные звуки в этом отношении, имеют более сложную и своеобразную интерпретацию и не имеют чистых аналогов, а звук **«а»** – имеет отличительные признаки, не свойственные остальным звукам, и потому занимает особое место в системе звуков и самого языка. К примеру, вся жизнедеятельность человека выражается через звук **«а»**: **а**ра, **а**рда, **а**ха, **а**ла... Если образно выразиться, под звуком **«а»** в языке подразумевается действие (как движение вообще)... Звуки: гласные **аь, оь, уь, юь, яь, йе, йо, йу** и согласный **-л**, состав и число которых в дальнейшем может измениться, на данный момент не получили признания автора как звуки природного происхождения.

3. Все звуки чеченского языка, за вышеуказанным исключением и с учетом особенности звука «а», сами есть понятия этого языка, имеют собственные звуковые формы и ими обозначаемые смысловые образы – явления природы». Например: **На**: хьал; **ан**: (гуш)долу хьал; **на**: хьолехь; **ана**: массанхьара хьал (го); **нана**: хьолехь хьал... **«На»** является естественным показателем состояния здоровья, и по этой аналогии применяется в качестве показателя состояния всякого явления. Как видим, каждый звук (фонема) имеет свое смысловое значение.

4. Источниками звуков и их смыслового содержания являются естественные звуки процессов природы и сами эти процессы, в том числе и произвольные (неязыковые) звуки, исходящие от самого человека, отражающие состояние его тела и духа. В природе существуют всевозможные звуки, имеющие свои «означаемые» источники (причины), однако человек только часть из них «осмыслил» и использовал в качестве знаков своего языка.

На примере звука **«са»** установим естественность происхождения звука и его содержание (смысл). Построим омонимичный ряд: **«са»** l: свет; **«са»** 2: дыхание; **«са»** 3: острие; **«са»** 4: зрение; **«са»** 5: душа; **«са»** 6: выгода. При их анализе на признак звучания (звукоиздания) по природе нам подходит только **«са»** 2: дыхание. При формировании содержания для данного звука следует быть внимательным и последовательным. Найден звук (**«са»** 2), обозначен и его источник – дыхание. Казалось бы, природа звукового знака чеченского языка **«са»** определена. Однако в данном случае источник определен не по сущности, а по внешним признаком явления, к сожалению, так иногда это и происходило в свое время. Скажем, **«са»** 2 звучит не только от процесса дыхания; чтобы дышать, нужны легкие, для легких нужно доставлять воздух, чтобы качать воздух, нужна сила, а чтобы иметь силу, нужно быть живым. Поэтому сказать, что звук **«са»** происходит от дыхания, это утверждение косвенное, а истина в том, что звук **«са»** 2 может быть только у живого... Так, смертельное состояние человека мы проверяем через его дыхание, отнюдь не ради самого дыхания и звука **«са»**, а для того, чтобы через них убедиться в самом важном: в наличии

в нем жизни. Т.о., мы установили, что звук **«са»** в нашем языке означает «жизнь», т.е. «человек» или «живое существо». Все остальные омонимы не могут претендовать на оригинальность, и поэтому являются производными замыслами **«са»** 2.

5. Естественные согласные звуки природы, при назывании коих человек сопроводил их своим голосовым звуком «а»: ба(б+а), ва(в+а), га(г+а)... и т.д., являются их естественными звуковыми формами, каковыми они должны быть и названы.

6. Все звуки естественного языка должны в природе звучать и обозначать суть «звукопроизводящего» явления. Звук **«а»** есть всегда в действии, работе (ара, арда...); звуком **«ба»** кричит испуганный ребенок; пчелиный рой дает звук **«ва»**: звуком **«г1а»** шумит листва; звук **«жа»** всегда сопровождает стадо овец; а пчелы (мухи) летят звуком **«за»**; спящий издает звук **«ха»** и т.д. Иначе, в природе мы слышим звук **«ха»** (храп), в нашем языке мы также слышим звуковой знак **«ха»**, под которым мы подразумеваем охрану **«ха»**.

7. Определение происхождения звукового знака языка: абсолютно отличимые звуковые образы явлений природы, отражающие действительность человеческого бытия, означены в эти же явления. К примеру: казалось бы, как может в природе появиться столь необычный звук **«ца»**? Оказывается, может: это стук зубов, когда собака, лошадь... пытаются **укусить**; какой естественный звук человек может признать за звук **«кха»**? Удивительно и весьма просто: мы все и почти ежедневно производим и слышим его: когда в горле застревает еда; идем по лесу – слышим звук **«ча»**, когда трогаем листву, солому... и др.

Другими словами, в контексте процесса познания природы, действительность есть реальные образы природных явлений, происходящие при участии человека или без него, но испытываемые или наблюдаемые им, в результате долголетней практики и анализа реальности, в дальнейшем происходит осмысление звуков таких явлений в образы этих же явлений **есть рождение знаков языка, то есть – происхождение языка.** Из этих же нескольких десятков звуков, из которых состоит и чеченский алфавит, представляет собой предшествовавший естественный (природный) **язык звуков**, а вся остальная многочисленная лексическая масса современного чеченского языка есть производная языка звуков.

Превращение звука явления природы в знак языка есть соединение звука данного явления природы с мыслимым содержанием (образом) этого же явления. Звук явления означен в знак явления, т.е. суть данного явления выражается его звуком. Все познанное выражено знаками, знания вне знака нет.

Таким образом, в нашем современном языке существует два языка: 1) ЯЗЫК ЗВУКОВ – это наш предшествующий язык и 2) современный – ЯЗЫК СЛОВ.

Например, звук **«ца»** происходит при ударе зубов (церг: це-йириг), но семантику слова **цана** наше языкознание не связывают не только со значениями отдельных звуков этого слова (**ца**), но даже и самим звуковым комплексом данного слова. Звук **«т1а»** – происходит от хлопка ладоней, чеч. **т1етт1а**. Таким же образом, по науке: звук **«т1а»** (буква **т1а**) – 1) как звук (знак) языка не имеет никакой семантики; 2) звук **«т1а»** не имеет отношения к передней конечности и **«т1а»** и 3) понятие «т1етт1а» не связано даже с его непосредственным звуковым комплексам **«т1етт1а»**.

8. Звуки языка есть только звуки явлений природы, другими словами, звуки языка, это – имена явлений природы. Этими именами или через них названы все остальные движимые и недвижимые, звучащие и «молчащие» явления, существа и вещи. Процесс познания природы, с точки зрения языка,

есть одновременно и процесс ее именования. Все познанное осознано, т.е. означено, следовательно – через язык именовано; неосознанное – ничто. Приведем некоторые характерные звуки: слышим **«ха»** (звук спящего) в значении «процесс: охрана»; **«са»** (звук дыхания) в значении «процесс: жизнь, существование»; **«кха»** (звук застревания еды в горле) в значении «процесс: пропитание» и т.д. Попытаемся выразить определение процесса именования предметов и явлений, всех: как «молчащих», так и «кричащих»...

Имя вещи (явления) есть определенная характерная ее сторона, как бы образ «первого впечатления» человека, «зарегистрированный» им за этой вещью в процессе познания природы, отражающий отношение человека к данной вещи.

Звук **«а»**, как первый звук языка, он же и голос человека – божеский дар, имеет не меньшую значимую и содержательную философию, чем становление самого языка. Скажем, звук **«а»** нельзя назвать, как и другие звуки, звуком произвольного или непроизвольного произношения. Как определить естественную форму звука **«а»**? Никак, потому что он является собственным голосом и звуком человека, «говорящего этот язык». Правда, появляются догадки о том, что, возможно, некоторые из звуков – **и, о, у, э** – могут являться его непроизвольными формами. Подобные предположения однако встречаются, например «исторически исходная трехчленная система гласных **а – и – у**»,[3] как в арабском языке.

Гласные звуки являются более древними звуками языка, поэтому они по содержанию наиболее емкие, как правило, выражают обобщения явлений человеческой действительности и поэтому не имеют в природе конкретных источников. Звук **«а»** имеет самую сложную интерпретацию, его смысл может локализоваться в значении: процессы деятельности, жизнедеятельности..; звук **«е»** представляет собой как бы звук зова, самооглашения..; звук **«о»** обозначает наступление действия, явления..; **«и»** обозначает движение..; **«у»** выражает значение угрозы, направления..; звук **«э»** – произвольная звуковая реакция организма, возникающая при неожиданных психоэмоциональных проявлениях окружающей среды (испуг, удивление...) и т.д.

Согласные звуки в язык вошли последними и в разной последовательности. Данный процесс сам по себе представляет собой совершенствование языка и самое главное, это – окончательное звуковое и семантическое оформление языка и его конкретизация до уровня восприятия будущих поколений. По семантическому содержанию согласные звуки выражают менее обобщенные явления человеческого бытия, а абсолютное большинство из них – конкретные явления. Например, **«ра»** единственный из всех остальных согласный звук, выражающий явления слова в их действенности: **хье-ра, к1ара, а-ра, о-ра, ча-ра, rl а-ра**... в этих словах звук **«ра»** имеет значение подтверждения действия (явления), выраженное первой частью слова; единственный звук чеченского языка, имеющий значение звукоподражания – это звук **«ч1а»**.

9. Ни сам естественный язык человека, ни звуки для языка не придуманы. Нет придуманного звука для смысла и смысла для звука. Данный тезис легко обосновать суждением о том, что языки бывают естественные (не созданные) и искусственные (придуманные). По мнению автора, в составе современной азбуки чеченского языка присутствуют:

1) звуки (буквы), не имеющие своих звуковых аналогов в природе, следовательно, они не выражают смысл природных явлений: **аь, о, оь, уь, юь, яь**;

2) звуки нестандартной характеристики: **е(йе), ё(йо) и ю(йу)**;

3) звуки и знаки неисконного происхождения: **ф, щ, ъ, ы, ь**;

4) звук **«л»**, для которого, на данный момент, в природе не обнаруживаются признаки его естественности.

10. Если под одним звуком-именем подразумеваются несколько имен, то единственной естественной их смысловой основой будет тот звук-имя, для которого в природе существует его естественный звуковой прообраз. Например, повторим ряд (из п.4) омонимов звука **«са»**: **са1** – свет, **са2** – дыхание, **са3** – острие, **са4** – зрение, **са5** – душа и **са6** – выгода. Данный принцип требует: для того чтобы признать звук естественным, в природе должен обнаружиться подобный звук, имеющий значение явления с таким же наименованием. При этом из 5 вариантов звучащим является только вариант **са2**, где и само явление называется **са** (**са** аз хеза **са**доь1уш). Поэтому вариант **са2** (доь1у **са**) является основой звука и смысла, для которого остальные варианты становятся его производными омонимами по замыслу.

11. Звуки чеченского языка, по принципиальной позиции автора, являются полноценными самостоятельными единицами лексики: следовательно, с учетом особенности звука **«а»**, в языке нет места абсолютно бессмысленному звуку. Таким образом, по данной логике, звуки в составе слова естественного языка, своего смысла полностью не теряют. Однако следует признать, что выводимость (разложимость) значения каждого звука в различных словах будет разной, а в громоздких словах – проблематичной и даже уже неопределимой, а во многом – утраченной навсегда. Если звуки языка в отдельности не выражают смысл, то любое сочетание или другие комбинации этих звуков бессмысленны. Обоснование данного принципа осложняется еще и тем, что он в науке еще не признан, именно на основе данного материала автор и пытается это предпринять. Вначале мы не раз говорили: все звуки (если хотите – буквы, фонемы) чеченского языка имеют свой смысл и, вне зависимости от места и контекста в данной языковой системе, они – как имеют звук, так имеют и смысл.

12. Средствами (составляющими единицами) языка являются исключительно звуковые знаки, соответствующие требованиям данной знаковой системы – азбука языка. Звуки-знаки имеют самостоятельные семантические значения. Поэтому семантика слова выводится не благодаря какому-то комбинированию звуков, как принято в языкознании, а из звуковых знаков, уже имеющих свой смысл и являющихся лексическими единицами первичного порядка, на основании и в зависимости от которых и сконструированы слова, являющиеся сложными лексическими единицами более сложного, вторичного порядка языка.

Как сказано выше, в природе существует множество различных звуков, часть из которых человек применил в своем языке в качестве звуковых знаков. Как известно, имеет место, что некоторая часть звуковых знаков в разных языках в разной степени имеет определенную фонетическую общность, где автор предполагает, что есть там и общности больших значений. На основании данного замысла, на уровне звуковых знаков (не слов), можно построить межъязыковые схемы их идентификации, определения степени соотношений, сочетаемость по различным признакам между ними и между языковыми семьями.

Принято считать, что языки всегда имели обыкновенно словесную форму. Однако автор констатирует, что естественные языки могут иметь т**олько звуковую (естественную) форму рождения, и только потом, совершенствуясь, приобретают словесную форму,** то есть претерпевают естественный процесс философской диалектики: от простого к сложному и от частного к общему. В связи с изложенным, предполагается, что по форме и содержанию чеченский язык в своей истории прошел несколько стадий, охвативших различные периоды:

1. Язык состоял из звука **«а»**;

2. Язык – из гласных звуков (возможно, в т.ч. дифтонгов).

Эти начальные языки – **голосовые языки**, где доминирующим был звук **«а»**. Возможно, из подобных языков и состоял язык Адама;

3. Язык – из гласных и согласных звуков – есть **«язык звуков»**;

4. Язык, состоящий из слов – есть **«язык слов»**.

Наименее изученной и наиболее сложной стороной языкознания является происхождение самого языка.

Например, А.А. Реформатский в своем капитальном труде «Введение в языковедение» (издание 5-е), являющимся учебным пособием для вузов России, в том числе и для будущих лингвистов, о происхождении языка пишет: «...а «первобытный язык» – это область общих предположений и гипотез. От такого «первобытного» языка никаких реальных остатков, поддающихся прямому изучению, нет и быть не может. Археологи и антропологи, раскапывая стоянки и могилы и изучая остатки материальной культуры, костяки и черепа первобытных людей, не могут «раскопать» язык, незафиксированный письменностью...» (стр. 457), и в конце декламирует свой «авторитетный вердикт»: «...первобытный язык нельзя исследовать и опытно проверить» (стр. 458).

В конце концов, Реформатский по вопросу о происхождении языка перечисляет и критикует все другие теории, не предлагая собственную; он просто соглашается с диалектикой Энгельса, согласно которой обезьяна превратилась в человека... и который далее делает неадекватный и примитивный вывод: «Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась потребность что-то сказать друг другу. Потребность создала себе свой орган:..» и т.д. Данная версия нисколько не удовлетворяет автора. Возможно, и у Реформатскою были свои варианты по данной проблеме, но противоречить марксистской теории никто не мог. Иначе – такой замечательный труд ученого вообще мог бы не увидеть свет.

На легком и понятном языке и философском трактовании изложено учебное пособие для студентов и преподавателей-филологов «Введение в языкознание» А.М. Комчатнова и Н.Л. Николиной, издание 4-е, где проблема происхождения языка концептуально не рассматривается, но излагается целая теория описаний явлений вещи, через которые пытаются открыть величайшую тайну: как происходит соединение смысла со звуком[4].

Таким образом, на данный момент в российском языкознании автором не обнаружены какие-либо другие источники, где бы конкретно или системно рассматривались вопросы происхождения языка, с которым непосредственно связана и проблема соединения звука и смысла. Решение этих проблем предполагает, в том числе, и пересмотр места и значения звука как новой лексической единицы первичного порядка. Несмотря на все возможные трудности, автор выносит свои идеи и принципы на суд тех, кто интересуется чеченским языком. Для автора будут полезными не только предложения по этим вопросам, но не менее важны и критика, а более всего – научная полемика.

[1] Реформатский А.А. Введение в языковедение. 2005. С. 158.
[2] Реформатский А.А. Введение в языковедение. 2005. С. 211.
[3] Гамзатова Г.Г. Языки Дагестана. 2000. С. 257.
[4] Комчатнов А.М., Николина Н.А. Введение в языкознание. 2002. С. 29.

Ахмет Денисултанов

Харизма инсталляций

Афоризмы

Не уверен – загляни в сайт будущего!

– Господа, глас вопиющего в пустыне – это монолог оптимиста в вопиющую пустоту.

Как часто люди общаются друг с другом на языке глаз, губ и… себестоимости.

Пришла беда – поздно открывать не ворота, а рот.

Отправляясь за знаниями в Китай, не забудьте захватить с собой русско-китайский разговорник.

– Скажите, а стоит ли гибнуть за металл? Подождите, дайте подумать.

Если родственные души что-то и роднит, то это редко бывает душевным и близким.

Старика Гобсека еще понять можно, но старуху-процентщицу, которую Раскольников порешил – нет!

Для большинства счастье заключается в том, чтобы у тебя было на столе птичье молоко, а у других не было бы и козьего.

Для графа Дракулы делом жизни было не посадить дерево, вырастить детей и построить замок, а посадить на кол.

«Сударь, ваш рояль в кустах». – «Какое счастье!» – воскликнул маленький Моцарт.

Интересно, какими глазами Олимпийские боги смотрят на нас, смертных?

Черт, куда демократия катится, уже и правозащитники ходят в левоцентристах!

Если нехорошо, не по-божески – значит, на библейские заповеди сверху наложили вето.

Эшафот – это то же лобное место, только на европейском жаргоне.

Лучше дважды наступить на одни и те же грабли, чем один раз на противопехотную мину.

– Джентльмены, дозвониться до Господа мешает не сбой в телефонной сети, а наша греховность.

Стоило только Отелло в последнем действии подойти к Дездемоне, как из зала закричали: «Мочи ее, падлу!»

Увы, но и цветы удовольствия, чаще всего, бывают с шипами.

«Слушай, а куда она грабли дела?» – спросил муж жену, разглядывая статую Венеры Милосской.

Молчание – не золото, а признак общественного конформизма.

Жизнь, как в амфитеатре – от личной драмы к общественному фарсу.

Чтобы заполнить вакуум в голове, нужно прикладывать не бытовой компрессор, а умные мысли.

Если и шапке Мономаха по кругу – то что говорить о шляпе Паниковского?

Лучше «повторение – мать учения», чем откровенный плагиат.

Чем меньше у политиков презумпции невиновности, тем больше политика – теория ее вероятности.

Нет хуже милости от природы, чем гуманитарная помощь.

Если рабочего и колхозницу отправляют в бессрочный отпуск, значит, кузница кадров ушла с отбойного молотка.

В одну и ту же мутную речку трудно войти дважды на «бис».

Четвертая власть и пятый угол – суть понятия несовместимые.

Недостаток навязчивых идей не в том, что они висят в воздухе, а в том, что диктует условия.

Цифры на бочку, статистика!

Чем реже картошка в парадном мундире, тем легче с нее снимать стружку.

От одной лошадиной силы ума начинается такая производительность труда, от которой страдает не производительность, а этика.

Планов громадье – это поступательная инерция, которая дает представление о прогрессе, как о нечто стабилизирующем и устойчивом.

Если Моська лает на слона – значит, у нее «крыша» выше некуда.

Быть маленьким и незаметным – это планка и шкала ценностей, которую устанавливает нам время, жизнь и… судьба.

Все Сизифы похожи друг на друга: в каждом краеугольном камне они видят знамение.

Душа ребенка – это чистая неисписанная доска: делай ошибки – не хочу.

Это у человечества история, а все остальное – исторические факты и сплошные мемуары, высосанные из пальца.

Все могут короли, если они, конечно, не голые.

Здравствуйте, я ваш понедельник!

Если Диоген катит бочку – значит, переселился в элитное жилье.

Если любовь требует от нас материальных жертв, то это и не любовь вовсе, а лохотрон.

Это до Бога далеко, а небожители гораздо ближе, чем нам этого хотелось бы.

Нет ничего хуже, чем с кирзовой рожей лезть в калашный ряд.

Кто не умеет стоять в общей очереди, тот, как правило, наступает не только на пятки, но и толкается локтями.

– Ура! А дальше что?

Слова, которые ничего не значат, – это словоблудие на семи ветрах.

Аксиома: это до чиновника далеко, а до Господа – один шаг.

Хроника культурной жизни

Переполох в театре «Серло»

С-ра Леонсио (Х. Ахмадова), с-р Сотильо (Р. Мишаев).

22 июня молодежный театр «Серло» порадовал зрителей новым спектаклем – на этот раз артисты обратились к пьесе испанского драматурга XVIII века Альвареса Портеса и играли на русском языке. Творческий «переполох» в театре был «спровоцирован» известным московским режиссером, заслуженным деятелем искусств РФ Дмитрием Горником. По приглашению художественного руководителя нашего молодежного театра Хавы Ахмадовой он провел для начинающих чеченских артистов мастер-классы и поставил комедию в 2-х действиях «Ночной переполох» по пьесе «Дом, где все кувырком».

Почему выбор пал именно на Горника? Ответ прост: потому что он профессионал и имеет большой опыт подобных выездных творческих работ – выпускник режиссерского факультета драмы ГИТИСа (курс А.В. Эфроса) осуществил более 70-ти постановок в театрах России, работал в кино, на телевидении.

Начинал антрепризным спектаклем «Кто последний за любовью?», который уже восемь лет идет на пространстве от Калининграда до Сахалина, был в Хельсинки, Германии, Израиле, США. Среди работ Горника постановки с участием таких известных актеров, как Дмитрий Дюжев, Павел Майков, Лариса Удовиченко, Людмила Чурсина, Станислав Садальский, Владимир Конкин, Алексей Никульников, Юрий Чернов, Алиса Гребенщикова, Елена Захарова. Спектакли постоянно идут на площадках лучших театров Москвы – например, в театре киноактера, театре Романа Виктюка, – Петербурга и прибалтийских государств.

Среди последних проектов – постановки Ф. Саган, А. Толстого, Т. Уильямса в Омске, Благовещенске, Караганде.

Дмитрий Горник быстро адаптировался к чеченским реалиям. На сдаче спектакля режиссер вышел на сцену в тюбетейке и так называемой «пятничной» форме. В разговоре выразил восхищение Грозным, развивающимся семимильными шагами, современными и чистыми улицами, без «бычков» и прочего мусора, доброжелательными горожанами.

На вопрос, почему именно к этой пьесе решил обратиться режиссер, он ответил: «Трудно найти в современной драматургии материал, который можно привезти на Кавказ. Эта пьеса актуальна по тематике и подходит к кавказской ментальности: проблемы семьи, морали, любви, отношений между молодыми людьми в увлекательной форме и без пошлости, правда, текст пришлось несколько изменить, ведь чеченская

публика отличается особенным пуританством».

– Как Вам работалось с чеченскими артистами?

– Молодым ребятам недостает мастерства – это потому, что пока нет достаточного сценического опыта и хорошей школы, отсюда неуверенность. Однако все, кто занят в этой постановке, имеют хороший потенциал, что и отразилось на результате.

– Вы им, судя по всему, довольны?

– Да.

Это действительно так: актеры выложились максимально и раскрылись в новом свете, причем молодежь (Фатима Мезиева, Леда Давдаева, Рамзан Умаев) ничуть не уступала мэтрам (Амрану Джамаеву, Мусе Аюбову, Бай-Али Вахидову). Ну а Рудольф Мишаев в роли сеньора Хорхе Сотильо в дуэте с Хавой Ахмадовой – своей сценической супругой Леонсио (еще один сюрприз для зрителя, привыкшего в последнее время к Хаве как к режиссеру) – был неотразим и точен и в мимике, и в интонациях, и в пластике. Зал бурно реагировал не только на реплики, выразительными были лица и телодвижения артистов – те невербальные сигналы, которые они искрометно и щедро посылали в зал.

В основе сюжета этой несложной комедии положений скандал между супругами, подогреваемый любопытной соседкой-писательницей, в результате которого происходит безумная путаница, накатывающаяся с каждой репликой и выходом нового героя как снежный ком – это нужно видеть собственными глазами. Источником смешного, как и принято в этом жанре, являются события и обстоятельства. Действие построено исключительно на внешнем комизме – комизме ситуаций, в которые попадают персонажи в процессе его развития. Мария пытается написать роман, построенный на якобы супружеской измене, она весьма беспардонно вмешивается в жизнь соседей, плетет интриги, закручивает «сюжет» «детективной» истории… Посылка пьесы очевидна: не вторгайся в частную жизнь других людей, не вмешивайся, не сплетничай, не любопытствуй, а иначе все пойдет кувырком, и тогда последствия могут быть необратимыми.

В стихии легкого и непринужденного фарса наши актеры чувствуют себя весьма органично, видимо, сказывается не только работа с Мастером, но и предыдущие постановки блистательных чеченских комедий Мусы Ахмадова с режиссурой заслуженного деятеля искусств ЧР Хавы Ахмадовой – «Город, построенный на льду», «Ушедший за саваном» и др. Творческий тандем Ахмадовых заложил прекрасный фундамент для того, чтобы состоялся слаженный артистический коллектив, готовый, в том числе, на полную отдачу сотрудничать с режиссером со стороны. Хотя Горник привез практически обкатанную в других театрах постановку, не обошлось без местной специфики, которая внесла определенные коррективы в текст, костюмы, мизансцены, контактность (например, Мария здоровается с сеньором Хорхе через свой писательский инструмент – ручку, служанка Пура спускается с возвышения, подавая вместо руки веер партнеру, дочь Лео после долгой разлуки с отцом не бросается ему на шею, а выражает восторг исключительно голосом, мимикой и красноречивыми жестами – в общем, были учтены мельчайшие детали чеченского этикета, которые никоим образом не помешали восприятию «горячей» по накалу эмоций героев и ответной реакции зрителей пьесы).

Дмитрий Горник посетовал на некоторые «экстремальные» условия работы: «Помещение у театра не свое, ведь «Серло» располагается в театрально-концертном зале, где все время занята сцена республиканскими мероприятиями, концертами, а потому срывались графики репетиций, приходилось сворачивать и вновь устанавливать декорации, а это дополнительно изматывает. Было бы намного проще и продуктивней, если бы у театра было свое собственное пристанище».

Кстати, в этом спектакле сошлось все: качественная драматургия Альвареса Портеса; опытный режиссер-постановщик Дмитрий Горник, который также осуществил сценографию и эффектное музыкальное оформление; хореография Ахмеда Дукалаева помогла актерам создать атмосферу жаркого по страстям Мадрида; яркие костюмы Светланы Дадакаевой подчеркнули красоту актрис и характеры персонажей; художественное оформление Абу Пашаева помогло зрителям представить небольшой особнячок типичного испанского буржуа средней руки. А самое главное – удачный актерский ансамбль, который умело взаимодействовал и вывернул наизнанку своих комичных героев, среди которых – и это еще одна особенность пьесы – нет второстепенных, все важны для того, чтобы действие стремительно развивалось, и потому все главны (для чеченцев – идеальный вариант). Ну и, конечно, как никогда благодарная публика и искренние разноголосые «Браво!», летевшие со зрительного зала на сцену.

Лидия МАХМУДОВА

Книжные новинки

Новая книга о культуре чеченцев

В Грозном вышла в свет очередная монография Тамары Эльбуздукаевой, кандидата исторических наук и заместителя генерального директора Национального музея ЧР по научной работе – «Культура Чечни: XX век».

Монография впервые знакомит читателя с основными этапами культурной жизни чеченцев, захватывая конец XIX и начало XXI вв. Среди разделов книги: «Культура и быт чеченцев в конце XIX и начале XX века», «Культурное строительство в Чечне и Ингушетии в 20–30-е гг. XX в.» «Культурная жизнь чеченского народа в годы Великой Отечественной войны и депортации (1944–1957 гг.), «Культура народов Чечено-Ингушетии в 50–80 гг. XX века», «Культура Чечни в постсоветский период».

В своей монографии автор впервые исследовала основные вехи культурного развития чеченского народа на протяжении XX столетия, в том числе: развитие культуры в годы войны и депортации, постдепортационный период культурной адаптации, трансформация культурных ценностей в годы кризиса 1990-х, возрождение культуры чеченского народа на современном этапе.

Анализируя процесс культурной жизни местного населения, автор книги, в частности, обращает внимание на своеобразие ментальности чеченцев: «История и культура чеченского народа является составной частью кавказской и общероссийской цивилизации. Чеченский этнос, тесно взаимодействуя с культурами народов России, сохранил свои этнокультурные особенности: язык, обряды, обычаи, традиции социальные и духовно-нравственные идеалы».

Свою задачу автор видит в том, чтобы удовлетворить потребность широкого читателя в научно-популярной книге по истории культуры чеченского народа XX века.

Малика Дышниева

К нашим иллюстрациям

Одержимые красотой

В выставочном зале Государственной галереи им. А.А. Кадырова недавно прошла персональная выставка чеченских художников (отца и сына) Сулеймана (1938) и Асламбека (1978) Амаевых «Красота родного края», посвященная Дню Мира в Чеченской Республике. Все работы художников объединяла одна тема – любовь к родному краю. На выставке было представлено 36 оригинальных работ авторов и пять репринтов на картоне.

Сулейман Ахмадович Амаев, как и его сын Асламбек, неоднократно принимал участие в выставках самодеятельных художников, награждался дипломом и грамотами. Он уже тридцать лет работает учителем рисования в Шатойской средней школе, все эти годы учит детей постигать азы искусства, воспитал не одно поколение талантливых молодых людей.

Художественный почерк Сулеймана Амаева отличается особенной выразительностью и оригинальностью. Амаевские пейзажи невозможно забыть или перепутать с похожими работами других художников: цветовая палитра, используемая автором и характерная скорее для картин, написанных акварелью, запечатленные образы природы родного края создают буквально осязаемое ощущение света, тепла и жизненной энергии.

Однако главное достояние и богатство художника, как впрочем и для всех любящих родителей, представляется ему в своих детях – талантливых, скромных, трудолюбивых: они занимаются резьбой по дереву, пишут кистью, снимают кино, строят дома. И хотя они не получали академических знаний, не заканчивали художественных школ, тем не менее сумели передать в своих картинах национальный колорит и многообразие художественных образов. В каждом поколении Амаевых – творцы, и свой талант, кажется, передают по наследству.

На обложке журнала представлены следующие работы художника С. Амаева: 1стр. – *«Зачарованная башня »,* 2 стр. – *«Полдень в горах»,* 3 стр. – *«На дне ущелья»,* 4 стр. – *«Горная страна».*

Сацита Исраилова

Сведения об авторах и переводчиках

Валид Докаев (1968). Родился в с. Алхан-Юрт Чечено-Ингушской АССР. В 1996 году окончил филологический факультет ЧГУ. По окончании вуза несколько лет работал по специальности в средней школе. Также работал в качестве зам.редактора в газете «Кавказский дом» (1995-1996 гг.). Пишет стихи, прозу, статьи публицистического характера. Публикуется с 1989 года в местной периодической печати, а также в газете «Красная звезда».

Халим Бурчаев (1956). Окончил филологический факультет ЧИГУ в 1980 году. Публикуется в республиканских периодических изданиях с 1977 года. Прозаик, публицист, литературный критик. Является членом Союза писателей и Союза журналистов России.

Насрудин Ярычев (1983). С отличием окончил очное отделение факультета социальной работы, педагогики и психологии Российского государственного социального университета (г. Москва), а также заочное отделение исторического факультета ЧГУ. Доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики и психологии ЧИПКРО, доцент кафедры технологии социальной работы юридического факультета ЧГУ. Начальник отдела по надзору и контролю в сфере образования Министерства образования и науки Чеченской Республики. Автор 2 монографий и более 100 опубликованных научных и учебно-методических работ. Пишет на русском языке. Его перу принадлежат два сборника стихотворений: «Мысли гранита» (Самара, 2003 г.), «Мерцающий пепел» (Москва, 2010 г.). Лауреат Всероссийской независимой литературной премии «ЛИРА» им. О.Э. Мандельштама. Обладатель индивидуального исследовательского гранта Европейского фонда поддержки молодых ученых малочисленных народов (Брюссель, Королевство Бельгия). Член Европейского клуба современной молодежной литературы «LIFE» (Стокгольм, Королевство Швеция).

Шаран Дашаев (1940). Родился в с. Урус-Мартане ЧИАССР. Окончил Чечено-Ингушский пединститут, Высшую партийную школу при ЦК КПСС. С 1960 по 1965 год работал учителем русского языка и литературы, чеченского языка и литературы, завучем, с 1965 года – корреспондентом радио, с 1966 года – в районной и республиканской газетах завотделом, замредактора, редактором. С 1999 по 2006 год – начальник отдела, заместитель и 1-й заместитель главы администрации г. Урус-Мартана. Статьи, очерки и рассказы публиковались на страницах республиканских газет, журналов «Вайнах», «Орга».

Майрбек Лулуев (1956). Родился в Казахской ССР. В 1983 году с отличием окончил Чечено-Ингушский госуниверситет по специальности «преподаватель русского языка и литературы». Стихи пишет со школьной скамьи. Печатался в журнале «Орга», в районной газете «Колхозная жизнь». С 1993 года проживает в Саратовской области. Там же публикуется.

Малика Гортикова. Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия (2005), заслуженный работник культуры Чеченской Республики (2009). Окончила филологический факультет ЧИГУ в 1974 году. Участница первого Всесоюзного совещания молодых журналистов (г. Москва). Многие годы возглавляла один из ведущих отделов Чечено-Ингушской молодежной газеты «Комсомольское племя». В период известных событий в ЧР в середине 90-х годов выпустила два номера женского журнала «Малика», посвященного духовным ценностям чеченского народа (московское издательство «Некос», печать – Финляндия). С 2007 года – заведующая отделом древней, средневековой и новой истории Национального музея ЧР. Соискатель ученой степени кандидата исторических наук. Автор ряда научных работ (Грозный, Ростов-на-Дону, Краснодар).

Лидия Довлеткиреева. С отличием окончила филологический и юридический факультеты ЧГУ. 1-й зам. главного редактора журнала «Вайнах», доцент кафедры русского языка ЧГУ, кандидат филологических наук. Журналист, литературовед и критик. Участник Вешинского форума молодых литераторов ЮФО (2005), 1-4 Совещаний молодых писателей и критиков Северного Кавказа в Нальчике (2008), Майкопе (2009), Домбае (2010) и Цее (2011), VIII–X Всероссийского форума молодых писателей и критиков в Липках (2008-2010), стипендиат Министерства культуры РФ в номинации «Молодые таланты России» (2008). Лауреат премии журнала «Вайнах» (2008). Лауреат «Литературной России» (2011). Публикации – в республиканской прессе, «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Дружба народов», «Знамя», «Октябрь» (М.), «Волга XXI век» (Саратов), «Литература Юга России» (Краснодар), «Дон» (Ростов-н-Д), «Минги-Тау», газете «Литературный Кавказ» (Нальчик), сборниках научных трудов Кабардино-Балкарского, Пятигорского лингвистического, Московского, Ставропольского госуниверситетов, сборнике прозы, поэзии и критики северо-кавказских молодых писателей (М., 2009), сборнике «Новые имена» (М.. 2010), каталоге лучших произведений года (М., 2011).

Имран Исмаилов (1957). Окончил Уральский госуниверситет, факультет журналистики, в 1981 году. Пишет статьи публицистического характера. В республиканской периодической печати публикуется с 1977 года. Является зам.редактора газеты «Молодежная Смена».

Юсуп Амаев (1956). Родился в Киргизской ССР. Окончил экономический факультет ЧИГУ в 1982 году. Пишет статьи публицистического характера. В журнале «Вайнах» публикуется впервые.

Ахмет Денисултанов (1953). Окончил филологический факультет ЧИГУ. Публикуется с 1984 года. Жанры творчества – поэзия, проза, афористика. Художник. Автор сборника «Афоризмы» (1998), рассказов «Граммофон», «Альма-матер», «Созвездие Мельпомены», «Бригада № 6», опубликованных на страницах журналов «Вайнах», «Нана». Ведет рубрики афоризмов на страницах местных периодических изданий.